

Дмитрий Ластов

СУМЕРКИ

ПЬЕСЫ

Дмитрий Ластов

СУМЕРКИ

ПЬЕСЫ

Издательские решения
По лицензии Ridero
2018

УДК 82-3
ББК 84-4
Л26

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Ластов Дмитрий

Л26 СУМЕРКИ : ПЬЕСЫ / Дмитрий Ластов. — [б. м.] :
Издательские решения, 2018. — 174 с.
ISBN 978-5-4493-7397-7

«Здесь, у нас в квартире, есть наш мирок, где есть я и она, а вокруг все остальные. Так трудно сохранить этот наш мирок, когда вокруг вся эта жизнь. Как бы просто было запереться в каком-то одном счастливом мгновении... счастливом дне и чтобы не было ничего потом. Но будет это „потом“... Она — сильная... Она борется... Она не хочет, чтобы её жалели... Она не хочет жалости, сострадания. Она хочет жить...» (Из пьесы «Сумерки»)

УДК 82-3
ББК 84-4

16+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4493-7397-7

© Дмитрий Ластов, 2018

ВВЕДЕНИЕ

Пьесы, я сразу же скачал и в течение двух суток прочёл. Конечно, как критик, я специализируюсь в основном на поэзии и художественной прозе. Могу сказать, что пьесы Ваши прочёл с удовольствием. Взволновал сюжет «Сумерек», понравились герои (даже отрицательные Катя и Вика получились весьма яркими и узнаваемыми в наше время), а Дед своей житейской мудростью мне чем-то напомнил моего отца (когда читал — таким Фёдора Ивановича и представлял), да и свои реальные «аналоги» Ани, Пети, Нины у меня тоже возникали. Очень удачно выбрано название — ведь сумерки могут быть и закатными (обречённость) и предрассветными (надежда). Весьма своевременно Автор даёт читателю понять, что столица — не панацея для раскрутки таланта, что главное — быть самим собой и не отчаиваться ни при каких ситуациях (кстати, Виктор Астафьев и Валентин Распутин тоже не были столичными жителями). Если тему пьесы «Сумерки» выразить в трёх словах — это «Вера, Надежда, Любовь». У пьесы «Сумерки» открытый финал: автор оставляет всех героев в живых. В этом — надежда на чудо. И помимо четырех прекрасных песен, условно звучащих в пьесе, «просится» ещё одна — знаменитая «Надежда» Александры Пахмутовой и Николая Добронравова (тоже из репертуара незабвенной Анны Герман).

Тронули меня и «Круги на воде» — временами казалось, что смотрю какой-то не вошедший в основную версию эпи-

зод фильма Михаила Калика «Любить...». Мне кажется, знаменитый «ностальгический» проигрыш «Кругов...», должен звучать при переходе от одной части к другой. Более того, на мой взгляд, целесообразно было бы включить и другие романсы-элегии цикла «Полутона» Аркадия Островского на стихи Инны Кашежевой («Лунный камень», «Дожди» — они все присутствуют на уцелевшей — в пьесе, — пластинке Майи Кристалинской 1968 года выпуска) плюс «Доверчивую песню» на стихи Льва Ошанина, которую многие островсковеды считают попыткой окончательного, как бы «хэппи-эндового» завершения знаменитого «Дворового цикла».

Игорь (Nikodim)

НОЯБРЬ

(простая история о любви и дружбе)

Посвящается Сэму Шепарду

Действующие лица:

ЛЁША, плотный мужчина, бывший военный семидесяти лет.

ПАША, сухощавый мужчина интеллигентного вида семидесяти лет.

МАША, жена Лёши, женщина под семьдесят лет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начало ноября. Вечер. Комната на даче. Окно занавешено старыми тряпками. В углу камин. Две двери. Стол, стулья, куча какого-то мусора. Плита, чайник, тарелки. Висит одежда. На полу лежат какие-то инструменты, доски, коробки.

Лёша ходит по комнате. Видно, что он нервничает. Смотрит на часы. Прислушивается. На столе лежат продукты. Звонит сотовый телефон. Лёша подходит, ухмыляется. Трубку не берёт. Телефон продолжает звонить.

Слышится звук подъезжающей машины. Хлопает дверь. Лёша отодвигает тряпки и смотрит в окно. Продолжает нервно ходить. Слышится стук. Лёша выходит. Слышится звук открываемой двери и голоса. В комнате появляются Лёша и Паша. Паша выглядит растерянным.

ЛЁША. Ты сюда клади. Сюда. *(Паша кладёт свой порт-*

фель и снимает пальто). Там что, похолодало? Похолодало? Ещё похолодало?

ПАША. Для начала ноября терпимо.

ЛЁША. У тебя всё терпимо. Я же чувствую, что похолодало.

ПАША. Похолодало.

ЛЁША. Сюда ехал, так дождь лил, а сейчас уже снег.

ПАША. Топишь?

ЛЁША. Да. Как чувствовал.

ПАША. Что?

ЛЁША. Ну, строил когда... Дачу строил... Думаю, ставить камин или печку, платить за неё...

ПАША. В каком смысле?

ЛЁША. Ну, может, не пригодится. Деньги отдам, а что? Зачем она? Если только летом жить здесь — зачем она? А видишь как... Да дров мало... Вот, что попало, жгу тут... мусор всякий... *(Показывает рукой на стопку тетрадей, журналов, книг, альбомов, конверты от пластинок)*.

ПАША. А руки помыть...

ЛЁША. Да ты, вон там... Скважину не успел сделать — к роднику хожу. Там вон — смотри. Воду только не лей сильно. Экономлю.

ПАША. Понял.

ЛЁША. Чистюля!

ПАША. Что?

ЛЁША. А ты чего? Ты с работы прямо? Натаха тебя отпустила?

ПАША. Типа того..

ЛЁША. Типа... типа... Есть будешь? Я тут вот, что было, сделал... ужин.

ПАША. Я не очень хочу.

ЛЁША. Как это... Ты чего... Давай!

ПАША. Ты-то как сам тут?

ЛЁША. Да видишь как... Я же гордый. Я терпеть не буду!

ПАША. Видно.

ЛЁША. Я же всё в дом. Понимаешь, всё для них. А они заруководили... Проходу нет.

ПАША. Видно.

ЛЁША. Да что тебе видно?! Она говорит мне...

ПАША. Кто?

ЛЁША. Ну, как кто... Жена — Машка. Говорит: на дачу твою не поеду. Вот так вот. Я два года её строил, а они ехать не хотят. Я же для них. Для каждой — комнату, гвоздик к гвоздику. Душу же вложил. Старался. Думал, для них... чтобы радовались, чтобы на природе... А они всё в свои квартиры... Всё ремонты... Всё дела у них... Одна квартира, другая... Одна развелась... Третья в своих делах... Тьфу!

ПАША. И что?

ЛЁША. Не хотят. Вот, всё по-ихнему должно быть. Вот они решили — так и всё... Вот у них там лагеря да путешествия всякие... А вот так, как я, не хотят. Не нужна им дача... Сколько строил — и не нужна. Сколько я сил потратил... Сколько нервов... Ведь для них — не для себя.

ПАША. А дочки?..

ЛЁША. Да ну...

ПАША. Чего, не сдержался?

ЛЁША. Не знаю. Не помню уже. Настроения не было. Не помню. Сказал, что в их долбаном бабском царстве ноги моей не будет. И всё...

ПАША. И всё?

ЛЁША. Да нет... Погорячился я.

ПАША. Видишь.

ЛЁША. Да чего там... Ты же понимаешь... Вся жизнь по гарнизонам прошла... Мыкался от одного океана до другого. Ну хоть какой-то уголок хотел для них, для себя сделать — чего в городе сидеть... Понимаешь... А они!..

ПАША. И что?

ЛЁША. Ну, Машка с дочками. Квартира у них... Дела...

ПАША. Причём тут квартира?

ЛЁША. Машка уже всё спланировала. Всё у нее по плану.

Всё решено. Всё правильно должно быть... И дача им не нужна. Делают, как хотят. Вот спросишь меня: спрашивают меня о чём? Вот спроси...

ПАША. Спрашивают?

ЛЁША. Спросить-то спросили. Да не так... Понимаешь, у неё там планы... Она всё решает... А мне что?! Я же хозяин. Я же главный... Я полком командовал!

ПАША. Ну, конечно, главный.

ЛЁША. А если я с ней разведусь. Понимаешь?

ПАША. Даже так...

ЛЁША. Я служил... Я сколько лет... Я разве не имею право на уважение?! Она кто? Жена... Я же главный! Не она же...

ПАША. Ты что, разводиться собрался?

ЛЁША. Да какое там. Просто подумал: у неё есть свой угол, а я здесь буду... Буду здесь жить.

ПАША. Один? Здесь?

ЛЁША. Да так... Мысли...

ПАША. Но если разводиться не собрался, тогда...

ЛЁША. Ну не знаю, там что. Так просто. Мысли крутятся... Я ей сгоряча и говорю, даже не помню, что там я сказал... Ну, что квартиру мне дали... Ну, понимаешь, как военному дали... Мне дали — а не ей... Квартира — моя.

ПАША. Так и сказал?

ЛЁША. Сказал.

ПАША. А она что?

ЛЁША. Да ничего... Вот здесь теперь.

ПАША. Лёша, ну ты что — она с сколько ездила с тобой. Дочек родила. Ну...

ЛЁША. Да, я же понимаю... Но я такой, ты же знаешь... Сказал — не подумал. Она про дачу — а у меня мысль понеслась. А теперь... Я же не могу вот так... Я же не баба. Сорвался я, понимаешь! Сам не рад. Вот как бы закруглить бы...

ПАША. Давно здесь?

ЛЁША. Три дня.

ПАША. А они?

ЛЁША. Звонят по очереди.

ПАША. А ты?

ЛЁША. Не беру трубку.

ПАША. Зачем?

ЛЁША. Что зачем?

ПАША. Трубку чего не берёшь?

ЛЁША. Не хочу. Пусть мучаются. Может, я уже сдох.

ПАША. Они знают, где ты?

ЛЁША. Вряд ли. Что тут, не знают... Дача-то не достроена.

ПАША. Они волнуются.

ЛЁША. У меня что, много запросов. Ну, выпью иногда, ну, на рыбалку поеду... Ну... Ведь не считаются со мной, понимаешь... Вот, делают, как они хотят, как им надо... А я ведь, всё ради них... Дом вот этот построил... А они?! Им далеко сюда, им не надо... Им... Тьфу...

ПАША. Ну чего ты...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛЁША. Давай есть.

ПАША. Лёш, ну не хочу я. Нет аппетита.

ЛЁША. Вот ты такой же. Я же дачу купил тут. Думал — будут ездить, будет дом — родовое гнездо. А что они? Да ну... А выпить хочешь?

ПАША. Немного. *(Нехотя.)*

ЛЁША. Давай. А там и поешь. Закусишь...

Паша наливает из бутылки.

ПАША. Только немного.

ЛЁША. А мне знаешь, так тоскливо тут. Думаю, ну кому позвонить. Все — уроды... Только ты... Ведь школьная дружба, понимаешь... Давай за нас... За школу... А?

ПАША. Давай.

ЛЁША. Вот бери, знаешь... Чего такой молчаливый?

ПАША. Голова болит.

ЛЁША. Да уж... У меня и таблеток тут нет. Вчера еле-еле тут... Понимаешь, давление... Высокое, наверное, было. Еле-еле... Я вот выбежал как от них, сел в машину и погнал. Думаю — куда: к брату, в гаражи, в авторемонт? Подальше от всего... Рулил, а тут смотрю — сюда прирулил. Накопилось. Вот по горло накопилось... Девки достали...

ПАША. Ты сам не прав.

ЛЁША. Понимаешь... Давай, вот картошки. Ешь. А? Понимаешь... Я же всё для них... Из армии ушёл... Ну, чем там заниматься мог. Ну машинами... И автосервис этот открыл. Потом ещё... Ну работа пошла. Ведь всё для них... Ну...

ПАША. А внучка?

ЛЁША. Мариночка. Портят они её. Девочка умная, а они её засюсюкали. Катька — дура... Развелась... Ты же знаешь... И вот целыми днями носятся над Мариночкой, портят её. А девчонка умная... Только хитрая.

ПАША. Ты чего, из неё солдата сделать хочешь?

ЛЁША. Да причём тут... Солдата — человека.

ПАША. Ну сюсюкают, и славу богу.

Лёша подходит к телефону. Находит там что-то и даёт Паше по-смотреть.

ЛЁША. На, смотри. Ты её давно не видел. Во какая стала! Умная девка!

ПАША. Да уж... Выросла.

ЛЁША. Да тебе не понять. У вас с Натахой ни детей, ни внуков...

ПАША. Сказал.

ЛЁША. Да не парься. Давай по одной. И ешь.

ПАША. Не наливай так много.

ЛЁША. Давай за дружбу. Ага!?

ПАША. Ну давай.

ЛЁША. Я приехал сюда, думаю — буду спать. Тихо. На дачах народу никого...

ПАША. И что?

ЛЁША. Спать не хочется. Всю ночь лежишь и думаешь.

ПАША. И о чём?

ЛЁША. Ну, лежишь и о жизни соображаешь: правильно ты живешь или не правильно.

ПАША. И что насоображал? *(Немного иронично.)*

ЛЁША. Да ты не пересмеивай.

ПАША. Да я и не собирался.

ЛЁША. Ну... ничего я не понял... Вроде, жил честно, вроде, всё как надо... А вот как-то всё не так. Ну жена, ну дочери... А всё как-то грёбано получилось... Вот люди, как ты, всю жизнь служат чему-то хорошему — науке твоей. С утра до ночи... А я что? По частям да по частям... а потом гайки сраные в моторах перебирал... А что, я нужен кому сейчас? Никому! Мариночка. Она бежит ко мне — деда, дай то, деда, дай это... А я её спросил, кого она любит больше...

ПАША. И что сказала?

ЛЁША. Бабу. Понимаешь, бабу Машу... Тьфу!

ПАША. А Катька что?

ЛЁША. А они все молчат. Хоть бы кто сказал... Хоть бы кто... А Дашка — младшая...

ПАША. А она что?

ЛЁША. Бабе уже сорок скоро, а она себе татуировку сделала. На руке...

ПАША. Сейчас все так...

ЛЁША. Я её так и зову — уголовница.

ПАША. Зачем?

ЛЁША. Глупо. Татуировки делать глупо. Бабе под сорок — она татуировку лепит.

ПАША. Это пустяки.

ЛЁША. Какие пустяки!? А её муж — не лучше. У него на шее змея.

ПАША. Татуировка?

ЛЁША. Ну да. Я его как вижу, руки так и тянутся ему эту шею выкрутить. Давай по третьей...

ПАША. Да подожди ты... Голова болит.

ЛЁША. Вот у меня, так всё время голова и болит... Может, из-за давления. Или так... Три ночи глаз не сомкнул. И всё что-то роится, всё в голове копошится... А тишина здесь такая, что будто даже шорох мыслей слышишь, а может, это и мыши... Знаешь, много их тут — паразиток, мышшей этих...

ПАША. Ловишь их?

ЛЁША. Да, тут попалась одна. Знаешь, так билась, бедная. Ночь. Тихо. И мышка поддыхает в мышеловке. Понимаешь, раньше вот не жалел я их... А её что-то жалко стало. Лезжал и думал, чего душу загубил? Зачем? Бегала бы себе... Мне не жалко...

Раздаётся телефонный звонок. Лёша и Паша смотрят в сторону телефона. Лёша подходит к нему.

ЛЁША. Катька теперь...

ПАША. Дочка?

ЛЁША. Ага.

ПАША. Не возьмёшь?

ЛЁША. Нет.

ПАША. Возьми.

ЛЁША. Нет.

ПАША. Волнуются.

ЛЁША. Пусть.

Лёша возвращается к столу.

ЛЁША. И понимаешь... Вот крутишься там в городе целый день... Возраст уже у нас ого-го! А дел полно. А тут — тишина. И птицы уже улетели. И рядом никого... И такое прямо одиночество тут. Просто зашибись! И пустота какая-то, как в могиле... Особенно ночью.

ПАША. Ну...

ЛЁША. Ну и знаешь... стал тут думать, а кому я нужен? У детей свои дела... Мариночка — малышка. Чего с нее

взять. Машка тоже всё туда-сюда — занята... Вот так по душам-то поговорить и не с кем. Вот так сесть и поразмыслить... Ведь так?

ПАША. Допустим.

ЛЁША. Вот прошлой ночью. Я перебирал всех наших... Ведь уже сколько умерло. А армейских... А те кто остался... Ну, позвоню я им... Ну и что... Приедут? Да не фига! Кому нужно. У всех дела. Думаю... только Пашке-другу я нужен. Давай ещё раз за дружбу...

ПАША. Лёш. Лёша!

ЛЁША. Давай. Пей.

ПАША. И много ты тут...

ЛЁША. Да по дороге купил. Две бутылки. Я же непьющий... Ты чего...

ПАША. Все-таки по дороге успел зарулить в магазин.

ЛЁША. Ну чего-ты. С горя... Паш!

ПАША. Сопьёшься ты тут...

ЛЁША. Да я разве пью.

ПАША. Вижу.

ЛЁША. Я тут Ирку вспоминал. Помнишь?

ПАША. Как её не помнить.

ЛЁША. Красотка была...

ПАША. Быстро всё пролетело.

ЛЁША. Я тоже тут лежал и об этом думал. Ну там, когда нам по двадцать было, как-то и не думалось ни о чём. Я в армию пошёл, ты — в науку. А там, знаешь, как-то всё так закрутилось... и полетели эти годы.

ПАША. Пролетели.

ЛЁША. Ну, да... Пролетели. Когда я только школу закончил, помнишь у нас эти встречи одноклассников проходили в школе. Те, кто 10 — 15 лет назад школу закончили, такие дядьки солидные... Им лет по тридцать было. Такие взрослые они все были.

ПАША. А потом понеслось...

ЛЁША. А потом мы сами — фьить — и десять лет...

фбыть — и двадцать... И вот, что там... Сколько?..

ПАША. Да лет пятьдесят уже прошло.

ЛЁША. Полвека... Это же страшно. Я вот всё и думаю... Там люди подвиги совершали, космос покоряли... А я?.. Ну ты-то ясно — у тебя всё правильно шло и хорошо... А я?.. Я — ноль... Ну ничего...

ПАША. Лёш, брось... Ну что-ты...

ЛЁША. Да, понимаешь... Может, жить-то уже и не осталось ничего. Сколько лет-то уже... А оглядываюсь — всё пустяки какие-то... Не жизнь, а так...

ПАША. Лёш, а дети, а жена?.. А армия? Ну что ты... не плачься.

Лёша машет рукой.

ЛЁША. Вот золотое время было! Помнишь, как в наш дом мы все заселялись. Я во втором подъезде, ты в четвертом... Всё каким-то светлым, большим казалось. А может, уже и снесли наш дом...

ПАША. Нет ещё...

ЛЁША. Думаешь?..

ПАША. Был я там. Не снесли.

ЛЁША. Что, тоже ночами не спишь... Вспоминаешь...

ПАША. Типа того...

ЛЁША. Нигде в округе лифтов не было. Я девчонок в подъезд водил кататься.

ПАША. Дешёвая популярность.

ЛЁША. Ну надо же было использовать преимущества нового дома.

ПАША. А как ты оказался в нашем классе? Ты же только на следующий год к нам перешёл... Ты же в параллельном был.

ЛЁША. Я там, понимаешь, хулиганил... У отца патроны были, порох...

ПАША. Да это я помню. Слава богу, живы остались.

ЛЁША. Училка у нас молодая была... неопытная. С такой

шпаной, как я, не справлялась. Меня и перевели к вам, к Анфисе. Анфиса же строгая была. Я вот давеча лежал и думал, что если бы не Анфиса, то неизвестно ещё, что со мной стало бы. Шпаной бы какой стал и всё.

ПАША. Она не то чтобы строгая была.

ЛЁША. Я думаю, не зря она меня за парту с тобой посадила. Это у них такой педагогический ход. Я тебя расшевелил, а ты меня там утихомирил.

ПАША. Не похоже.

ЛЁША. Что?

ПАША. Что я тебя утихомирил.

ЛЁША. Да ладно тебе. А что там у дома нашего делал?

ПАША. Да так... Грустно как-то было... Вспоминал. Помнишь, там на дереве качели висели. Мы там с Натахой качались. А ты из рогатки в нас стрелял.

ЛЁША. Да ладно тебе — вспомнил.

ПАША. Ну вот дерева уже нет...

ЛЁША. А я вот, понимаешь... Ну вот, рассказать-то... ну вот, вспомнить... а никому и не надо... Катька тут на кухне крутилась... А я сел и говорю ей... ну там, хочешь я тебе воспоминания свои скажу: как из барака переселились... как пульки в костёр кидал... Ну и что... Сказала... что, пап, дел много... давай потом... Не нужно им... Вот и поговорить не с кем, хоть садись и сдыхай...

ПАША. От чего?

ЛЁША. От пустоты.

ПАША. Ты думаешь, от этого люди умирают.

ЛЁША. Ну от тоски...

ПАША. Ты тоскуешь?

ЛЁША. А чего, не тоскую? Ещё как! Это у тебя всё тип-топ — директор института, жена-Натаха. А у меня что? Ничего. И не нужен я никому... Вот никому не нужен.

ПАША. Перестань.

ЛЁША. А ты думаешь, я тебя глупее.

ПАША. Да не думаю я...

ЛЁША. Не глупее... Ну списывал у тебя... Это от лени...
Лень мне было ерундой заниматься.

ПАША. Математика — ерунда, да?

ЛЁША. Для тебя — не ерунда. А мне — ерунда. Толку от неё нет... Чего время тратить. Но я не глупее...

ПАША. Да кто спорит. Одень свой мундир, ордена...

ЛЁША. Вспомнил... Я бы дослужился... Я бы, понимаешь, дошёл бы до верха. Но вот как разозлюсь... Понимаешь... Скажу что-то... и всё. Ну...

ПАША. Лёша, ну кто спорит...

ЛЁША. Давай ещё раз. За математику!

ПАША. А она причём?

ЛЁША. Ну, пусть... Пусть будет математика. Жизни мне попортила... пусть будет.

Лёша наливает. Звонит сотовый телефон. Лёша подходит к нему.

ПАША. Маша?

ЛЁША. Нет, младшая теперь звонит. Дашка.

ПАША. Возьмёшь?

ЛЁША. Нет.

ПАША. Возьми и скажи, что всё хорошо. Жив. Здоров.
Что тебе стоит.

ЛЁША. Не возьму! Вот не возьму. Я так решил. Всё!

ПАША. Как хочешь.

ЛЁША. Давай за математику!

ПАША. За науку.

ЛЁША. Будь она неладна.

Оба молчат.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛЁША. А вот под утро засыпаешь... И знаешь, снится что-то, а понять не могу... И думаю, что снится...

ПАША. А мне и не снится ничего.

ЛЁША. Мне, знаешь, в городе сны-то и не снились. Так, отключаешься... и всё. А здесь прямо театр какой-то.

ПАША. Так что снится?

ЛЁША. Да вот, знаешь, ночью проворочаешься, а утром заснешь... Да вот не пойму, что снится: иду куда-то, а понять не могу, что это — то-ли деревня, то-ли бараки какие... и ищу кого-то, а найти не могу... А вот... тут Мариночку искал... Пошли с ней на каток... Она коньки надела... А я то куда... И пропала. Я бегаю, кричу: Мариночка, Мариночка, где ты? Все катаются, а Мариночки нет. Вот так и ищу...

ПАША. А мне двор снился тут...

ЛЁША. Ты говорил, что тебе ничего не снится.

ПАША. А тут снилось. Двор наш. Старый двор, твой подъезд, качели... И я на них.

ЛЁША. И что!?

ПАША. Натаха стоит внизу и качает качели. Сильно так — я чуть не падаю.

ЛЁША. Как это она?

ПАША. Да и я смотрю, стою на них и не пойму, как это она их качает. А качели крутятся и я на них... Странный сон.

ЛЁША. И что. Чем кончилось?

ПАША. Не помню... Проснулся...

ЛЁША. А тут мне снился Мирзобоев.

ПАША. Кто?

ЛЁША. Рядовой. Понимаешь, лет сорок назад служил я в Уссурийске, и там был один такой парень нерусский. Смешной такой, маленький, с усиками... Всё что-то не так делал. То ли не понимал, то ли вообще такой был... И всё я его гонял. А тут, понимаешь, приснился... Я ему говорю: ты же чего, ты же умер...

ПАША. А он чего, умер?

ЛЁША. Да, снарядами на артскладе придавило. А тут приснился... Смеётся... Усики... Я и фамилию-то его позабыл... уже не помнил, а тут приснился и чего приснился?!

ПАША. Раньше как-то чаще сны снились, а сейчас

не снятся.

ЛЁША. Мне тоже.

ПАША. Когда моложе был, мне казалось, что сны вещице бывают, что что-то сбывается из них.

ЛЁША. И что, сбывалось?

ПАША. Да уже и не помню.

ЛЁША. Мне война в детстве снилась, что я танком командую... Тимур и его команда снились.

ПАША. А сейчас ничего и не снится... Старость что ли... нечему уже сбываться.

ЛЁША. Да уж. Мне вот, когда Мирзабоева снарядами задавило, как-то всё равно было. Ну задавило, ну неприятно, ну парня жалко... А вот сейчас из головы он не выходит. Я говорю, и фамилию-то его позабыл уже... А сейчас всё думаю про него... Ведь ему сейчас лет шестьдесят было бы, жизнь бы прожил... Дети там у него были бы... ну хозяйство какое, жена, может, внуки... А всё осталось... ну, в общем, помер молодым, и нет ничего: ни детей, ни внуков... Жалко как-то... Раньше не думал, а сейчас вот всё думаю... и чего так...

ПАША. Старость, Лёша. Старые мы уже. Вон, как эти угольки — тлеют себе и тлеют... скоро погаснут...

ЛЁША. Сейчас я подброшу.

Лёша встаёт и начинает разгребать кучу с мусором.

ПАША. Что это за куча?

ЛЁША. Я же говорил — мусор. Из дома привёз. Что-то выбросить, чем-то огонь разжигать.

ПАША. А разве можно всё это жечь в камине?

ЛЁША. Да ну тебя... Правильный... Нужно...

ПАША. У тебя там какая-то пластмасса.

ЛЁША. Пластинки это, старые пластинки.

ПАША. И чего, горят?

ЛЁША. Да так, привёз их сюда. Выбросить жалко, да и хранить незачем. Что-то ломаю — потом выброшу. А бу-

мажки — жгу...

ПАША. Это что?

ЛЁША. Это Битлз. Болгарская пластинка.

ПАША. И чего, в огонь её?

ЛЁША. А чего жалеть.

ПАША. Она же денег стоила.

ЛЁША. Ещё каких. 15 рублей отдал. А вот это из ГДР привезли мне кореша. Видел! Американская! Дип Пёпл.

ПАША. И чего ты её — ломаешь?!

ЛЁША. Я уже, знаешь, за эти дни сколько их сломал.

ПАША. Зачем?

ЛЁША. А чего...

ПАША. Это же деньги... Сам же говоришь — память.

ЛЁША. Да ну...

ПАША. Я помню, когда покупал американскую пластинку Элвиса Пресли, за нее пятьдесят рублей отдал.

ЛЁША. Ну и дурак... Такие деньжища отдавать!

ПАША. Не дурак.

ЛЁША. Дурак... Никогда не понимал, чего в нём там особенного, чего ты этим Пресли, рок-н-роллом и всем таким занимаешься.

ПАША. Ты же тоже покупал пластинки...

ЛЁША. Ну, я-то покупал... Так, по случаю...

ПАША. Не жалко их выбрасывать?

ЛЁША. Нет.

ПАША. Почему?

ЛЁША. Кому они нужны?! Ты, небось, хранишь свои пластинки? Пресли...

ПАША. Да.

ЛЁША. И помнишь, что отдал за него полсотни.

ПАША. Помню...

ЛЁША. Ну и нафик. Зачем? Зачем помнить то, что было там уже лет сорок назад?! Ушло... Всё...

ПАША. И что, лучше выбросить, сжечь?

ЛЁША. Паша, ну... вот, даже Катьке с Дашкой они

не нужны... пластинки эти... Пресли там твой, Лед Зеппелин или Дип Пёпл... да и мы уже другие... Ты вот слушаешь эти пластинки?

ПАША. Слушаю.

ЛЁША. Врёшь ты.

ПАША. Ну, не слушаю уже. Как-то времени нет. Редко.

ЛЁША. Ну вот. Раньше было время... Слушали, бегали по всему городу — книжки новые покупали, пластинки у спекулянтов за полсотни брали... Жизни радовались.

ПАША. Так зачем их ломать и выбрасывать.

ЛЁША. Моя жизнь, понимаешь! И пусть я её буду здесь ломать и жечь. Я! А не выбросят её на помойку чужие там или близкие. Потом, когда я... ну, когда умру... Вот видишь — это мои записи всякие, книги, а это армейские альбомы, а это стихи...

ПАША. Ты писал стихи?!

ЛЁША. В школе... Давно...

ПАША. И будешь жечь их?

ЛЁША. Рука не поднимается.

ПАША. Видишь!

ЛЁША. А кому они нужны, стихи эти... фотографии? Мне каждая фотография родная. Я всё помню. Может, имена ребят каких-то уже и забыл, но вот помню, что день был солнечный, что за фотографом девчонка стояла голубоглазая... Понимаешь, всё помню, а кому это надо... В огонь! Стереть! А ты ведь помнишь, какими мы были... Ведь стройными были, красивыми... А только мы это и помним. А надо ли это помнить, а?!

ПАША. Не знаю.

ЛЁША. Ну! На вот, посмотри.

Лёша протягивает пластинку Паше.

ЛЁША. Я вот всё больше, знаешь, наших люблю. Ну не Кобзона, не Лещенко... а вот Ободзинского того же... Вот эти всякие Дип Пёпл, конечноЮ интересны... и Битлз,

но с Машкой я на танцах танцевал под «Олеандр» или «Эти глаза напротив». Помнишь: «Льёт ли тёплый дождь, падает ли снег — я в подъезде против дома жду, что ты пройдешь... а, быть может, нет». Помнишь!?

ПАША. Помню. Из каждого утюга звучало.

ЛЁША. А вот Ободзинского пластинки у меня не было. На катушке он был, а пластинки не было. Жалко...

ПАША. У тебя есть Пресли!? Американская пластинка! Я не знал. Откуда?

Паша крутит в руках пластинку.

ЛЁША. Помнишь 72-й год?

ПАША. Мы ходили тогда на «Мелодии друзей».

ЛЁША. Я был в Москве проездом. А ты меня позвал.

ПАША. Ну да, помню. На стадионе в Лужниках.

ЛЁША. Ты бредил своей американщиной. Только об этом и говорил. Всё наше тебе было не то. Югославы, венгры — не то. Ободзинский — не то. Всё в голове эти самые были... Любые деньги был готов отдать.

ПАША. Увлекался, да.

ЛЁША. Помнишь, после концерта к метро шли... Ты всё про америкашек, про Пресли говорил...

ПАША. Говорил.

ЛЁША. А я тебе всё супротив... что и ничего особенного, и всё такое...

ПАША. Помню.

ЛЁША. Я нарочно.

ПАША. Правда?

ЛЁША. Мне Пресли тоже нравился.

ПАША. Как?

ЛЁША. Вот так. Ну не сказать, конечно, что... Но... Я ребятам говорю. Там один во Францию ехал. Говорю — купите пластинку... Ну, тогда же сложно было... Ты вот за полсотни покупал.

ПАША. Ну да.

ЛЁША. Привёз он мне пару пластинок. Сейчас...

Лёша достаёт ещё одну пластинку и даёт её Паше.

ЛЁША. Вот, держи.

ПАША. И не говорил мне! Никогда не говорил!

ЛЁША. Ну... Ну, понимаешь... Как я скажу?! Я же что, значит, мнение меняю... Значит, я там тряпка какая... Ну слушал я его, ну и что?.. В принципе, ничего особенного. Ну, может, и нравится... Ну...

ПАША. Вот даёт...

ЛЁША. Вот не выбросил я их. Думал всё... Сохранил. Бери...

ПАША. А проигрыватель у тебя есть?

ЛЁША. Да там поищи.

Паша выходит в соседнюю комнату и гремит, доставая проигрыватель.

ЛЁША. А вообще, нечего это всё хранить. Понимаешь, нам только это и нужно... и никому... никому более... Наша память... А может, и нам уже это не нужно. Чего помнить-то... А потом, понимаешь... Ты там нашёл?

ПАША. Да. Сейчас.

ЛЁША. Так я говорю, понимаешь, вот ещё штука какая... я вот думаю, вот лет сорок назад люди за эти там пластинки давились — полсотни отдавали... считай, ползарплаты... А сейчас... выброси — и не жалко. Всё ушло... там... поменялось...

Входит Паша с проигрывателем, ставит на стол и начинает подключать его.

ПАША. Зато сейчас за всякими айфонами да гаджетами ночами стоят.

ЛЁША. Про что и речь. Сейчас, там, твои эти пластинки, за которые ты, там, надрывался и корячился и писал, там, курсовые за деньги... вот сейчас всё это и не нужно нико-

му... Чего, послушать хочешь? А вообще, твой Элвис никому не нужен был.

ПАША. Это как? Ты про что?

ЛЁША. Все от него только денег хотели... А ему, может, просто по душам с кем-то хотелось поговорить... а не с кем... и не уедешь так на дачу... найдут...

ПАША. Думаешь?

ЛЁША. Читал где-то. Да так, мысли... Жаль его.

ПАША. Он чувствовал... Он пел искренне...

ЛЁША. Всё равно америкашка. Ободзинский лучше. Он мне ближе. Ободзинский...

ПАША. Сейчас. Вот, послушай.

Паша подключает проигрыватель и ставит пластинку Элвиса Пресли. Звучит его песня «Can't Help Falling In Love».

*Wise men say,
Only fools rush in
But I can't help
falling in love with you.*

ЛЁША. О чём это?

ПАША. Он поёт: «Я не могу ничего поделаться с любовью к тебе. Возьми мою руку и мою жизнь. Ведь ничего не могу поделаться с любовью к тебе».

ЛЁША. Во как! А я где-то так и думал...

ПАША. Как река течёт в берегах своих, так мы будем жить счастливо в любви.

ЛЁША. Ну... ну...

Паша улыбается.

ПАША. Видишь.

Продолжает звучать музыка. Паша и Лёша слушают музыку. Свет постепенно гаснет.

*Shall I stay
Would it be a sin
If I can't help
falling in love with you.*

*Like a river flows
Surely to the sea,
Darling so it goes,
Some things are meant to be.*

*Take my hand,
Take my whole life too,
For I can't help
falling in love with you.*

Затемнение.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Лёша приносит какие-то простыни. Старую куртку. Раскладушку.

ЛЁША. Я тебе у печки постелю. Раскладушку с чердака принёс тебе. Водитель твой завтра за тобой заедет? Утром?

ПАША. Не знаю.

ЛЁША. Ну ладно. У меня, там, понимаешь, по-спартански. Ну, что есть... Я дом два года строил... наездами... Что наprivёз, то и есть. Туалет за углом есть... А так, там, на веранде, ведро... Ты как по ночам, часто?..

ПАША. Часто.

ЛЁША. Ну вот — в ведро... Там теплее. Я-то по ночам не сплю. Да и за огнём надо следить. Ты бы, знаешь, утром не уезжал бы... Остался бы на денёк. Походили бы тут... Вот эту телогрейку под подушку положишь — мягче будет.

ПАША. Скучно тут... Может, так и надо...

ЛЁША. Побыл бы тут, а?..

ПАША. Лёша?

ЛЁША. Что?

ПАША. Подурачился — и хватит. Надо тебе домой ехать. Ждут ведь, беспокоятся, звонят. Любят ведь тебя, дурака.

ЛЁША. Не поеду. Я себе слово дал. Не поеду.

ПАША. Лёш! Ну ты же не маленький. Там тебя дочки ждут. Внучка... Давай завтра утром вернёшься.

Лёша останавливается и внимательно смотрит на Пашу. Потом как-то жёстко начинает говорить.

ЛЁША. Вот!

ПАША. Что?!

ЛЁША. Вот! Вот! Я же знал... Я же знал...

ПАША. Что ты знал? Ну, подурачился — и хватит. Ну, не мальчики же... Подхватишь воспаление — помрёшь...

ЛЁША. Ты для чего сюда приехал?! Ты вот... Ты же с ними... Ты же звонил ей... Да? Договорился уже!? Заранее... Всё там решили!

ПАША. Кому звонил? Да ты о чём!?

ЛЁША. Ты сговорился с Машкой.... Сидит тут такой, молчит.. А я знаю, чего молчишь... Планы свои строишь. Приехал, чтобы меня затащить обратно. Не выйдет! Не выйдет! Я птица гордая! Вот здесь буду зимовать... Вот здесь... А ты...

ПАША. Ну, Лёша. Перестань. Никуда я не заезжал, не звонил я ей... ну ты что?!

ЛЁША. Врёшь!

ПАША. Не вру я.

ЛЁША. Врёшь ты. Ты предатель, понял. Ты трус! Я же не забыл как ты меня в шестом классе сдал Анфисе. Ты и тогда с ней в сговоре был.

ПАША. С кем?

ЛЁША. С классной!

ПАША. Да ты что!?

ЛЁША. Ты подлый трус! Ты сговорился тогда с Анфисой. Я же знал. Это ты меня предал... Ты предал. А теперь всё

стало ясно.

ПАША. Да что ясно? Ты что!

Лёша встаёт и пытается выкинуть из-за стола Пашу в предбанник.

ЛЁША. Убирайся! Слышишь! Иди отсюда! Убирайся! Иди! Вон из моего дома! Слышишь... моего дома... Вон! Катись!

ПАША. Лёша, остановись. Перестань.

ЛЁША. Всё ясно, подлюка такая! Ты Анфисе меня сдал... Ты... Интеллигент паршивый! Битломан фигов! А теперь Машке служишь. Иуда! Предатель! Фашист грёбанный!

ПАША. Не говорил я никому. Перестань! Ты что?

ЛЁША. Убирайся! Вон! Гад! Затащить меня... Им подчиняться... Я полком командовал, понял?! Не то, что ты... Сам всю жизнь проползал...

ПАША. Перестань!

ЛЁША. Иди! Убирайся! Гад!

Лёша выталкивает Пашу из комнаты. Слышатся возня и хлопающая дверь. Потом появляется Лёша, запыхавшийся и взволнованный.

ЛЁША. Вот гад! Я так и знал... Тихоня... Молчит... Сидит такой понурый, а задание получил. Наверняка, его Натаха с Машкой уже сговорились. Сговор! Предатели! Никому верить нельзя. Никому! И Анфисе он меня тогда сдал. Точно он. А я всё думал: кто меня сдал? Он. Он всё видел и сдал. Вот что открывается! Я его пригрел, позвал, накормил, там, напоил... тьфу!

Слышится стук в окно и приглушённый голос Паши.

ЛЁША. Убирайся! Стучит он ещё! Стукач. Звони своему водителю. Пусть тебя забирает. Директор он там. Наука там. Убирайся! Сговорились.

Лёша ходит из угла в угол. Видит оставленную пластинку на проигрывателе.

ЛЁША. Сломать её. Всё сломать. Ну их всех.

Звонит телефон. Он продолжает ходить. Смотрит по углам. Видит вещи Паши.

ЛЁША. Надо отнести ему. Телефон-то тут. Не вызовет он машину.

Лёша сгребаёт одежду и берёт телефон в руки. Из карманов вываливаются какие-то бумаги. Лёша начинает сгребать их.

ЛЁША. Так, повестка... к следователю. Подследственный. Уголовное дело. А это что? Согласие на операцию. Кто?! Натаха! Операция!

Лёша резко всё бросает и выходит из комнаты. Слышится звук хлопающей двери.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Через мгновение появляются Лёша и Паша. Лёша сажает Пашу с мороза к камину, наливает ему чай.

ЛЁША. Пей, давай, слышишь. Ещё заболеть не хватало...

Паша смотрит на него непонимающе.

ЛЁША. Ты чего мне ничего не сказал. Ты чего молчал, как сыч. Я же друг тебе, слышишь! Ну чего ты молчишь!

ПАША. Что ты?!

ЛЁША. Я всё увидел. Это что? *(Показывает на лежащие на столе согласие и повестку.)* С Натахой что?

ПАША. Натаха...

ЛЁША. Что она?

ПАША. Она в больнице...

ЛЁША. В больнице?! Не сказал... Почему?

ПАША. Не стал.

ЛЁША. Правильно я тебя выгнал! Правильно... Так бы ничего не сказал. Всё молчишь, молчун. Рассказывай, слы-

шишь, рассказывай.

ПАША. Нечего рассказывать — всё просто.

ЛЁША. Как просто?!

ПАША. Всё обычно. Всё так, как у всех... Долго боремся... Не знаю я...

ЛЁША. Ходишь по старым местам. Смирился.

ПАША. Нет... что я могу теперь...

ЛЁША. Рассказывай.

ПАША. Послезавтра операция. Исхода не знаю. Подписал вот эту бумагу... Согласие...

ЛЁША. Перестань. Сейчас всё оперируют. Где она лежит? Ладно... Это потом... Не кисни, слышишь! Я всех подниму!

ПАША. Я итак всех поднял.

ЛЁША. У меня знаешь, сколько знакомых! Машку когда положили, тоже все кислые были. Я их всех вытряс... Есть приказ — выполнять надо! Никаких кислых, слышишь... Ничего, вытащили... И Натаху, слышишь, сам вытащу, всех подниму, она будет жить, знаешь...

ПАША. Подожди. Мы уже всех обошли.

ЛЁША. И ты так сдаёшься... Ты — нюня, был им и остался. Ты так от Натахи отказываешься... Я бы тебе тогда, знал бы, не уступил бы... Как ты можешь!

ПАША. Мы всё испробовали.

ЛЁША. Слышать не хочу! И что!? Ты так готов... Она же наша, она же наша Натаха... наша дворовая. Мы же одни... одно целое... Что ты молчишь... Что?!

ПАША. А что сказать...

ЛЁША. Тогда отдай мне её! Я её люблю! Не ты... Ты её не любишь.

ПАША. Знаю.

ЛЁША. Что знаешь?

ПАША. Что ты её любишь.

ЛЁША. Поехали!

ПАША. Куда?

ЛЁША. К ней поехали. Собирайся. Одевай всё это. Соби-

райся.

ПАША. Лёша, ночь на дворе. Куда ехать. Все спят. Ну...

ЛЁША. Ты не понимаешь. Дорога каждая минута, слышишь. Мы поедem к ней в больницу... Я всех перетрясу. *(Лёша начинает собираться и пытается надеть куртку.)* Я сейчас позвоню всем этим академикам и генералам. Мы в Германию поедem... В Израиль... Слышишь, в Израиль... Я там знаю одного... Надо делать что-то. Надо... Ты чего не одеваешься?!

ПАША. Лёша, ночь. Ночь! Завтра поедem. Несколько часов ничего не решат... Ты выпил... Сейчас угробимся...

ЛЁША. Ты всегда был такой. Тебя всегда надо было тор-мошить... Сядем в машину — доедем. Давай же!

ПАША. Я не поеду.

ЛЁША. Почему, а?!

ПАША. Завтра.

ЛЁША. Я не понимаю. Надо же что-то делать. А следова-тель причём? Почему в понедельник ты должен явиться на допрос? Это ещё что, а? Ну же... рассказывай...

ПАША. Я уже не директор института.

ЛЁША. Как? Не директор? Когда? Почему не сказал?

ПАША. Мой институт объединили с другим. Меня сокра-тили, уволили. Ну, на пенсию отправили.

ЛЁША. Это ты так говоришь!?

ПАША. А что мне делать!

ЛЁША. Это же дело твоей жизни. Ты же там...

ПАША. Да что говорить... Объединили. Его просто объ-единили, а меня отправили на пенсию.

ЛЁША. Когда?

ПАША. Пару месяцев назад. Вот так, пять десятков лет строишь — а потом одним росчерком пера всё рушится.

ЛЁША. И что потом?

ПАША. Ничего. Натахе долго ничего не говорил. Выхо-дил из дома утром и шёл гулять... или ехал в библиотеку... изображал...

ЛЁША. Зачем?

ПАША. Как-то дома было тяжело. Натаху не хотел огорчать. Я вот на днях подумал, перенестись бы обратно в наш двор, на наши качели...

ЛЁША. Почему?

ПАША. Я бы не занимался больше институтом.

ЛЁША. А чем?

ПАША. Другим... Семей...

ЛЁША. Почему у вас нет детей?

ПАША. Не получилось... Вот так. А потом хотели взять кого-то, да уже годы были не те... Не стали...

ЛЁША. А почему тебя вызывают по уголовному делу?

ПАША. Как объединили, пошла проверка, что-то там нашли.

ЛЁША. Ты же не воровал!

ПАША. Другие. Не углядел.

ЛЁША. Болван!

ПАША. Болван...

ЛЁША. И что!?

ПАША. Следствие идёт. Я отвечал. Посадят.

ЛЁША. А ты чего!? Как не углядел!?

ПАША. Я же в своих мыслях был. Я верю людям.

ЛЁША. Ну... Доверчивый болван.

ПАША. Они мне всё какие-то проекты подсовывали.

ЛЁША. Кто?

ПАША. Заместители.

ЛЁША. Ты их брал?

ПАША. Нет. Сверху посадили.

ЛЁША. И что?

ПАША. Они, понимаешь — всё по делу. Ремонт, говорят, надо. Помещение старое. Аренда там всякая... Всё вроде, по закону. А я же не понимаю. Я думал, что понимал. А ребята толковые, вроде. Говорят мне — всё по правилам.

ЛЁША. Был как свадебный генерал. Ну, и болван ты...

ПАША. Я не думал, что со мной такое возможно. Я же ни

копейки не брал. А с цифрами так крутить можно! Они и крутили. Покажут одно — на деле другое.

ЛЁША. У меня в части мышь без моего ведома не имела права по части пройти. Понимаешь!? Ты же несёшь за это всё ответственность!

ПАША. Несу.

ЛЕША. Ладно, разберёмся. Подниму своих. Выкрутимся.

Молчание.

ПАША. Я остался бы здесь на даче. Так не хочется ехать в Москву.

ЛЁША. Мы поедем. Завтра же поедем в Москву. Я подниму всех. Мы вытащим и тебя, и её. Ты меня знаешь! Понимаешь?! Ты мой друг! Ты мой!

ПАША. Да что мы можем!

ЛЁША. Всё! Всё мы можем! Слышишь?! Верить надо... Верь мне. Я с тобой. Я...

ПАША. Натаха позавчера сказала мне, что давным-давно, когда она каталась на качелях, а я стоял рядом и раскачивал её, а она все ждала, выстрелишь ты из рогатки или нет, а когда ты выстрелил и попал в нее, она тебя обозвала самым круглым идиотом... на весь двор крикнула... И она сказала, что быть может, это были её самые счастливые мгновения в жизни... Почему-то запоминается что-то такое... казалось бы, пустое...

ЛЁША. Тихо...

ПАША. А я тебя не предавал.

ЛЁША. Знаю я.

ПАША. Знаешь?..

ЛЁША. Я не со зла... Бывает...

ПАША. Мы идём с тобой ночью по лесу, помнишь? Одни... Испытываем себя. Вокруг темно и мерещатся бандиты и чудища. А ты рядом...

ЛЁША. И ты...

ПАША. Я иду за тобой, и мне не страшно — ты меня

не бросишь. Темно... Страшно... И мы вдвоём идём через лес...

ЛЁША. Я тебя не брошу... Всё будет хорошо, понимаешь...

ПАША. А помнишь, как мы шалили у магазина за углом. Они бежали за мной... работяги... ну, из магазина, помнишь? Я баловался и кидал камни в окно, помнишь!?

ЛЁША. Ага.

ПАША. Целая толпа бежит за нами... Ты спрятался... А я тебя не видел. А потом ты выбегаешь вперёд и кричишь им...

ЛЁША. Это я кидал, меня хватайте...

ПАША. А я не понял. Я не понял тогда. Я почему-то остановился.

ЛЁША. Нас обоих схватили...

ПАША. Холодно.

ЛЁША. Сейчас подброшу.

Лёша подходит к камину и подбрасывает поленья. Огонь разгорается.

ПАША. Выключи свет.

ЛЁША. Зачем?

ПАША. Выключи.

Лёша выключает свет, подходит и садится рядом с Пашей.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ПАША. Не люблю ноябрь. Особенно его начало.

ЛЁША. Почему?

ПАША. Мрачно. Как будто... ну, как будто пора умирать...

ЛЁША. Осень.

ПАША. Я, вообще, думаю, что умирать надо в ноябре. Весна прошла, лето прошло, и осень проходит...

ЛЁША. Ты так думаешь?

ПАША. Да... ноябрь — всё уже увяло, и надежды нет никакой, и весна не скоро... всё... Уходить надо осенью... умирать надо осенью... в ноябре... Потом начнётся зима, снег... потом уже будет ожидание весны... хоть какая-то надежда.

ЛЁША. А сейчас надежды нет?

ПАША. А сейчас... сейчас — ноябрь — ни ожиданий, ничего... всё уже пролетело, пронеслось... Ноябрь — конец года, конец жизни... да, и знаешь, земля пока ещё не замёрзла, копать легче...

ЛЁША. Чего копать?

ПАША. Могилу.

ЛЁША. Нытик ты...

Молчание.

ПАША. А ты Натаху до сих пор любишь?

ЛЁША. Не удержался... спросил...

ПАША. Любишь?

ЛЁША. Знаешь... Вот, знаешь... иду я утром к себе... ну, в контору... в гаражи... Машину оставлю у станции. А там ещё километр идти, а может, и полтора... Специально на машине не еду. Далеко её ставлю. Иду я... особенно, там, весной, или когда погода хорошая... Так вот, и смотрю на всё вокруг... на девушек... ну да, на них... на деревья, на улицы, на машины... И ты думаешь, кем я себя считаю, если в лужи на дороге не смотреть и если кости не ломит... Ну, пусть ломит, даже если ломит... я вот такой же дворовый пацан, я иду по улице, руки за спину заложил, сумка на ремне болтается, и ничего не изменилось... Ноябрь, там, январь... я такой же, как был. Изменился, постарел — для других, для всех вокруг... не для себя, нет... я такой же, как был — дворовый пацан, я и из рогатки не разучился стрелять, слышишь.

ПАША. Зачем ты?..

ЛЁША. Ты послушай... Послушай... Не перебивай.

ПАША. Ладно.

ЛЁША. Я вот, всю жизнь думаю. Думаю, понимаешь, а что такое любовь? Вот, ну, к женщине. Она со временем уходит? Подожди, помолчи. Сам скажу тебе... Вот уходит? Думаешь, уходит... А я вот думал всё об этом вопросе... Долго думал... И ничего не надумал.

ПАША. Во даёт.

ЛЁША. Да подожди ты... А вот ты про Натаху, про нашу Натаху сказал... И ты тут про ноябрь, про увядание говорил сейчас... А я понял... я понял — если ты полюбил, то навсегда... чтобы там ни произошло — навсегда. Не уходит она, любовь не уходит... Понимаешь?! Машку свою люблю... Вот, там, не знаю, что — люблю её... А понимаешь, и Натаха в сердце... Всё равно, понимаешь... И какой бы она ни стала... Как бы она ни изменилась...

ПАША. Она сильно похудела... Сильно...

ЛЁША. Всё равно... она для меня вот та... что была много лет назад, понимаешь...

ПАША. Наверное...

ЛЁША. Да что там... Я вот иду по улице... а о чём думаю... это же счастье... я сбегал со уроков и ждал её... там, у первого подъезда.

ПАША. Выскакивал и пугал её.

ЛЁША. Да, выскакивал... А иногда просто смотрел — как она идёт, как заходит в свой третий подъезд после школы, как идёт лифт на её этаж... Ждал, когда она спустится в магазин за хлебом, как утром идёт в школу...

ПАША. Ты мне об этом никогда не говорил.

ЛЁША. А ещё я украл её фотографию со стенгазеты.

ПАША. Это был ты?!

ЛЁША. Да.

ПАША. А наказали меня. Все подумали на меня.

ЛЁША. Думаешь, я тебе просто так отдал гэдээровские наклейки...

ПАША. Я даже не понял.

ЛЁША. А фотографию я хранил за батареей. Если бы отец узнал...

ПАША. Строгий он был...

ЛЁША. Да уж.

ПАША. Ты же видел. Я же тебе говорил о том, что мне нравится Натаха. Я же не скрывал это. Ты же сам пошёл. Ты же вызвался мне помочь. Ты же пошёл к ней по моей просьбе и позвал её со мной в кино.

ЛЁША. Пошёл. Позвал.

ПАША. Почему?

ЛЁША. Да, понимаешь, ты такой был опрятный, умный... там, стихи всякие знал, в театр ходил, английский учил. А я что — глупый... в одной рубашке, вечно измазанный... Я её боялся... Вот скажу я ей... а она мне скажет... ну, скажет «нет», не тот ты... вот, чумазый ты, не читаешь ничего, ничего не знаешь... Нет, не мог я к ней подойти.

ПАША. А мне ты всегда казался таким уверенным. Я же тебе завидовал. Ты на гитаре мог играть, песни пел. Я же этого не умею.

ЛЁША. Да ну... Чего уж там... Теперь я здесь...

Молчание.

ПАША. И никого вокруг, и тишина, и трещат поленья, и кажется, что всё будет... всё будет... долго-долго ещё всё будет...

ЛЁША. Будет...

ПАША. Будет...

ЛЁША. Какие наши годы... Ты не унывай. Мы же вместе, мы справимся... Натаху вытащим... Ты же знаешь меня. Завтра к ней...

ПАША. В больницу...

ЛЁША. Да. Всех подниму... А потом ты к нам поедешь.

ПАША. К вам?

ЛЁША. Ну, домой.

ПАША. Ты вернёшься?

Лёша молчит.

ЛЁША. Я...

ПАША. Да.

ЛЁША. Я тебя привезу в гости.

Паша и Лёша сидят молча. Слышатся звуки горящих поленьев в камине.

ЛЁША. Слышишь? Вот! Слушай!

ПАША. Что? Ничего не слышу.

ЛЁША. Машина едет. Машкина машина.

ПАША. Почему?

ЛЁША. Да по звуку я её отличаю... По звуку... Сам собирал ей.

ПАША. Правда?

ЛЁША. Вот слышишь? Гул такой специфический.
Вот... Ну...

ПАША. Не слышу я.

ЛЁША. А, глухой ты...

ПАША. Ну, правда, не слышу.

ЛЁША. Вот... Ближе уже. Заворачивает... Заворачивает!
Дорогу нашли!?

ПАША. Слышу теперь.

Слышится гул подвезжающей машины.

ЛЁША. Как нашли?! Никогда же сюда не приезжали. Ты, небось, сказал.

ПАША. Ты опять?!

ЛЁША. Да ладно...

ПАША. Ты с ними поаккуратней. Побереги всех.

ЛЁША. Да я тихий, тихий буду, понимаешь... Тихий...
Они же приехали, слышишь? Остановились. Хлоп. Ещё раз,
ещё раз. Все приехали... Машка и дочери. Слышишь!? Все
приехали!

Лёша встаёт и начинает ходить по комнате. Зажигает свет.

ЛЁША. Во как! Понимаешь! Дорогу нашли... в темноте. А Мариночку с кем оставили?.. Может, в машине сидит. Вот деду обрадуется! Все, все приехали. Давай вставай. Сейчас в Москву поедем. У нас переночуешь. Давай. Все, все... приехали! Во дают! Во как! Испугались! Поняли! Во как!

Лёша останавливается в задумчивости.

ЛЁША. Паш, она же такая... Она же сейчас прибьёт меня...

ПАША. И что?!

ЛЁША. Давай я больным прикинусь. Больного бить не будет. лягу вон там, одеялом накроюсь. А?

ПАША. Поможет?

ЛЁША. Нет, но надо попробовать.

Лёша идёт ложиться.

ЛЁША. Ты ей дверь открой, скажи, что плохо мне. Ладно? Ну ты же знаешь, как обычно...

ПАША. Не поверит.

ЛЁША. А вдруг... ты попечальнее скажи.

Раздаётся сильный стук в дверь. Паша идёт открывать. Через некоторое время в дверях появляются Маша и Паша.

ПАША. Маш, приболел он. Температура у него. Вот, лежит.

Маша внимательно смотрит на Пашу, потом на лежащего Лёшу.

МАША. Значит, приболел?!

ПАША. Да, болеет.

МАША. Значит, болеет?!

ПАША. Температура.

МАША. Значит, температура, говоришь?!

ПАША. Ну, да.

МАША. Ты там, на кровати. Может, сам скажешь.

ЛЁША. Плохо мне... Не слышишь...

МАША. Я те.. Ну, вставай. Мы неделю из-за тебя не спим.

ЛЁША. Три дня...

МАША. Неделю. Вставай! Улёгся... Вот...

Лёша поднимается и сидит на кровати и хитро улыбается.

МАША. Чего лыбишься?!

ЛЁША. Нашла? Приехала?

МАША. Нашла. Приехала.

ЛЁША. А дочки где?

МАША. На улице стоят. Боятся, что ты тут...

ЛЁША. Да я нормальный... Ну, Паш, скажи...

МАША. Вижу. Одну начали. Другую — про запас.

ЛЁША. Ну, за встречу...

МАША. Собирайтесь оба. Нечего здесь... Угорите ещё от огня... Гасите камин и поедем.

Лёша встаёт.

МАША. Вот боров! Тут помрёшь раньше времени. Морги, всех друзей — всех обзвонили.

Лёша подходит к Маше и обнимает её. Она пытается сопротивляться.

ЛЁША. Красатуля ты моя...

МАША. Фу...

Лёша её целует. Маша пытается сопротивляться.

ЛЁША. Я тебя, знаешь, как люблю.

Маша высвобождается из объятий Лёши.

МАША. Ты. Ты при детях чтобы тихий был! Чтобы шёлковый был! И разговоры глупые не веди, понял! Иди собирайся.

ЛЁША. Понял.

Лёша идёт в другую комнату и собирает вещи.

МАША. Паш, давай к нам, а завтра к Натахе поедем. Если бы я знала... Ну что же ты за молчун такой... Ну позвонил бы... Я бы приехала.

ПАША. Да я не подумал. Неудобно.

МАША. Чего неудобно? Свои же.

Появляется Лёша.

ЛЁША. Значит, сболтнул. Проболтался, Пашка... Проболтался её, что я здесь. Так и знал, трепло ты... Трепло...

МАША. А ты молчи, понял! Заговорил тут, больной!

ЛЁША. Он болтун, трепло...

ПАША. Лёш...

МАША. Так...

ЛЁША. Я так и знал. Я знал же. Вот верь людям!

МАША. Ты неисправимый.

ЛЁША. А чего я... Это он — болтун.

МАША. Мне Натаха сказала! Слышишь!

ЛЁША. Почему? Почему Натаха?

МАША. Я тебя, дурака, по всей Москве искала. Всех обзвонила. Пашке звоню. Телефон молчит. На сотовый звоню — не отвечает. Натахе стала звонить. Она всё и сказала. А ты, Лёша, сначала спроси...

ЛЁША. Да я и не думал... Я что... Я же... Да ну...

МАША. Всё. Пять минут — и в машину. Слышишь! Ждать не буду — уеду. Больной! А... Придумал!

Маша выходит.

ЛЁША. Видал... Приехала. Пол-Москвы обзвонила. Во как! Давай, Паш, собирай всё. А то и вправду, ждать не будет.

ПАША. Я сейчас...

Паша выходит. Лёша собирает вещи.

ЛЁША. В туалет... Ну иди.

Входит опять Маша. Маша стоит, смотрит на Лёшу. Взволнованная. В руках у неё тонометр и пакет с таблетками.

ЛЁША. Ты что?

МАША. Так не делай никогда, Лёшик, ладно... Я же всё прокляла... Таблетки не взял. У тебя же давление. Голодный. Один... Ты же мог умереть. Мы уже всё передумали... Всех обзвонили. Слышишь, никогда! Я без тебя не смогу, Лёшик. Ты понимаешь?!

Лёша подходит к Маше. Прижимает к себе. Гладит.

ЛЁША. Ты чего, маленькая... Ну, дурак я, понимаешь... Не думал я. Дурак... Прости. Ты-то как... Давление меришь?

МАША. Сама не своя, Лёшик... Какой-же ты дурачок. Ну, какое давление! Не спали мы... Уже в полицию звонить хотели. Еле держусь.

ЛЁША. Садись, давай. Может, чаю... Сейчас, быстро... И остальных позовём.

Маша и Лёша садятся.

МАША. Нет, давай поедem. Сейчас, вот, пей — я тебе отобрала. Вот, эти две беленькие, красненькую и вот эти маленькие. Пей.

Лёша выпивает таблетки.

МАША. Лёшичек, мне так страшно стало. Я как подумаю... Мариночке не знаю что сказать...

ЛЁША. Мариночке?

МАША. Она всё: где деда, где деда? Когда мы в парк пойдём кататься... А я и сказать не знаю что. У меня слёзы на глазах появились. А она, мне говорит: он вернётся, баба, как Карлсон... Я ей про него на ночь читала... А она всё равно не спит, всё к нам на кухню приходит. А что ей сказать?

ЛЁША. Ну... я не буду, прости, ну, всё кончилось... Мари-

ночка... да ну её, эту дачу... ну, ничем больше не буду заниматься, работу брошу, денег хватит же... а?

МАША. Знаешь, я тут подумала... посмотрела... Я не так всё сделала. Дура я, Лёшичек. Обидела тебя. Ты прости меня. Я сама не знаю... Знаешь, ехать недалеко...

ЛЁША. Сюда?

Входит Паша.

МАША. На следующий год, может, лето здесь с тобой будем. А то чего в городе... И Мариночку возьмем. Она подросла. Дом-то хороший построил. Давайте, закрывайте всё.

Маша пытается скрыть от Паши своё состояние и выходит из комнаты.

ЛЁША. Понимаешь... Она говорит: где деда, когда на ка-ток пойдём? Он вернётся... Понимешь?

ПАША. Мариночка!?

ЛЁША. Ну да... Вот...

ПАША. Видишь!

ЛЁША. А Машка! Ты слышал — дом... дом хороший...

ПАША. Ну и хорошо.

ЛЁША. А чего выпендривалась! Не поеду! Не хочу! Вот, пойми их.

ПАША. Да ладно.

ЛЁША. Нет, я не понимаю.

ПАША. Это выкидывать? Где пакет?

ЛЁША. За дверью. Но ты гляди. Вот женщины! Вот бабье царство! Нарожал на свою голову.

Лёша и Паша спешно собираются.

ПАША. Колбасу с собой?

ЛЁША. Всё бери. Приедем — поедим. А завтра к Натахе все вместе... Да всё будет хорошо. Вытащим мы её.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Входит Маша.

МАША. Как смотаться за тридевять земель — это махом. Как собраться — так жди его.

ЛЁША. Сейчас, ну...

МАША. Туалет у тебя тут есть или в кусты идти?

ЛЁША. Есть, за домом. Тёплый... Найдёшь.

Маша видит бутылку водки и берёт ее.

МАША. Так, это что, с собой берёте?

ПАША. Да.

МАША. Это я выброшу. Давайте. Пять минут — и на выход.

Маша выходит.

ЛЁША. Вот балда! Туда-сюда... Надо было прятать быстрее.. Я же говорю... Бабы!

ПАША. Новую купишь.

ЛЁША. Да ты что, её не знаешь! Она же командир. Я вообще не пью. В магазин пойдёшь — то нельзя, это нельзя, это не трогай, у тебя лишний вес... у тебя давление... это нельзя, здесь сахар, там соль... И это мне — командиру, офицеру! Я ж полком командовал... А я с ней себя рядовым, понимаешь, чувствую... как рядовой, ей богу...

ПАША. Пойдём?

ЛЁША. Пошли.

Лёша и Паша собираются выйти. Выключают свет. Лёша видит что в камине горит огонь.

ЛЁША. Надо огонь погасить.

Лёша берет чайник с водой.

ПАША. Стой.

ЛЁША. Чего?!

ПАША. Подожди.

ЛЁША. Ты чего?

ПАША. Хорошо горит. Мерцает.

ЛЁША. Ну да.

ПАША. Вот так горит наша жизнь... А потом её сверху кто-то чайником...

ЛЁША. Хочешь сказать...

ПАША. И ничего не остаётся. Только угольки...

ЛЁША. Да пошли уже. Давай затушу.

ПАША. Подожди. Мы и сейчас уже не горим. Тлеем... только тлеем...

ЛЁША. Да брось ты свои упаднические штучки.

ПАША. Тлеем, Лёша, тлеем... Уже не живём — доживаем... Вот ты чего сюда сбежал?

ЛЁША. Уехал я — не сбежал.

ПАША. Да ладно...

ЛЁША. Ну чего?

ПАША. А чтобы тебя вот эта жизнь из чайника не залила... Ну, как сказать... чтобы не тлеть, а гореть... Потому и сбежал.

ЛЁША. Это как?

ПАША. Ну заела тебя рутина, будни. Одно и то же. Всё какое-то пустое и безрадостное...

ЛЁША. Ну, наверное...

ПАША. Ты повод нашёл, бурю в стакане устроил и сбежал сюда. Воздуха огню поддал. Ну, показал, что ты ещё не тлеешь, что ещё гореть можешь.

ЛЁША. Во даёт! Ну, может и так...

ПАША. А вот, как это не тлеть, а гореть — не известно. Мне вот казалось, что я горел, что жил, что мечтал, что тво-рил... что дело было, а сейчас я смотрю на этот огонь и думаю, что всё это было пустяки, а я, как эта головешка, уже давно сгорел и только тлею — не живу, а жизнь уже ушла...

ЛЁША. Да куда ж она ушла? Живы же...

ПАША. Нет, тлеем, придумываем себе что-то, чтобы

на нас обратили внимание. Пыжимся, чего-то строим...
А так — тлеем... Как угольки. Когда мы были молодыми, мы хотели, чтобы взрослые нас понимали... нас — молодых, и, ведь мы не думали, что они хотят того-же... И всё повторяется вновь. Теперь мы хотим, чтобы нас поняли они... поверили... простили... Уже они, те, кто младше, поняли бы нас... Огонёк-то в нас остался... Нам лишь немного нужно... всего-то — только понимания.

ЛЁША. Да ты не философствуй. Сейчас всё поправится, дачу дострою, будешь в гости приезжать летом.

ПАША. До лета ещё надо дожить. Понимаешь, дожить...

ЛЁША. Доживёшь... Доживём.

Слышится гудок машины...

ЛЁША. Всё.

Лёша льёт из чайника воду на огонь. Огонь гаснет.

ПАША. Вот так.

ЛЁША. Да ничего не так! Ничего не так, слышишь! Никакого не так! Пошли, ну...

Лёша сгребает Пашу в охапку и выталкивает его из комнаты. Слышится, как поворачивается ключ в двери и заводится машина.

Затемнение.

Начинает звучать Восточная песня в исполнении Валерия Ободзинского.

Прожектор в темноте выхватывает проигрыватель на котором крутится пластинка. Через некоторое время артисты выходят на поклонны.

Льёт ли тёплый дождь,
Падает ли снег —
Я в подъезде против дома
Твоего стою.
Жду, что ты пройдёшь,

А быть может, нет,
Стоит мне тебя увидеть —
О, как я счастлив!

Странно и смешно
Наш устроен мир —
Сердце любит, но не скажет
О любви своей.
Пусть живу я и не знаю —
Любишь или нет,
Это лучше, чем, признавшись,
Слышать «нет» в ответ,
А я боюсь услышать «нет»...

Москва.
Октябрь 2018 г.

*В пьесе использованы: Восточная песня. Музыка Д. Тухманова. Стихи О. Гаджикасимова
Can't Help Falling In Love. (Hugo Peretti, Luigi Creatore, George David Weiss).*

Пьеса написана под впечатлением от спектакля Московского Нового драматического театра «Века Луны» по одноименной пьесе Сэма Шепарда в постановке Вячеслава Васильевича Долгачева, артисты — Александр Абрамович Курский, Анатолий Алексеевич Сутягин.

КРУГИ НА ВОДЕ

лирическое повествование в десяти частях

Посвящается Майе Кристалинской

Действующие лица:

Коля — рослый мужчина лет сорока.

Таня — стройная высокая женщина сорока лет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Улица. Вечер. Темно. Идёт дождь. Качается фонарь. Автобусная остановка. Порывы ветра. На сцену выходят Коля и Таня. Им явно неуютно и холодно.

ТАНЯ. Вот, скажи, почему мы всегда такие ответственные?

КОЛЯ. И почему?

ТАНЯ. Все ушли — а мы остались.

КОЛЯ. Помогли — убрались за гостями. Как всегда...

ТАНЯ. Как быстро время идёт.

КОЛЯ. Не говори...

ТАНЯ. Катька молодец, что всё организовала.

КОЛЯ. Она и в школе, помнишь, всегда что-то придумывала. А тут, звонит мне. Уж не знаю, откуда телефон достала, я же давно с ней не общался, и говорит: у Татьяны Петровны был юбилей — семьдесят пять лет, надо поздравить. Ты в Москве или всё воюешь? Я говорю: в Москве. Ну и всё, не отвертеться от неё было.

ТАНЯ. Аналогично. Меня аж из Питера выташила. Я-то в Москве лет десять уже не была. А тут, просто заставила.

КОЛЯ. О чём и речь.

ТАНЯ. Пока билет не купила — не отстала.

ТАНЯ. Как представишь, сколько уже времени прошло с окончания школы...

КОЛЯ. Двадцать пять лет.

ТАНЯ. Не говори. Молчи лучше.

КОЛЯ. Почему?

ТАНЯ. Это же четверть века. Когда я заканчивала школу, мой сегодняшний возраст мне казался уже чуть ли не старостью.

КОЛЯ. Старушка!

ТАНЯ. Ну-ну. Ты представляешь! И даже страшно подумать, что Татьяна Петровне уже семьдесят пять.

КОЛЯ. А нам уже...

ТАНЯ. А я помню её молодой. Когда она стала нашей классной, ей было тогда меньше, чем нам сейчас. Тридцать с небольшим.

КОЛЯ. Наверное.

ТАНЯ. Она и сейчас красивая. По-своему.

КОЛЯ. А в девятом я в неё влюбился.

ТАНЯ. Безответно?

КОЛЯ. Да.

ТАНЯ. А Сашки не было.

КОЛЯ. И Пузановой, и Юркова не было.

ТАНЯ. Пузанова мне писала года два назад — она в Ванкувере.

КОЛЯ. А что там?

ТАНЯ. Вроде, работает, по компьютерам что-то. Она с Игорем туда переехала. Помнишь Игоря Кравцова?

КОЛЯ. Нет.

ТАНЯ. Да, помнишь, он Сашу Стамескина играл в «Завтра была война». Помнишь, ставили в десятом классе. Тебя ещё не взяли.

КОЛЯ. А, этот. Да ну его. Слушай, а ты про Ирину Краснодубову, которая Искру там играла, не слышала?

ТАНЯ. Краснодубова?! Давно не слышала. Кажется, она замуж вышла и уехала то ли в Барселону, то ли в Марсель. А что? Давняя любовь?

КОЛЯ. Да так. Просто. А про Юркова не слышала?

ТАНЯ. Света Полякова писала, что куда-то в монахи что-ли он подался или что-то типа того.

КОЛЯ. А Полякова как?

ТАНЯ. Да работает... Двое детей. Муж.

КОЛЯ. А чего не приехала?

ТАНЯ. Может. детей не с кем оставить было.

КОЛЯ. Жаль, погода такая! Дождь весь день.

ТАНЯ. Да. Всё хорошее быстро кончается. Автобуса всё нет.

КОЛЯ. Осень уже.

ТАНЯ. Игорь Петрович умер. Слышал?

КОЛЯ. Трудовик!? Да ну. Нет.

ТАНЯ. Да, уж давно.

КОЛЯ. Нет, не слышал. Жалко. А Маргарита?

ТАНЯ. Она ещё в 90-х к детям куда-то в Сан-Франциско уехала.

КОЛЯ. Надо же!

ТАНЯ. Может, вернёмся обратно. Автобуса не видать.

КОЛЯ. Куда!? Татьяна Петровна спать легла! Ты про возраст не забывай!

ТАНЯ. Ну да. А мы здесь промокнем.

КОЛЯ. Сейчас будет автобус.

ТАНЯ. Жди! Ты позабыл, в каком мы районе!?

КОЛЯ. В нашем старом районе.

ТАНЯ. Мы уехали — а он остался таким же...

КОЛЯ. Медвежьим углом.

ТАНЯ. И автобусы здесь — редкость. Вернёмся?

КОЛЯ. Думаешь!?

ТАНЯ. Вызовем такси?!

КОЛЯ. Давай. Тебе куда ехать? На вокзал?

ТАНЯ. Нет, к подруге. В Солнцево.

КОЛЯ. Далеко.

ТАНЯ. А ты где?

КОЛЯ. В Измайлово.

ТАНЯ. С женой?

КОЛЯ. Нет.

ТАНЯ. Во как... Где ж она? Ты же женат был.

КОЛЯ. Развелись. Года три уже.

ТАНЯ. А детей у тебя так и нет?! Может...

КОЛЯ. Да нет...

ТАНЯ. Какие-то мы с тобой бездетные...

КОЛЯ. Так, вызываем? Поздно уже.

ТАНЯ. Давай! Но промокнем же мы с тобой тут.

КОЛЯ. Надо спрятаться где-то. Пошли туда — такси не сразу придёт.

ТАНЯ. Куда?

КОЛЯ. Не знаю. Вон туда. Это же Костин дом.

ТАНЯ. Ага.

КОЛЯ. Пошли.

ТАНЯ. Он под снос?

КОЛЯ. Да, наверное, сносить будут. Не бойся. Пошли!

ТАНЯ. Там бомжи. Слушай, давай здесь останемся...

КОЛЯ. Мы промокнем тут. Не бойся! Ты же со мной!

ТАНЯ. С тобой. Пошли. Ладно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Коля и Таня входят в подъезд на первый этаж и подходят к окну на лестничной клетке. Там темно. В окно светит фонарь с улицы. На улице дождь. Повсюду разбросаны какие-то вещи, бумага, куски чего-то, мусор. Коля подходит к окну, а Таня, боясь, остаётся у дверей.

КОЛЯ. Иди же.

ТАНЯ. Нет. Лучше здесь.

КОЛЯ. Ну чего-ты? Бомжи сейчас не живут в таких домах.

ТАНЯ. Боюсь я. А мыши?

КОЛЯ. Да ну тебя. Какие мыши!? Здесь нет еды — нет мышей. Поднимайся!

ТАНЯ. Темно.

Коля спускается и протягивает Тане руку.

КОЛЯ. Держись за меня.

ТАНЯ. Знаешь, я здесь давно не была.

КОЛЯ. И я.

ТАНЯ. Как думаешь, давно люди отсюда съехали?

КОЛЯ. Думаю, месяца три назад. Может, и больше.

ТАНЯ. Жалко.

КОЛЯ. Чего?

ТАНЯ. Снесут!

КОЛЯ. Построят новое.

На лестничной клетке видно несколько открытых дверей в квартиры. Темно. С улицы падает свет от фонаря. Коля и Таня оглядываются вокруг.

ТАНЯ. Когда-то здесь жили...

КОЛЯ. Всё было когда-то. А потом — кончается.

ТАНЯ. Жалко.

Коля всматривается в окно.

КОЛЯ. Смотри — там был твой дом, а сейчас башня стоит.

ТАНЯ. Везде здесь были пятиэтажки... А сейчас только эта и осталась — да и ту снесут.

КОЛЯ. У тебя сегодня невесёлое настроение было.

ТАНЯ. А чего веселиться. Татьяна Петровна хорохорится — а все болячки на виду. А Ваня наш уже лысый, а Катя-Заводила, какая была раньше стройняшка...

КОЛЯ. А сейчас — ягодка.

ТАНЯ. Ну вот. Чему радоваться? Я уж про себя не говорю. Наверное, все смотрели и думали: вот какая Таня стала, а была-то какой. А морщины!

КОЛЯ. Брось! Ты такая же осталась. Как была, осталась.

ТАНЯ. Не верю.

КОЛЯ. Смотри сюда.

ТАНЯ. Куда?

КОЛЯ. В стекло.

ТАНЯ. И что там?

КОЛЯ. Отражение видишь?

ТАНЯ. Ну?

КОЛЯ. И ты такая же...

ТАНЯ. Такая какая?

КОЛЯ. Загадочная, красивая, яркая...

ТАНЯ. Да ну тебя... Яркая!

КОЛЯ. Да такая же ты, как была. Помнишь!?

ТАНЯ. Да что там помнить. Сколько уже всего было. Я сидела сегодня и думала про всех нас: разбросала нас жизнь по всему миру. Все невесёлые. Дети есть — невесёлые. Детей нет — невесёлые. Квартира есть — невесёлые. Квартиры нет — невесёлые. Вот ты весёлый?

КОЛЯ. Мы такси хотели вызвать.

ТАНЯ. Подожди. Вот ты весёлый? Есть тебе в твои, сколько там, сорок два, то, за что можно веселиться и радоваться, скажи?!

КОЛЯ. Мне кажется, ты хорошо пила мартини.

ТАНЯ. Да брось ты. Мартини! Нечего тебе веселиться. Сидишь в своем Измайлово и кукуешь без жены и без детей.

КОЛЯ. Ты Танька такая же... Мне твоего характера явно не хватало.

ТАНЯ. А чего такая же — характер как был, так и есть. Вон щёки отрастил — вот вся твоя заслуга.

КОЛЯ. Ну, прикладывать ты здорово можешь и Ваньку ты здорово приложила.

ТАНЯ. А пусть не хвастается.

КОЛЯ. Ну уж!

ТАНЯ. А что он. У него то, у него сё... А мы что, лузеры? Был вырубала — таким и остался, только лысый теперь.

КОЛЯ. Да пусть, раз нравится.

ТАНЯ. А мне вот не нравится. Приложила, так ему и надо. Вызывай своё такси.

КОЛЯ. Сейчас.

Коля начинает ковыряться в телефоне. Таня осматривается на лестничной клетке.

ТАНЯ. Четвёртая... *(Как бы про себя).*

КОЛЯ. Что?

ТАНЯ. Четвёртая.

КОЛЯ. И?!

ТАНЯ. Это же Костина квартира. Четвёртая, первый этаж, налево.

КОЛЯ. Слушай! Да! Надо же. Я что-то думал, что его подъезд следующий.

ТАНЯ. Зашли в гости, так сказать, а хозяев уже нет...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Коля подходит к двери и хочет войти в квартиру. Всматривается внутрь. Видна большая комната со старыми обоями и остатками какой-то старой мебели. На стене висит старое советское покрывало. Разбросан какой-то мусор как и на лестничной клетке: куски, кобобки, разбитые пластинки, книжки, бумаги.

КОЛЯ. Как давно всё это было. Как будто в другом мире.

ТАНЯ. Слушай, мне страшно здесь. Не по себе как-то. Пойдём на улицу. Там вызовем такси.

Коля не слушает Таню. Идёт внутрь квартиры. Таня остаётся на лестничной клетке.

КОЛЯ. Вот, лет тридцать назад, если бы представить, что когда-то всё будет здесь так, как сейчас.

ТАНЯ. Пойдем, Коля. Не по себе. Ну...

КОЛЯ. Да что ты боишься. Ну чего?

ТАНЯ. Не знаю.

КОЛЯ. Приведений?

ТАНЯ. Боюсь. Правда — страшно.

Коля осматривается внутри. Что-то поднимает.

КОЛЯ. Жили люди — да сплыли... Во как...

ТАНЯ. А тётю Машу помнишь?

КОЛЯ. Как вторая мама была...

ТАНЯ. Вот-вот. Точно. Так с ней хорошо было.

КОЛЯ. А кто она была — физик, химик?

ТАНЯ. Кажется, в лаборатории работала при заводе.

А так, знаешь, неинтересно было тогда.

КОЛЯ. А ведь мы её после похорон Кости и не видели ни разу. Интересно, что с ней стало?

ТАНЯ. Ей лет семьдесят сейчас должно быть.

КОЛЯ. Переселили её — другую квартиру дали...

ТАНЯ. Наверное. Вызови такси. Чего мы тут.

КОЛЯ. Сейчас.

Коля начинает что-то набирать в телефоне. Таня заходит внутрь комнаты и осматривается. За окном льёт дождь. Уличный фонарь освещает комнату. Коля что-то ворчит — у него что-то не получается. Таня подходит к стене, на стене на гвоздиках висит покрывало, она дотрагивается до него, и один гвоздь вылетает из стены — покрывало повисает на одном гвозде. Таня всматривается в стену.

КОЛЯ. Не получается. Связь здесь плохая.

ТАНЯ. Иди сюда. Посвети.

КОЛЯ. Что там?

ТАНЯ. Иди, иди...

Коля подходит к стене.

ТАНЯ. Сюда свети.

Коля светит на стену фонарём телефона.

ТАНЯ. Смотри.

КОЛЯ. Что? Не пойму.

ТАНЯ. 14 мая — родился Костя. Вес 3 кило 600 грамм.
Рост...

КОЛЯ. Ну!?

ТАНЯ. Тётя Маша писала. Её почерк.

КОЛЯ. Почему?

ТАНЯ. Ну даёшь? А кто нам все задачки решал в школе.
Её почерк!

КОЛЯ. Да, слушай, её!

ТАНЯ. Слушай, а я сейчас её часто вспоминаю. Как-то бывает накатывает... Да и как про Костю подумаю: в шестнадцать лет — и погибнуть.

КОЛЯ. Жить бы и жить ему. Другзей теряем — других не находим.

ТАНЯ. А она замужем была?

КОЛЯ. Знаешь, не знаю. Мне как-то неинтересно тогда было.

ТАНЯ. Ну, да. Когда взрослеешь, тогда и начинаешь больше о других думать и чем-то интересоваться кроме себя.

КОЛЯ. А она интересная была. Ведь мы никогда её не стеснялись и не боялись. Собирались вот в этой комнате — а она с нами. Играли, телевизор смотрели, уроки делали... Лучше, чем дома здесь было. А сейчас... Мрак и темнота.

ТАНЯ. Скорее всего, одинокая она была. Да и Костя ничего особо не говорил о маме.

КОЛЯ. Странно.

ТАНЯ. А чего странного!? Знаешь сколько народу по земле ходят и ходят... и молчат о своих делах да проблемах...

КОЛЯ. Подожди, Мартини... Остановись!

ТАНЯ. Да ну тебя! Свети сюда.

КОЛЯ. А что это на стене?

ТАНЯ. Не знаю. Может, дневник вела такой.

КОЛЯ. Так. Странный дневник — на стене.

ТАНЯ. У Миши родилась дочка. Дата — годом позже.

КОЛЯ. Дочка у Миши? А причем тут Миша?

ТАНЯ. Первое слово «мама». Она тут всё писала. Как чудно. Свети сюда. Так.

КОЛЯ. Слушай, а Костя по документам был Михайлович, я с похорон запомнил.

ТАНЯ. Хочешь сказать — отец его и дочка у него родилась. Значит, он ушел к другой.

КОЛЯ. Не знаю. Подумал просто.

ТАНЯ. Костя укусил воспитательницу — тут так написано.

КОЛЯ. Похоже на него.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТАНЯ. Он всегда такой был, и в школе такой.

КОЛЯ. А помнишь, как мы сбежали с уроков и разожгли костёр в лесу?

ТАНЯ. Было...

Коля и Таня отходят от стенки и присаживаются на подоконник.

КОЛЯ. А потом нашли плот и поплыли по реке втроём.

ТАНЯ. Свалились в реку потом.

КОЛЯ. Там по колено было.

ТАНЯ. Осень была. Холодно.

КОЛЯ. А потом пошли сюда, к Косте.

ТАНЯ. Да. Твоя бабушка точно настучала бы родителям.

КОЛЯ. Да! А вся одежда — грязная и в краске.

ТАНЯ. Да, да. Помню. Там свалка была. Мы таскали картон на костёр. А там всё в краске.

КОЛЯ. И стали стирать. Разделись до трусов.

ТАНЯ. Ну, вы-то не стирали. Это я там (*показывает рукой*) стирала. Вы тут балдели.

КОЛЯ. Какое балдели?! Ты забыла всё.

ТАНЯ. Ну, ничего я не забыла. От вас помощи было, как не знаю, от кого. Я вас выгнала.

КОЛЯ. На тебя похоже.

ТАНЯ. А потом тётя Маша пришла. А мы — голые...

КОЛЯ. Ну, не голые...

ТАНЯ. Почти.

КОЛЯ. А она даже виду не подала.

ТАНЯ. Спросила нас: ужинали мы?

КОЛЯ. Слушай, а таких пирогов, как у неё я никогда больше не ел.

ТАНЯ. И я. Как она их готовила?! Секрет какой знала? Так вкусно было!

КОЛЯ. Надо найти её телефон. Узнать, где она живёт. Я обязательно найду её телефон и ей позвоню. И попрошусь к ней в гости. Так и скажу: хочу ваших пирогов. Вот позвоню её и так прямо и скажу: хочу ваших пирогов, все эти годы их хотел, пожалуйста. Ты пойдёшь к ней со мной?

ТАНЯ. Конечно! А где ты узнаешь её номер, адрес?

КОЛЯ. Узнаю. У меня база есть. Я же в органах.

ТАНЯ. О как.... Секретная должность...

КОЛЯ. Да ну... Какая там... Так, оформляю документы... Скучно...

ТАНЯ. А хотел стать...

КОЛЯ. Актёром.

ТАНЯ. А чего не стал?

КОЛЯ. Пробовал.

ТАНЯ. Не получилось?

КОЛЯ. Не поступил. Завалили меня... Как сейчас помню. Жаль. Зато продолжил нашу славную военную династию. Я же полковник уже.

ТАНЯ. Ого!

КОЛЯ. Но, я всегда хотел быть артистом. Люблю театр. И сейчас.

ТАНЯ. Слушай, а из тебя не получился бы актёр.

КОЛЯ. Почему?

ТАНЯ. Ты врѣшь плохо.

КОЛЯ. Я хорошо вру...

ТАНЯ. Неа... Плохо врѣшь... Может, и научился сейчас, а раньше не умел. Помнишь, когда Татьяна Петровна спросила тебя, почему тебя не было на уроке в прошлый раз? Что ты ей сказал?!

КОЛЯ. Что в лифте застрял.

ТАНЯ. А у вас в доме лифта не было.

КОЛЯ. А об этом я не догадался... С Маргаритой-то сработало.

ТАНЯ. Ну, какой из тебя актёр. С физичкой сработало, а с Татьяной Петровной нет.

КОЛЯ. А Татьяна Петровна мне говорит: а когда он сломался — прямо перед уроками?

ТАНЯ. А ты ей: как в школу пошёл, так и сломался.

КОЛЯ. А она: лифта у тебя в доме нет, научись выдумывать получше — пригодится в жизни, и не говори мне в следующий раз, что у тебя в доме лестницы сломались.

ТАНЯ. С юмором она. Помнишь, как она с Юлей сегодня?

КОЛЯ. Когда Юлька стала рассказывать, какой у неё муж?

ТАНЯ. Ну да... Говорит, что он и то делает, и это делает, и пятое да десятое делает, а не работает, так только потому, что такой работы ему ещё не придумали, где его мозги могли бы пригодиться. Только я хотела что-то сказать, так Татьяна Петровна опередила и говорит: Юленька, ему и не нужна работа, когда есть такая жена...

КОЛЯ. А чего она так её?

ТАНЯ. Так известно... Дура она... Он пьёт, а она его перед всеми расхваливает — какой он великий, да умный.

КОЛЯ. Да женщины — вообще дуры.

ТАНЯ. Ага. Так ты ещё в седьмом классе говорил. Не меняешься.

КОЛЯ. А чего меняться?

ТАНЯ. И жена у тебя тоже была дурой?

КОЛЯ. Ещё какой. Вот это точно.

ТАНЯ. Ну-ну... Так и будешь один?

КОЛЯ. Да и так хорошо. Кукую...

ТАНЯ. Не сошлись с ней по душам?

КОЛЯ. Знаешь, когда я с ней познакомился, мне казалось, что она лучшая на Земле.

ТАНЯ. А потом?

КОЛЯ. А потом оказалось, что и интересы у нас разные, и люди мы разные... и жизнь у нас разная...

ТАНЯ. Прямо такие вот разные?!

КОЛЯ. Да, понимаешь, я же на службе. То там, то сям. Одна Чечня чего стоит. Ночью проснёшься после кошмара, весь в поту. До сих пор.

ТАНЯ. Ты там был?

КОЛЯ. Да, пришлось.

ТАНЯ. Не знала.

КОЛЯ. Об этом не говорят обычно.

ТАНЯ. И что, из-за этого с ней?

КОЛЯ. Служил там, потом ранение. Еле оклемался.

ТАНЯ. Подожди. Тебя ранили?

КОЛЯ. Да уже прошло всё. Пустяки.

ТАНЯ. Коля, Коля...

КОЛЯ. Ну, служба. Отдавал свой долг, раз артистом не взяли. А понимаешь, там свои тяготы, да и денег немного. В Москве я наездами тогда был. А она здесь. Потом Петька родился.

ТАНЯ. Петька!? Ты же говорил...

КОЛЯ. Да... Не хотел говорить.

ТАНЯ. Почему?

КОЛЯ. Ну, он родился, и только хуже все началось. Скандалы какие-то. Мне на службе и то легче было, чем дома. А потом в Таджикистан отправили. Говорю ей: поехали. А она не поехала.

ТАНЯ. Не захотела, или что?

КОЛЯ. Да уже. Чего говорить. А оттуда так вот в Москву

не прилетишь. Звоню ей — а она как-то всё односложно отвечает.

ТАНЯ. А деньги слал ей?

КОЛЯ. Деньги слал. Фрукты какие-то пересылал. Это да. А потом, через полгода, приехал, а она с другим уже.

ТАНЯ. Это как? А квартира твоя была.

КОЛЯ. Да.

ТАНЯ. И ты позволил.

КОЛЯ. Да у меня как-то руки опустились и всё.

ТАНЯ. А сколько твоему сыну.

КОЛЯ. Тринадцать вот недавно было.

ТАНЯ. Вы видите?

КОЛЯ. Нет. Я потом улетел опять в Таджикистан. Потом в Ереване жил. А когда в Москву прилетал, виделся с ним только под её присмотром. И Петя меня называет, представляешь, дядей Колей, а её другого — папой Серёжей зовёт. Представляешь...

ТАНЯ. А алименты платишь?

КОЛЯ. Деньги высылал. А развелись мы недавно.

ТАНЯ. Она в твоей квартире осталась?

КОЛЯ. Да.

ТАНЯ. А ты где? Где там в Измайлово?

КОЛЯ. У деда живу.

ТАНЯ. Подожди, у генерала? Ему же лет девяносто уже.

КОЛЯ. Ну да, восемьдесят семь.

ТАНЯ. Ну и помотало тебя.

КОЛЯ. Да ничего. Живой остался, и хорошо. Чего ещё надо.

ТАНЯ. Бедненький, Коля...

КОЛЯ. А мама твоя как? Здоровая?

ТАНЯ. Да уж. Всё такая же боевая.

КОЛЯ. Вы всё там в Ленинграде.

ТАНЯ. В Питере.

КОЛЯ. Ну да.

ТАНЯ. Да. Как родители развелись, так мы к бабушке

и вернулись. Как школу закончила — сразу туда. Сначала сложно было, я же всё детство здесь провела, а потом ничего — привыкла там.

КОЛЯ. А твой папа?

ТАНЯ. У него новая семья, новые дети.

КОЛЯ. Новые?

ТАНЯ. Да я так...

КОЛЯ. Видитесь?

ТАНЯ. Редко. Звоню.

КОЛЯ. А как Саша?

ТАНЯ. Саша?

КОЛЯ. Ну ты вроде с Сашей живёшь, или я путаю. Кто-то из ребят сказал.

ТАНЯ. Да это уже давно было. Уже очень давно.

КОЛЯ. Прости, не знал.

ТАНЯ. После Саши, знаешь, сколько времени уже прошло. Знаешь, если честно, иногда такая тоска находит, и хочется прямо, чтобы мужик был рядом настоящий, такой добротный. Знакомишься там, жить начинаешь... А потом понимаешь, что кроме мужика рядом мне еще чего-то от него надо.

КОЛЯ. Чего?

ТАНЯ. Ну, не знаю. Ну, чтобы рассказать ему что-то. Чтобы посоветовал что-то... Чтобы понимал меня. Понимал бы то, что я ему говорю...

КОЛЯ. А что, твои тебя не понимали?

ТАНЯ. В прямом смысле...

КОЛЯ. Даже так?

ТАНЯ. Даже так.

КОЛЯ. Невесело как-то.

ТАНЯ. Лучше одной жить, ей богу. Я всё искала своего принца, да всё как-то не попался... Я, знаешь, вижу человека и наделяю его какими-то лучшими качествами. Как через розовые очки смотрю. И, знаешь, верю, что он такой. А потом время проходит, а он не такой. Другой.

КОЛЯ. Понятно.

ТАНЯ. Да что понятно? Вот Саша. Ты его вспомнил.
А ведь я чуть не родила от него.

КОЛЯ. Не родила?!

ТАНЯ. Нет.

КОЛЯ. Ясно.

ТАНЯ. Да что тебе ясно!? Выкидыш у меня был. Не получилось. Потеряла.

КОЛЯ. А Саша?

ТАНЯ. До выкидыша расстались.

КОЛЯ. Что так?

ТАНЯ. Вот так. Вот так получилось.

КОЛЯ. Понятно.

ТАНЯ. Я думала, что и хорошо, что выкидыш, пусть он не родился бы от такого уroda, как Саша.

КОЛЯ. Чего так?

ТАНЯ. Ударил он меня.

КОЛЯ. Как так! Ты что!

ТАНЯ. Упала я. И...

КОЛЯ. Ты из-за этого потеряла.

ТАНЯ. Да... Да... Отношения пришёл выяснять. И я думала, пусть потеряла, но от такого уroda рожать бы не стала...

КОЛЯ. Дела...

ТАНЯ. А сейчас, знаешь, думаю... Не было бы этого выкидыша — родила бы... и да ну этого Сашу... Зато хоть что-то родное было бы рядом...

КОЛЯ. Это точно.

ТАНЯ. Мама так переживала за меня тогда. А сейчас она уже всякую надежду потеряла, всё по соседкам да по родственникам ездит, у кого дети есть. Не знаю, может, там утешение находит.

КОЛЯ. Хочет внуков?

ТАНЯ. Ещё как.

КОЛЯ. Родила бы от...

ТАНЯ. Перестань. Даже думать не хочу.

КОЛЯ. Все мужики сволочи?

ТАНЯ. Ага.

КОЛЯ. Даже я.

ТАНЯ. Ты просто мой Коля.

Молчание. На улице дождь.

КОЛЯ. А Суп! Помнишь, какой у тётки Маши был суп?
Моя бабушка так не готовила.

ТАНЯ. А мои вообще из пакетов меня кормили.

КОЛЯ. И когда тётка Маша успевала всё делать?

ТАНЯ. И жили они бедно.

КОЛЯ. А она ещё шила.

ТАНЯ. Да. Помнишь моё тёмно-синее платье? Я его
до сих пор храню. Найди её телефон! Позвони!

КОЛЯ. Да!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Таня и Коля сидят в задумчивости. Таня прислушивается.

ТАНЯ. Слышишь?

КОЛЯ. Что?

ТАНЯ. Шаги.

Таня невольно прижимается к Коле.

ТАНЯ. Слышишь? Кто-то идёт? (*Шёпотом.*)

КОЛЯ. Да нет там никого. (*Достаточно громко.*)

ТАНЯ. Слышишь?

КОЛЯ. Да что ты?!

ТАНЯ. Да ну тебя. Сейчас набегут бомжи.

КОЛЯ. Выпрыгнем.

ТАНЯ. Прямо из окна?

КОЛЯ. Да.

ТАНЯ. Не высоко?

КОЛЯ. Позабыла, как мы прыгали?

ТАНЯ. Да когда это было! Нет, там кто-то есть. Иди посмотри.

КОЛЯ. Думаешь?

ТАНЯ. Ну иди же.

Коля идёт к лестничной клетке. Таня его окликает.

ТАНЯ. Стой!

КОЛЯ. Что?

ТАНЯ. Палку возьми.

КОЛЯ. Зачем?

ТАНЯ. На всякий случай.

КОЛЯ. Думаешь, поможет?

Коля находит какую-то доску и идёт на лестничную клетку. Таня, испуганная, ждёт его и всматривается в дверь. На лестничной клетке никого нет. Коля шерудит там чем-то ногой, достаёт какую-то шляпу и надевает на себя, подходит к двери в квартиру. Рывком открывает дверь и врывается в квартиру.

КОЛЯ. Зарэжу а, денги гани. (С каким-то кавказским акцентом.)

Таня визжит. Коля подходит к Тане ближе. Таня бьёт сумкой по голове Колю.

КОЛЯ. Тихо ты. (Своим голосом).

ТАНЯ. Дурак! Вот всю жизнь ты так... Чудило!

Коля приближает Таню, но она вырывается.

ТАНЯ. Вырос тут долдон эдакий.

КОЛЯ. А в пионерском лагере помнишь, как я тебя напугал.

ТАНЯ. Да ну тебя. Идиот!

КОЛЯ. Здорово ты напугалась тогда. Напугали вожатые нас. Идут все такие после костра с поляны, по сторонам смотрят, в темноту с тропинки не сходят.

ТАНЯ. Идиотом ты был и идиотом остался.

КОЛЯ. И тут...

ТАНЯ. И тут, такой урод, как ты, выскакивает и орёт... Я чуть...

КОЛЯ. Подробностей не надо.

ТАНЯ. Так вот, потом люди инвалидами становятся из-за таких...

КОЛЯ. Да ладно... Весело было. Есть, что вспомнить.

ТАНЯ. Забудешь тут...

КОЛЯ. Здорово было с тобой в одном отряде тогда.

ТАНЯ. А знаешь, кто тебя в последнюю ночь зубной пастой измазал?

КОЛЯ. Ты. Кто же ещё...

ТАНЯ. Так здорово было там. Ночь, и мы такие по коридору идём вас мазать пастой...

КОЛЯ. А мы не спим с мальчишками и ждём.

ТАНЯ. Так вы не спали?!

КОЛЯ. Конечно. Это же традиция — в последнюю ночь перед отъездом...

ТАНЯ. Я-то думала. И, ты видел?

КОЛЯ. У меня ж глаза были закрыты. Я твои ручки чувствовал. Втирает, втирает пасту — старается.

ТАНЯ. Ну вот, все воспоминания испортил.

КОЛЯ. Да ладно тебе.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Таня подходит к стене. Что-то читает.

ТАНЯ. Посвети мне.

КОЛЯ. Что-то нашла?

ТАНЯ. Она пишет про детский сад. Укусил. Поранился. Ездили в Прибалтику.

Коля подходит к Тане.

КОЛЯ. 1-е сентября.

ТАНЯ. А ты его помнишь? Тот день?

КОЛЯ. Практически нет. Не помню.

ТАНЯ. А я помню. У меня был такой красивый-красивый бант, белые колготки, белый фартук, цветы... Я говорю, и кажется, что лучше дня и не было.

КОЛЯ. А для меня первое сентября — грустный день. Я и сейчас-то его не люблю.

ТАНЯ. Чего его не любить!?

КОЛЯ. Не люблю я его и всё.

ТАНЯ. Это потом у тебя так, а в первом классе всё было по другому. Вот слушай: у Кости будут хорошие друзья. Такие милые, добрые лица. Это про нас.

КОЛЯ. А мы и были милые и добрые.

ТАНЯ. Время было такое — мы были маленькими и милыми.

КОЛЯ. Тяжёлое тогда было время.

ТАНЯ. Не для нас. Для нас это было детством.

КОЛЯ. А я уже даже и не представляю — другой мир.

ТАНЯ. Вернуться бы туда.

КОЛЯ. Так мы и вернулись.

ТАНЯ. Не смешно.

КОЛЯ. А чего...

ТАНЯ. Вернуться бы туда, когда был жив Костя, когда мы плавали на плоту, когда приносили сюда щенков и собак, когда тётя Маша здесь нас кормила своим вкусным супом и делала бутерброды.

КОЛЯ. А куда она их девала?

ТАНЯ. Кого?

КОЛЯ. Котят и щенков.

ТАНЯ. Кажется, она их пристраивала.

КОЛЯ. Слушай, а я не представляю, как так можно жить сейчас — как мы тогда жили.

ТАНЯ. Как так?

КОЛЯ. Ну, вот гулять допоздна, котят приносить, на плоту плавать... и вообще быть такими, как мы были.

ТАНЯ. А я бы поплыла на плоту. Уплыла бы так далеко, как только можно. Чтобы всё это не видеть, никогда не видеть.

КОЛЯ. Вот это? *(Показывает на комнату.)*

ТАНЯ. Да что это — жизнь мою.

КОЛЯ. Мартини?

ТАНЯ. Дурак ты, Колька. Какое мартини. Я выпила то всего. Уже всё прошло.

КОЛЯ. А что?

ТАНЯ. Да как-то всё не так. Понимаешь? И зачем всё это нужно?

КОЛЯ. Что?

ТАНЯ. Да жизнь моя.

КОЛЯ. А что тебе не нравится? Радуйся, и всё.

ТАНЯ. Я вот архитектором хотела стать — города новые строить, а стала бухгалтером.

КОЛЯ. Это же неплохо.

ТАНЯ. Вот именно — не плохо, и не хорошо!

КОЛЯ. Хорошо, что космонавтом не хотела стать.

ТАНЯ. Коньяк!

КОЛЯ. Всего чуть-чуть пил.

ТАНЯ. А вот Костя хотел путешествовать.

КОЛЯ. А знаешь, мы ведь с Костей вместе были влюблены в Татьяну Петровну, в классную.

ТАНЯ. Да её весь класс любил.

КОЛЯ. А мы больше.

ТАНЯ. Откуда ты знаешь, что он в неё влюбился?

КОЛЯ. Сказал

ТАНЯ. Катьку он любил.

КОЛЯ. Из соседнего класса?

ТАНЯ. Ага

КОЛЯ. А я не знаю...

ТАНЯ. Потому что он меня спрашивал, что ей подарить да что она любит. А я как разведчица у неё всё узнавала.

КОЛЯ. Жаль.

ТАНЯ. Что?

КОЛЯ. Жаль, что так всё. Даже и не представить, каким бы он был сейчас.

ТАНЯ. Может, он был бы великим путешественником...

КОЛЯ. А может, бухгалтером.

ТАНЯ. Не смешно.

Таня отходит от стены к подоконнику. За ней идёт Коля. Они садятся. Молчат. Вдруг Таня говорит.

ТАНЯ. А помнишь, как мы готовились к постановке в 11-м классе, как мы ставили «Завтра была война»?

КОЛЯ. Да, конечно.

ТАНЯ. Тебя не взяли на роль, и ты просто помогал делать декорации и был на подхвате. И за день до премьеры мы сидели за сценой, и ты помогал мне повторять роль, ты же выучил весь текст.

КОЛЯ. Да Вика Люберецкая. Ты её играла. А Искру играла Краснодубова.

ТАНЯ. Я так волновалась тогда. Так было страшно. Места себе не находила. А Краснодубова была такой как ее фамилия. Даже повторять отказалась — пошла в кино.

КОЛЯ. Ты была замечательна.

ТАНЯ. Когда?

КОЛЯ. И там за сценой, и на сцене.

ТАНЯ. А я помню. Помню вот всё, что было. (*Таня начинает играть отрывок из «Завтра была война»*). Я никогда не задумывалась, что такое любовь. Наверное, это стихи заставили меня задуматься, — говорила Искра Вике, а я отвечала ей. — Папа говорит, что в жизни есть две святые обязанности, о которых нужно думать: для женщины — научиться любить, а для мужчины — служить своему делу. Как ты представляешь счастье? Ну, Коля! Давай! Ты же помнил весь текст!

Коля молчит. Собирается с мыслями.

КОЛЯ. А Искра тебе в ответ: счастье? Счастье — быть полезной своему народу.

ТАНЯ. Нет. Это — долг, а я спрашиваю о счастье.

КОЛЯ. А как ты представляешь?

ТАНЯ. Любить и быть любимой. Нет, я не хочу какой-то особой любви: пусть она будет обыкновенной, но настоящей... И чтобы мы жили дружно и умерли в один день.

КОЛЯ. Пропустила пол текста.

ТАНЯ. Не сбивай меня. Продолжай.

КОЛЯ. А тебе не кажется, что это мещанство?

ТАНЯ. Я знала, что ты это скажешь. Нет, это никакое не мещанство. Это нормальное женское счастье.

КОЛЯ. А работа?

ТАНЯ. А я ее не исключаю, но работа — это наш долг и всего. Папа считает, что это разные вещи: долг — понятие общественное, а счастье — сугубо личное.

КОЛЯ. А что говорит твой папа о мещанстве?

ТАНЯ. Он говорит, что мещанство — это такое состояние человека, когда он делается рабом незаметно для себя. Рабом вещей, удобств, денег, карьеры, благополучия, привычек. Он перестаёт быть свободным, и у него вырабатывается типично рабское мировоззрение. Он теряет своё «я», своё мнение, начинает соглашаться, поддакивать тем, в ком видит господина. Вот как папа объяснил мне, что такое мещанство как общественное явление. Он называет мещанами тех, для кого удобства выше чести.

КОЛЯ. Сыграли отрывок. И скажи, что я не настоящий актёр!?

ТАНЯ. Коля, не слушай меня. Ты самый, самый настоящий актёр, и самый лучший. Ты бы там всех сыграл.

КОЛЯ. Спасибо.

ТАНЯ. Сколько лет прошло, а я помню текст. Вот, как будто всё само сейчас пришло. Так бы и вышла на сцену сейчас.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Таня подходит к стене.

ТАНЯ. Посвети сюда.

КОЛЯ. Ну.

ТАНЯ. А знаешь. Я тоже себе в квартире так сделаю.

КОЛЯ. Как?

ТАНЯ. Буду писать.

КОЛЯ. На стене?

ТАНЯ. Да.

КОЛЯ. Писательница...

ТАНЯ. Знаешь, писать нечего... Им было, что писать — нам нечего.

КОЛЯ. Думаешь?!

Таня читает со стены.

ТАНЯ. Здесь чисто, уютно и светло. Скоро у меня родится мальчик или девочка. Я люблю Мишу, пусть будет так, как было. Пусть. Здесь будет мой тайник. Я буду счастлива. Я буду!

КОЛЯ. Это её первая запись?.

ТАНЯ. Да.

КОЛЯ. А это?

ТАНЯ. Милый Костя, я не знаю как быть. Всё бессмысленно. Всё так ничтожно теперь! Почему?!

КОЛЯ. Через день после его смерти написала.

ТАНЯ. Вся жизнь в десятках предложений. Несколько сотен слов от начала до конца. А всё одно — «Я буду — счастлива!?» — вопрос или восклицание.

КОЛЯ. Кто знает.

ТАНЯ. Да всё известно. Слушай, почему мы её не нашли за все эти годы, почему мы её бросили?

КОЛЯ. Не знаю. Жизнь была такая.

ТАНЯ. Были заняты своими делами. А про неё позабыли... А ты помнишь тот день?

КОЛЯ. Когда он погиб?

ТАНЯ. Да. Ведь была весна тогда. Ранняя весна.

КОЛЯ. Он попал под автобус.

ТАНЯ. Как-то тогда особо не воспринималось. Был Костя — и нет его. Жизнь не остановилась.

КОЛЯ. Нет.

ТАНЯ. Почему-то тогда всё казалось по-другому. А чем дальше от того дня, тем тягостнее. Ты его вспоминаешь?

КОЛЯ. Я не помню его лица.

ТАНЯ. И я. Как так. Память всё стирает ненужное.

КОЛЯ. Но я заметил, что я с каждым годом всё больше думаю о нём. А вот лица уже и не помню.

ТАНЯ. Вот!

КОЛЯ. И ты думаешь?

ТАНЯ. Да.

КОЛЯ. А тот день был странным. Он мне отдал свой велосипед покататься. Сам поехал к отцу. А потом случилось вот это.

ТАНЯ. Он ездил к отцу?

КОЛЯ. Да. Никто не знал об этом.

ТАНЯ. Ты не сказал никому?

КОЛЯ. Я тогда не думал об этом.

ТАНЯ. Его отец мог ему что-то сказать!?

КОЛЯ. Он не считал его своим сыном.

ТАНЯ. Его отец не считал его своим? Это как? Нагулянным?

КОЛЯ. Не знаю. Костя как-то пытался с ним сблизиться, да всё без толку...

ТАНЯ. Вот как.

КОЛЯ. Он поехал к нему. Посоветоваться что-ли. Мы же все тогда решали, куда поступать. Не знаю.

ТАНЯ. А мне так странно было смотреть на эти берёзы, на эти маленькие листочки, на ясное небо и на закрытый гроб. Тогда на похоронах.

КОЛЯ. Его разорвало на части.

ТАНЯ. А она его видела? Тётя Маша?

КОЛЯ. Опознавала. Стали обзванивать больницы, морги и всё сошлось. Её вызвали — она поехала. Я хотел поехать с ней. А она сказала: жди. Это не он, сказала. А когда пришла, сказала только одно: он.

ТАНЯ. Как жутко. Найди её. Как она? Почему мы жили так?

КОЛЯ. Как получилось — так и жили.

ТАНЯ. А тебе не приходило в голову, что вот рождаются люди, такие все светлые и лучеглазые — а потом тухнут.

КОЛЯ. Мы тухнем?

ТАНЯ. Да!

КОЛЯ. Правда!?

ТАНЯ. Ещё как.

КОЛЯ. Думаешь?!

ТАНЯ. Посмотри на глаза. Искры нет — всё выгорело. Есть дети — нет искры, нет детей — нет искры. Всё куда-то ушло.

КОЛЯ. Это я уже от тебя слышал.

ТАНЯ. Тоска.

КОЛЯ. И темно...

Таня плачет.

КОЛЯ. Ты чего? Плачешь?

ТАНЯ. Да так. Как-то жалко стало.

КОЛЯ. Кого?

ТАНЯ. Костю. Себя.

КОЛЯ. Ты же говорила ребятам сегодня, что у тебя всё хорошо.

ТАНЯ. А что мне плакаться там что-ли надо было?

КОЛЯ. Ну не знаю.

ТАНЯ. Не буду я плакаться перед ними. У меня всё хорошо.

КОЛЯ. Вижу.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Коля ходит по комнате. Что-то поднимает: книги разорванные, куски пластинок, тетрадки. Таня приходит в себя, вытирает слёзы. Достает косметичку и смотрится в зеркало.

КОЛЯ. Пойду на улицу, такси вызову. Здесь не ловит. Пождёшь здесь?

Таня молчит. Коля смотрит на неё и хочет выйти.

ТАНЯ. А я твой поцелуй никогда не забуду.

Коля останавливается.

ТАНЯ. Ты по этой Юльке тащился. А я тебя любила.

КОЛЯ. Ты?!

ТАНЯ. Да. Костю и тебя.

КОЛЯ. Обоих?

ТАНЯ. Костю меньше.

КОЛЯ. Почему?

ТАНЯ. Он грустный был.

КОЛЯ. Так в самый раз.

ТАНЯ. А ты повеселее. Но это я так...

КОЛЯ. А ты мне нравилась.

ТАНЯ. Правда?

КОЛЯ. Ага.

ТАНЯ. Странно.

КОЛЯ. Что?

ТАНЯ. Я не замечала.

КОЛЯ. Скрывал.

ТАНЯ. Помнишь то платье, что тётя Маша сшила? Для тебя старалась.

КОЛЯ. А почему ты тогда не пришла?

ТАНЯ. Побоялась.

КОЛЯ. Чего?

ТАНЯ. Не знаю.

КОЛЯ. А я ждал. Долго.

ТАНЯ. Не знаю. Правда. Я подумала, что ещё успеем. Ну, вообще, у меня на примете был другой — постарше.

А ты так...

КОЛЯ. Так ты говоришь, что любила.

ТАНЯ. Ещё как! Но, ты меня не устраивал.

КОЛЯ. Чем же?

ТАНЯ. Мелковат.

КОЛЯ. Я!?

ТАНЯ. Да.

КОЛЯ. Мелковат!?

ТАНЯ. Ну, да. Тогда был...

КОЛЯ. А мы же здесь целовались?!

ТАНЯ. Да, здесь. В комнате. Костя с тётёй Машей пошли на кухню, а мы танцевали.

КОЛЯ. Такая тихая мелодия... Кажется, тётя Маша любила эту песню.

ТАНЯ. Наверное...

КОЛЯ. Ты обняла меня...

ТАНЯ. Да. Просто прижалась к тебе, и мы целовались. Всё казалось таким долгим-долгим... А потом я испугалась.

КОЛЯ. А тётя Маша и Костя не видели.

ТАНЯ. Они не знали, не видели.

КОЛЯ. А зачем ты поцеловала меня тогда?

ТАНЯ. Любила тебя.

КОЛЯ. Почему потом в кино не пошла? На свидание? За чем слухи пустила по школе?

ТАНЯ. Да не знаю я. Говорю же, не знаю, что делала. Просто сказала глупости. Такая вот я...

КОЛЯ. Я подумал, что ты меня предала.

ТАНЯ. Я злая была на тебя.

КОЛЯ. Почему?

ТАНЯ. Не помню уже.

КОЛЯ. Вот как.

ТАНЯ. Ну да.

КОЛЯ. А ты песню ту помнишь?

ТАНЯ. Помню.

КОЛЯ. Она старая песня. С пластинки.

ТАНЯ. Да.

КОЛЯ. Мы под неё танцевали тогда...

ТАНЯ. Как взрослые...

КОЛЯ. Я потом её не слышал никогда.

ТАНЯ. Круги на воде, круги на воде — как память о них всё расходитя тихо... Не помню, когда, да и важно ли, где — в далеком когда-то, в неведомом где-то. Круги на воде, круги на воде... Прерывисты линии, как на ладони. Как будто по ним я гадаю себе, а камень всё тонет, а камень всё тонет.

КОЛЯ. Ты помнишь?

ТАНЯ. Немного...

КОЛЯ. А я тоже помню.

ТАНЯ. Что?

КОЛЯ. Танец, поцелуй.

ТАНЯ. Помнишь?

КОЛЯ. Мне хотелось тебя не отпускать, держать рядом с собой и не отпускать. Быть рядом с тобой. Всегда рядом...

ТАНЯ. Отпустил?

КОЛЯ. Ты предала?

ТАНЯ. Обиделся?

КОЛЯ. Уже не знаю. Казалось, что всё будет...

ТАНЯ. И всё было?

КОЛЯ. Было и не было...

ТАНЯ. Было и не было...

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Коля ходит по комнате. Достает тетрадку и листает её.

ТАНЯ. Поехали. Мне до Солнцево отсюда знаешь сколько... Пойдём вызовем такси.

КОЛЯ. (*Читает тетрадку*). Скоро меня увезут из этого милого дома. Здесь я была счастлива многие годы. Здесь

были мои милые друзья, мой Костя, милые ребята. Была ли я счастлива? Была! Была, была... Как жаль, что всё происходит...

ТАНЯ. Что это?

КОЛЯ. Дневник тёти Маши.

ТАНЯ. Тёти Маши?

КОЛЯ. Видимо.

ТАНЯ. Читай.

КОЛЯ. Мне осталось немного, но я желаю всем кого люблю только добра, только счастья. Любите, живите!

ТАНЯ. Любите, живите!

КОЛЯ. *(Продолжает читать.)* Я не знаю, кто это будет читать. Я не знаю, зачем я пишу это. Надо выговориться, да некому. Пусть так! Пусть так! Всё было, всё ушло. Всё прошло. Костя, быть может, так всё, чтобы увидеть тебя.

ТАНЯ. Подожди! Странно!

КОЛЯ. Костя, быть может, так всё, чтобы увидеть тебя.

ТАНЯ. Дай сюда.

Коля отдаёт тетрадь.

ТАНЯ. Люди боятся смерти. И я боюсь. Мне было страшно остаться одной с неродившимся ребенком, мне было страшно остаться одной без Кости, а сейчас мне не страшно уйти. Я живу на обезболивающих, чтобы не мучиться от боли, но я никогда не могла найти такого обезболивающего, чтобы не мучиться от потери сына. Может, я перестала бороться, надломилась. А зачем мне было бороться, для чего?

КОЛЯ. Не понимаю.

ТАНЯ. Дальше тут. Посвети. Как страшно осознавать свой уход. Как страшно.

КОЛЯ. Такое впечатление...

ТАНЯ. Смотри тут написано: эта квартира была моей счастливой гаванью. Сколько счастья здесь было! Подняться по лестнице после работы, открыть дверь и увидеть моих троих гавриков. И я забывала про всё на свете. Костя, Таня,

Коля — милая троица. Сколько радости они мне дарили, даже не зная об этом!

КОЛЯ. Про нас?

ТАНЯ. Смотри-ка.

КОЛЯ. Что?

ТАНЯ. Это интересно: они думали, что я не вижу. А я видела. Так красиво, так наивно они целовались! Коля и Таня — я представляла их тогда взрослыми и представляла, какой они будут счастливой семьей, их свадьбу. Сейчас у них, наверное, уже взрослые дети. Я так счастлива за них! В жизни главное не сколько, а как. Пусть они живут за моего Костю, за меня...

КОЛЯ. О как.

ТАНЯ. Слушай: как страшно, когда тебе ставят диагноз, но я свыклась. Жизнь была там, позади, а впереди — уже ничего. Жизнь была здесь в этой комнате... А за ней ничего...

КОЛЯ. Перелистай.

ТАНЯ. Хочу ли я жить? Хочу. Очень хочу. А ещё больше хочу, чтобы был мой Костя. Внуков хочу. Закрою глаза и вижу их. Вижу Костю. Вижу моих внуков. Вижу то, чего нет. Почему, зачем? Сколько вопросов я задавала себе... А ответов нет. А теперь.... Только жду...

Коля и Таня в оцепенении стоят у окна.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

ТАНЯ. Получается, она умерла?

КОЛЯ. Умерла?

ТАНЯ. Диагноз. Болезнь?

КОЛЯ. Может...

ТАНЯ. Это было лет девять назад?

КОЛЯ. Да, где-то. Там, в тетрадке написано.

ТАНЯ. Что я делала тогда, чем занималась в то время?

Не помню... Вообще не помню... И почему я не была с ней!?
Рядом с ней...

КОЛЯ. И что бы было?

ТАНЯ. Не знаю. Просто рядом... Она же так хорошо
к нам относилась.

КОЛЯ. И мы к ней.

ТАНЯ. А мы — нет.

КОЛЯ. Почему?

ТАНЯ. Бросили...

КОЛЯ. Жизнь такая. Всех разбросала. Она же не упрекает...

ТАНЯ. Слушай, как время бежит а... Как же жутко... Ведь не вернёшь её. Костю...

КОЛЯ. Всё меняется. Вот и дом снесут... И ничего не останется. Жила тут Тётя Маша, мы жили... и...

ТАНЯ. Снесут дом, и никто не вспомнит тётю Машу с Костей. Даже стены эти их не вспомнят. Не будет стен... Вот так всё... так всё и уходит... в пустоту... в никуда...

КОЛЯ. Увы...

ТАНЯ. Она умерла, а потом в ее квартиру въехали новые люди.

КОЛЯ. Въехали. А может так и стояла пустая. У неё же не было родственников?

ТАНЯ. Кажется, да. А где была эта тетрадка?

КОЛЯ. Там. *(Показывает в угол.)* Там у неё буфет стоял. Видимо, завалилась. Никто и не видел.

ТАНЯ. Как будто нас ждала.

КОЛЯ. Тетрадка?

ТАНЯ. Ну да.

КОЛЯ. Видимо.

ТАНЯ. Мы не знаем даже, почему она умерла, где похоронена.

КОЛЯ. Не знаем.

ТАНЯ. Как же всё так!

КОЛЯ. Вот так.

Таня как-то резко вдруг говорит.

ТАНЯ. Слушай. Да очень просто всё. Я не пошла тогда на свидание с тобой только из-за того, что подумала, что будет слишком всё. Другие с парнями постарше, а я — с тобой. Ты же вроде свой, а жених-то должен быть другим, не своим. Девчонки засмеяли бы. Ну, так вот. Не знаю. А потом я уехала в Питер, и как-то...

КОЛЯ. Уже всё прошло.

ТАНЯ. А ты меня любишь?

КОЛЯ. Конечно...

ТАНЯ. Да нет. Вот как раньше, ты меня любишь? Ты меня любишь!?

КОЛЯ. Не знаю...

ТАНЯ. И искры в глазах у тебя нет?!

КОЛЯ. Давай поедем уже. Поздно уже.

ТАНЯ. Никуда я не поеду!

КОЛЯ. Что, тут останешься?

ТАНЯ. Не знаю.

Таня отворачивается от Коли и смотрит в окно. Коля ходит по комнате, берёт куски пластинок, которые валяются в углу.

КОЛЯ. Пластинки. Разбитые.

ТАНЯ. Вот так и всё.

КОЛЯ. Что всё.

ТАНЯ. Вот так всё и проходит.

КОЛЯ. Как?

ТАНЯ. Впустую.

Коля разгребает кучу и достаёт пластинку. Она целая. Всматривается в неё.

КОЛЯ. Смотри.

ТАНЯ. Что?

КОЛЯ. Ты посмотри.

Коля подходит к Тане и даёт пластинку. Она читает.

ТАНЯ. Майя Кристалинская. Круги на воде.

КОЛЯ. Это она?

ТАНЯ. Она.

КОЛЯ. Держи. Дарю на память о большой любви.

ТАНЯ. Всё вдребезги — а она сохранилась... Может, она всё помнит... Может, она будет помнить...

КОЛЯ. Что помнить?

ТАНЯ. Нас. Тебя. Меня.

Таня берёт пластинку. Смотрит на неё. Коля идёт к выходу и в телефоне что-то ищет. Таня кладёт пластинку на подоконник и начинает пританцовывать без музыки. Коля поворачивается и замечает танцующую Таню.

КОЛЯ. Ты что?

ТАНЯ. Да так.

КОЛЯ. Пошли.

Коля смотрит на Таню. Она останавливается в задумчивости. Некоторое время смотрит на Колю.

ТАНЯ. Я хочу начать всё сначала.

КОЛЯ. Как?

ТАНЯ. Иди ко мне.

Таня протягивает Коле руку. Коля подходит к Тане. Таня гладит его по щекам, по волосам, по голове. Звучит песня «Круги на воде». Коля смотрит на Таню и проводит рукой по её волосам. Она прижимается к нему. Они начинают танцевать. Они танцуют. Обнимаются. Целуются. За окном идет дождь.

Круги на воде, круги на воде...

И я вспоминаю, что видела это,

Не помню, когда, да и важно ли, где —

В далеком когда-то, в неведомом где-то.

Круги на воде, круги...

Круги на воде.

Круги на воде, круги на воде...

Как память о них все расходятся тихо.

Над ними тогда плоский камень летел,
Твоею рукою заброшенный лихо.
Круги на воде, круги...
Круги на воде.
Круги на воде, круги на воде...
Прерывисты линии, как на ладони.
Как будто по ним я гадаю себе,
А камень всё тонет, а камень всё тонет.
Круги на воде, круги...
Круги на воде.
А годы проходят в своей правоте.
Река омывает другие рассветы.
И пусть остаются круги на воде
В далеком когда-то, в неведомом где-то.
Круги на воде, круги...
Круги на воде.
Круги... на воде...

Москва
Октябрь 2017 г.

В тексте пьесы использована песня «Круги на воде» на музыку А. Островского и стихи И. Кашежевой.

В тексте пьесы использован фрагмент из повести Бориса Васильева «Завтра была война» в композиции Геннадия Касьянова.

СУМЕРКИ

*простая история о любви и жизни
(пьеса в тринадцати частях)*

*Памяти Кристины Резник, Анны Герман и Майи
Кристалинской*

Действующие лица

ДЕД — Федор Иванович (около 70 лет).

АНЯ — его внучка (девушка 23-х лет).

ПЕТЯ — жилец (30—35 лет).

КАТЯ — невеста Пети (30—35 лет).

НИНА — соседка (около 50 лет).

ВИКА — подруга Кати (30—35 лет).

В пьесе использованы тексты песен:

ЕСЛИ ВАМ НОЧЬЮ НЕ СПИТСЯ (стихи С. Михалкова,
музыка А. Островского)

(из репертуара Майи Кристалинской)

ЗАЧЕМ ТЫ СНИШЬСЯ МНЕ, КРАСИВЫЙ (стихи Ф.

Лаубе, музыка Е. Птичкина)

(из репертуара Вероники Кругловой)

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ (стихи А. Дементьева, музыка А.

Бабаджаняна)

(из репертуара Анны Герман)

СУМЕРКИ (стихи Л. Ошанина, музыка И. Якушенко)

(из репертуара Анны Герман)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта история могла бы произойти в любой семье. Да и происходит. У каждого человека, каждой семьи есть своя боль... боль, которая перечеркивает, возможно, надежды на будущее, надежды на то, что вообще что-то будет хорошее. Эта история о том, что надо жить, надо делать добрые дела, надо делать пусть небольшое, но то, что от тебя зависит. Эта история об обретении себя, о любви, которую так трудно найти, но которая, может быть, совсем рядом.

Все персонажи этой истории выдуманы. Но, быть может, эта история могла бы произойти в соседней с Вами квартире...

Особая благодарность Анне Улаевой и Светлане Кравцовой за помощь в работе над пьесой.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Обычная московская квартира с небогатой обстановкой. На переднем плане большой холл с диваном, столом, шкафами, синтезатором и гитарой. Напротив дивана висит большая фотография с красивым городом. Двери в комнату деда, комнату жильцов, кухню. Хорошо видна входная дверь.

Вечер. Сумерки. Аня ходит по своей комнате — выходит в холл, садится на диван и тихо говорит строчки из песни, смотря куда-то в угол.

АНЯ. Сходятся синие сумерки... сходятся синие сумерки, полные тихими думами... полные тихими думами. Так, почему-то, особенно в сумерки хочется счастья... хочется счастья... хочется счастья тревожного, звонкого, неосторожного... сходятся синие сумерки, полные тихими думами...

Из своей комнаты выходит Петя.

ПЕТЯ. Ты здесь? *(Обращаясь к Ане.)*

АНЯ. С детства люблю это время — сумерки...

ПЕТЯ. Почему?! Что в них такого?

АНЯ. В сумерки можно помечтать. Не день и не ночь...
Как я...

ПЕТЯ. Грустная ты сегодня. Как дела?

АНЯ. Как будто ты весёлый... *(Кашляет.)*

ПЕТЯ. Ну да... невеселый...

АНЯ. Опять. Поссорились с Катей, или забраковали очередную сценарий?

ПЕТЯ. Провидица ты... Живем у вас второй год, а ты уже все знаешь про меня.

Петя подходит к Ане и садится рядом с ней.

АНЯ. А ты думал. Ну?

ПЕТЯ. Поссорился с Катей... Завтра она уезжает на съемки в Питер. Причем я даже не пойму, в чем причина ссоры...

АНЯ. Помиришься...

ПЕТЯ. И не приняли сценарий... и... сказали, больше у них не появляться... и не заплатили... ничего не заплатили... и, представляешь, и за статьи не заплатили... Денег вообще — ноль...

АНЯ. Статьи — те, что на сайт отправлял?

ПЕТЯ. Непруха.

АНЯ. А Катя что?

ПЕТЯ. Да так... знать бы... чего она...

АНЯ. Злая она. *(Кашляет.)*

ПЕТЯ. Раньше была другой.

АНЯ. Сколько вы с ней?

ПЕТЯ. Сюда вместе приехали. Одиннадцать лет.

А до этого в школе вместе учились.

АНЯ. Ого.. Срок... А чего не женишься?

ПЕТЯ. Да как-то не складывается. То это, то другое...

АНЯ. А ты её любишь? Катю любишь? *(Аня смотрит в лицо Пети.)*

ПЕТЯ. Конечно, люблю.

АНЯ. Думаешь?

ПЕТЯ. Ну, да.

АНЯ. А ты пишешь о любви — а ты задумывался о том, что такое любовь?!

ПЕТЯ. Конечно!

АНЯ. Ну и что?

ПЕТЯ. Любить — это слушать любимого человека, понимать его, жалеть его... ну, где-то так... не объяснишь...

АНЯ. Да!? *(Задумчиво.)*

ПЕТЯ. Да.

АНЯ. Знаешь, любить — это жить.

ПЕТЯ. Жить?!

АНЯ. Жить нельзя без любви. Не любишь — не живешь!
(Кашляет.)

ПЕТЯ. Ты еще маленькая. Максималистка.

АНЯ. Но это так. Любишь если — то живешь. Нет — ты умер.

ПЕТЯ. А ты! Ты... ты любишь!?

АНЯ. Люблю. И живу. Пока люблю — живу. Слышишь!

ПЕТЯ. Смешная ты... А вот мне не до любви уже...

АНЯ. Почему!?

ПЕТЯ. Я так много чего хотел в этой жизни... и... ничего... везде... ничего... так просто писать... и придумывать чужие жизни... а свою жить так, как надо, — не просто... Я в каком-то тупике... зашел в тупик, а где выход, и не знаю... Просто сказать — труднее что-то сделать... Одиннадцать лет в Москве — и ничего... Знаешь, какая-то пустота во мне... Не знаю как сказать, как объяснить, но чувствую, что не могу так больше жить. Не хочется... Какой-то период в жизни что-ли такой... Хочется опустить руки и просто плыть по течению и не бороться, не думать, не переживать — надое-ло все...

АНЯ. Ну, ты даешь! Но ты же пишешь! Много пишешь!

ПЕТЯ. Пишу. А все в стол.

АНЯ. А телевидение! Там!?

ПЕТЯ. Знаешь. Я работал там. Нет! Никогда! Писать сценарии ток-шоу... нет...

АНЯ. Но это же опыт... и деньги...

ПЕТЯ. И такой же тупик... только с деньгами... там, знаешь... там на этом телевидении все какие-то люди неискренние, пустые, бестолковые... с ними пообщаешься — сам пустым становишься... не хочу туда...

АНЯ. Думаешь...

ПЕТЯ. Там меня сломают... Я себя потеряю... Я уже себя потерял...

АНЯ. Как?!

ПЕТЯ. Как личность, как человек.

АНЯ. Думаешь!?

ПЕТЯ. Я когда был совсем маленьким, то написал один из своих первых рассказов. Это был рассказ про мальчика, который выдумал себе друга, который жил в подушке и приходил к нему по ночам. И мальчик рассказывал ему о своих проблемах и трудностях, о прожитом дне. А его друг, что-то типа маленького гнома, что-ли, помогал ему и давал советы... и мальчик, хотел вроде совершить что-то плохое днем, но вспоминал своего друга и не делал ничего плохого... А вот получается, что люди только и пишут что об одиночестве... и ищут того, кто разделит их мысли... А с другой стороны, мальчик в этом моем рассказе был личностью... у него был друг, и он был с ним... но он не был как все, не был в толпе... Вот и выбор стоит — сейчас стоит — быть как все и не мечтать, не жить надеждой... или же все-таки — стоять отдельно от всех...

АНЯ. Чем кончился рассказ?

ПЕТЯ. Подушка стала старой, и ее выбросили, и мальчик остался без друга...

АНЯ. И стал как все...

ПЕТЯ. Наверное. Давно было — я не помню.

Аня сильно кашляет.

ПЕТЯ. Почему ты не лечишься? Сколько живу у вас, ты все время кашляешь...

АНЯ. Лечусь, лечусь... это не страшно...

ПЕТЯ. Бледная ты. Тебя твоя музыка доведет до ума...
Не запускай — свой кашель...

АНЯ. Кашляю — значит, живу... Понимаешь...

ПЕТЯ. Вот так вот... А говорила — любишь — значит, живешь...

АНЯ. И люблю, и мечтаю, и кашляю... А музыка... не доведет... нет... Это моя жизнь... Как для тебя слова — для меня звуки... музыка — она везде...

ПЕТЯ. Наверное. *(В своих мыслях.)*

АНЯ. Знаешь. Я живу звуками... они во мне... мелодии, ритмы... Это мое... Еще когда я была маленькой... знаешь, где-то мне твой герой рассказа близок... Я так же... *(Молчит.)* когда болела... я в тишине пустой квартиры слушала звуки улицы... троллейбус проехал... автобус... прохожие... ворона... птички... и так целый день... Все эти звуки складывались в музыку — мою музыку — только мою. Потаённую музыку, которую только одна я слышу и понимаю... Это была моя тайна. А сейчас я хочу моим детям в школе донести то, какая интересная музыка, что это целый мир... Ты любишь детей!?

ПЕТЯ. Не думал. Не знаю...

АНЯ. Я вижу их глаза. Знаешь, какие они... Я думаю, меня не будет — а они будут... Если я зажгу в них искру любви — они будут людьми... И они, когда будут взрослыми, останутся такими же славными, наивными, искренними, как сейчас... и, может, не очерствеют они — музыка не даст... может, разгорится в них моя искра, может, через них буду жить... может, вырастут они — в других зажгут искру любви... а ведь любовь — это музыка, а музыка — это жизнь...

ПЕТЯ. Загнула ты... «меня не будет»... «искра любви»... тебе-то... ты же молодая... а говоришь.. Любите вы, девушки юные, о смерти да о любви...

АНЯ. Да ну тебя... Катька твоя злая, и ты такой же...

ПЕТЯ. Ну вот... *(Молчит.)* А я все хотел спросить, что это за фотография напротив дивана висит — что-то знакомое а вспомнить не могу. Что за город?

АНЯ. Дубровник!

ПЕТЯ. Это в Хорватии!? Ты там была!?

АНЯ. Нет. Не была... Хочу там быть...

ПЕТЯ. Красиво.

АНЯ. Да. Я сижу здесь, смотрю на эту фотографию, и мне так уютно. Это город моей мечты — там синее-синее море и синее-синее небо... и красные-красные черепичные крыши... там дует теплый ветер, и цветет много-много красивых цветов...

ПЕТЯ. Ты туда еще съездишь...

Аня молчит.

АНЯ. Как же я хочу, чтобы было синее небо, синее море и вокруг был такой уютный маленький город, чтобы под окном ходили туристы со всех стран, а торговки торговали укропом и петрушкой и звучали звуки музыки, голоса птиц... как же это несбыточно и далеко... как же обидно!

ПЕТЯ. Аня, но... *(Аня перебивает его, явно не желая продолжать разговор.)*

АНЯ. Дед скоро придет...

ПЕТЯ. Он у тебя хороший...

Раздаётся звонок в дверь. Аня идет открывать.

АНЯ. Лучший... самый, самый лучший...

Аня открывает дверь. Входит Нина в невероятном китайском халате.

НИНА. О... моя-то, а я думала ты ещё на концерте... *(обрастая к Ане)*. Я так тут кабачки жарю, а про муку забыла! Теперь не знаю — каво и делать... Думаю, кто мне поможет, как ни соседushка... а... я пойду возьму. *(Смело идет на кухню и лезет, в нужный ящик.)* Давеча тут Людка звонила, зараза

такая, у меня из-за нее полкабачка сгорело...

АНЯ. Почему!?

НИНА. Ее брат вчера машину дорого продал, а деньги-то потерял! Вот такая скотина! Она вся переживает! У нее истерика! А потом Елена Сергеевна..

АНЯ. Это кто? Она причем?

НИНА. Ну, как кто!? Ты чё, моя, не помнишь её совсем!? Да знаешь ты её! Это ж с дома на углу... Звонит, и такая деловая, говорит, что муж-то ее генерала устроился возить в МВД. Нашла дуру... Я дык так и сказала, что мой бы Серёжа, покойничек, да чтоб генерала возить пошёл бы!!! Я б его собственноручно бы удавила. Не таки мы породой, чтоб унижаться...

АНЯ. А кабачки причем?

НИНА. Ну, как причем!? Я про них и забыла... Глаза паялю, а там ужас тихий — горят! Водой залила — вонь везде. Я на балкон убежала. Гляжу, там воробушек, красивый такой — глаза большущие делает — нюхает чего-то...

В это время в открытую входную дверь входит Катя.

НИНА. О, сударыня наша припёрлась! *(Обращаясь к Кате.)*

Катя недобро смотрит на Нину и на собравшихся, с какой-то усталостью и раздражением.

КАТЯ. У Вас тут вижу собрание! Как обычно! Петя!

НИНА. Вы сюды, а я туды... *(Обращаясь к Кате.)*

Нина выходит из квартиры с банкой муки. Аня возвращается к себе в комнату. В холле остаются Петя и Катя. Петя пытается обнять и поцеловать Катю, но та отворачивается от него...

КАТЯ. Не надо.

ПЕТЯ. Ты устала?!

КАТЯ. Да, устала. Завтра я уеду в Петербург... На неделю...

Катя идёт в комнату. Петя следует за ней.

Затемнение.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Вечер. Уже темно. Из своей комнаты выходит Катя. Она идёт на кухню. Какое-то время сидит, обхватив голову руками. Достает телефон из кармана идёт в коридор и кому-то звонит.

КАТЯ. Вика, привет. Как я устала. Я не могу уже. Слушай... не могу... жить с ним не могу... терпеть все это не могу... днём репетиции, вечером спектакли, утром съёмки... а он всё сидит... и колдует... Уеду завтра на съёмки в Питер... хоть передышка... Не знаю... *(Молчание.)* Что?... *(Молчание.)* ... ты приедешь завтра... уехать на совсем... оставить его... Вика! Я же предаю его! *(Молчание.)* У меня в 11 поезд... *(Молчание.)* Не знаю... хочешь — приезжай, мне все равно... *(Молчание.)* Ты права — мне надо вырваться. Здесь нет воздуха, нет будущего... Вырваться хочу, убежать... Не могу больше... Переехать к тебе... *(Молчание.)* Я не стесню тебя? *(Молчание.)* Пока...

Катя какое-то время ходит по кухне и холлу. В это время в своей комнате Аня готовится ко сну. Она читала книжку. Отложила её. Берет в руки гитару. Катя идёт к себе в комнату. В коридоре она останавливается и как бы в задумчивости говорит.

КАТЯ. Это не может так продолжаться. Я ведь тоже человек.

Катя видит Аню, которая что-то делает в своей комнате. Аня видит её..

АНЯ. Спокойной ночи, Катя! Ты чего такая? Опять уходить собралась?

Катя вроде как хочет что-то ответить. Смотрит на Аню. Делает какой-то жест и, не отвечая, уходит к себе.

АНЯ. Вот-вот... Как же грустно. Любовь! Как глупо. Жестоко всё.. Да, ну... Пусть.. Печалька... (*Аня себе самой.*)

Аня наигрывает на гитаре и тихо напевает...

Если вам ночью не спится
И на душе нелегко,
Значит, вам нужно влюбиться
В ту одну на земле,
Что от вас далеко.
Кто она, где она ходит,
С кем провожает зарю,
Кто её под руку водит,
Ту одну на земле
Половинку твою?

В это время из своей комнаты выходит Петя. Он идёт на кухню, но, услышав песню останавливается. И слушает, как поёт Аня. В руках у него какие-то напечатанные страницы. Он молча стоит и слушает. Но вскоре слышится звук открывающегося замка. Он, спохватившись, куда-то, не глядя, кладет листки и уходит в комнату.

Но как узнаешь,
Когда встречаешь,
Быть может, эта,
А может быть, та.
Её ведь надо
Узнать по взгляду,
Понять мгновенно,
Что рядом — мечта.

Где этот день или вечер,
Где тот волнующий час
Этой решающей встречи,
Теплых рук, добрых губ,
Нежных слов, ясных глаз.
Ты о ней бредишь весною,

Ищешь в далеких краях.
Что, если рядом с тобою
Та одна на земле
Половинка твоя.

В квартиру заходит Дед. Он раздевается. Слыша, как Аня поет, он немного приостанавливается в своих действиях, качает головой, как бы сам себе что-то подтверждая в своих мыслях. Когда Аня практически допела песню, он стучится к ней и входит в её комнату.

Но как узнаешь,
Когда встречаешь,
Быть может, эта,
А может быть, та.
Её ведь надо
Узнать по взгляду,
Понять мгновенно,
Что рядом — мечта.

Аня первой, видя деда, чуть вскрикивает.

АНЯ. Дед! Привет!

ДЕД. Тише. Ночь же.

АНЯ. Как ты? Отработал?

ДЕД. Устал. Трудно.

АНЯ. Дед!?

ДЕД. Но... Надо... Деньги нам нужны... И куда я без своих больных...

АНЯ. Дед, ты... ты, не умеешь... ты тратишь себя...

ДЕД. Ладно. Пора спать. Пойду. *(Спохватившись.)* Таблетки выпила, не забыла?

Аня не отвечает. Дед выходит из комнаты. Но его окликает Аня.

АНЯ. Дед, а ты думаешь, он приедет?

ДЕД. Кто?

АНЯ. Папа. Сегодня он был в скайпе — позвонил мне.

ДЕД. И, что он сказал. *(Как-то равнодушно.)*

АНЯ. Всё как обычно. Я спросила, где он. А он назвал что-то — а я и не поняла. Я спросила его, когда он придет. А он стал спрашивать про тебя. Может, он скоро придет?

ДЕД. Приедет, Аня. Приедет. Никуда не денется. Ложись.

АНЯ. Дед!

ДЕД. Да! *(Как-то испуганно.)*

АНЯ. А когда я умру — я увижу маму!?

Дед молчит. Подходит к кровати Ани — садится. Рукой гладит её волосы и смотрит ей в глаза.

ДЕД. Аня... Не надо... Ты же...

АНЯ. Дед, но я же умру. Я не боюсь, но ведь мы встретимся там. Правда?

Дед молчит.

АНЯ. Правда?

ДЕД. Расскажи лучше, как сегодня день прошёл.

АНЯ. Дед! Я так по ней скучаю. Может, я такая уродилась, чтобы побыстрее уйти к ней...

ДЕД. Не говори так.

АНЯ. Скажи, почему такие, как мама, такие хорошие, светлые, замечательные люди так рано уходят... а те, те, пустые, злые всякие живут и живут... Зачем так! Это же несправедливо... Так нельзя! Я, ещё когда маленькой в больницах лежала, думала, когда в окно смотрела, — вот они, люди, такие здоровые, сильные, ходят себе по улице и не знают цену жизни, и не знают, что ее надо ценить всю от корочки до корочки. Ходят себе, под ноги смотрят и не видят этот мир... А тогда не страшно было... Тогда все казалось проще. Вот они — здоровые. А вот мы — нездоровые. А сейчас — страшно. Знаешь, как страшно! Нет. Я не боюсь смерти. Нет! Но ведь так мало осталось жить. Сколько!? Ведь мало... Тогда, в детстве, я даже не думала об этом. А сейчас каждый день думаю. Пусть не навязчиво, но в голову приходит — вижу по телевизору, что какие-то

олимпиады, чемпионаты будут... А думаю — буду ли я тогда жить... И вот, я думаю, ну, хоть какая-то справедливость должна быть... Вот если мне так рано суждено уйти, то маму я увижу там...

ДЕД. Эх!

АНЯ. Ну, почему она поехала ночью. Мамочка... Мне так ее не хватает... Почему?! Ты веришь в судьбу?! Она так мне нужна!

ДЕД. Знаешь, Аня! Ты всегда ловишь меня своими вопросами в неподходящее время. А потом, знаешь, я не философ и не Бог. Откуда я знаю, что там... Я столько лет лечу людей и видел столько всего... что уже привык относиться ко всему просто... Есть сегодня, есть завтра. Сегодня мы живём, а завтра — завтра будет уже завтра.

АНЯ. Дед, слушай. Знаешь, я так люблю с тобой разговаривать по ночам. Это так здорово.

ДЕД. Мне иногда кажется, что ты меня провоцируешь своими вопросами. Ты лучше делай всё, что тебе прописал твой врач — Виктор Васильевич и будешь здоровее всех. Таблетки пила вечером?!

АНЯ. Пила, пила... Но послушай, Дед — я как бабочка — улечу к свету... нет... в темноту...

ДЕД. Смешная ты.

АНЯ. А чего грустить. Дед, не бери в голову. Это я так. Грустно было как-то. Катька с Петькой вроде расходятся.

ДЕД. Да ну... Опять жильцов искать...

АНЯ. Да они уже столько раз расходились и сходились, что устанешь считать.

ДЕД. Я пойду. Спокойной ночи.

АНЯ. А папа уехал на край света, чтобы не видеть меня? Так приедет он через года два — а меня уже и не будет...

ДЕД. Эх. Ну что с тобой делать... Он любит тебя, только он слабый. Мама погибла, а потом твой диагноз — он и убежал куда глаза глядят. Так проще...

АНЯ. Почему?

ДЕД. Ну, это ты его спроси...

АНЯ. Он боится, что я буду буду — а потом не буду...

ДЕД. Где-то так...

АНЯ. Он маленький... он трус...

ДЕД. Он тебя любит... Не трус... Нет, ему так легче. Он придумал себе какие-то дела, куда-то улетел... Как будто он занят... Вот он тебе позвонит, что-то скажет... Иногда пришлёт какие-то деньги... Но он не рядом с тобой и не видит наших проблем и наших болячек... Ему так легче... И вроде ты здорова, и вроде всё хорошо...

АНЯ. Но я ведь здорова!

ДЕД. Если будешь все соблюдать...

АНЯ. То всё равно умру...

ДЕД. Я хочу спать. Не мучай меня.

АНЯ. Дед, всё. Всё... Извини...

ДЕД. Я столько раз тебе говорил одно и то же...

Он уходит к себе, но Аня его опять окликает.

АНЯ. Дед, а доктора врут...

ДЕД. Они лечат. *(Не оглядываясь.)*

АНЯ. Вот так... *(Сама себе.)* Если Вам ночью не спится... Вот мне ночью не спится... и хочется влюбиться, и про все всё забыть... Забыться!... Хочется любить, нарожать детей... Не смешно... Правда... Правда хочется... но не получится. Вот не было бы этого Муковисцидоза... Вот напасть... Печалька... Глупая я... Лечусь, лечусь... диета, то не ешь, это не ешь... а все равно — как они там пишут в своих диссертациях — летальный исход... *(Привстает на диване.)* Вот такую вот красивую и ждет не принц а летальный исход... Хорошо, что мы ещё с дедом не базарим нигде... а то бы все соседи и знакомые судачили бы: «Ах бедная девочка, бедная девочка... Ей бы жить, да жить». Нинка бы раструбила бы всем подругам... Популярность бы была местного масштаба после смерти... Тьфу. Противно... Жалость терпеть не могу... Кошмар... Мама — такая красивая, красивая... добрая, добрая...

У меня муковисцидоз, и жить мне... так недолго — сколько они говорят — двадцать пять... тридцать... А мама и без этой болезни прожила чуть больше... Если бы эта сволочь в неё не врзалась... Ох...

Свет гаснет.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

*Утро следующего дня. Светло. Светит солнце. Дверь в комнату Пети и Кати открыта. Катя собирает вещи. Петя помогает ей до-
ставать и пытается завести с ней разговор.*

ПЕТЯ. Я вызову такси тебе.

КАТЯ. Не надо. *(Резко.)*

ПЕТЯ. Почему? На чём ты поедешь на вокзал?

КАТЯ. Сейчас приедет Вика.

ПЕТЯ. Вика!

КАТЯ. Петя! *(Молчание.)* Дай мне собраться...

ПЕТЯ. Я тебе не мешаю.

КАТЯ. Мешаешь, мешаешь... ты вечно мне мешаешь...

всегда, всегда...

ПЕТЯ. Катя, да что ты...

КАТЯ. Отстань! Устала. Не могу я так... Эти дед с внучкой, эта комната... Жить так невыносимо! Но сделай же что-нибудь! Ну! *(Катя смотрит на Петю.)*

ПЕТЯ. Ты же знаешь — я работаю, я стараюсь.

Пока Катя с Петей разговаривают, раздаётся звонок. Из своей комнаты выходит Аня и открывает дверь. В дверях появляется Нина. В руках у неё банка из-под муки (банка пустая). В другой руке судок с чем-то.

КАТЯ. Явилась!

НИНА. *(Нина, не замечая эти слова.)* Кусняча получилось. Вот, держи. *(Обращаясь к Ане, даёт ей банку.)* Это я вам с дедом притащила. А то, вон ты какая-то не такая, видать захворала... есть тебе надо... *(Нина даёт Ане судок.)*

Катя продолжает укладывать вещи.

АНЯ. Скоро уедет — воздуха больше будет.

НИНА. Зла Катька какая-то... есть ей больше надо — по-добрее...

АНЯ. Да, глисты у неё — ей что есть, что не есть... Посмотри на неё — карга старая...

НИНА. Вот-вот и сопатка длинная...

АНЯ. Старая.. Лет тридцать пять уже...

НИНА. Стара...

АНЯ. А я тебе о чём...

НИНА. Тут давеча Катерина Петровна рецепт сырного пирога дала... так вот, берешь сыру пять видов и трёшь на тёрке...

Раздаётся звонок в дверь, и Нина прерывается. Аня идёт открывать дверь. В дверях появляется Вика.

ВИКА. А, все в сборе! Красотки. (Смотря немного презрительно на Аню и Нину.)

Из комнаты выходит Катя и за ней Петя.

КАТЯ. Вика! Привет!

ВИКА. Привет, привет!

Петя кивает Вике, но ничего не говорит.

ВИКА. Ты всё собрала?! Один чемодан? А остальное?!

Катя смотрит на Вику, как будто о чём-то просит её...

КАТЯ. Один.

Вика идет в комнату и достает вещи.

ВИКА. А это! Давай, у нас ещё есть время — всё соберём.

ПЕТЯ. Что всё!?

ВИКА. Петя, Катя от тебя уходит. Она у нас девочка слабая, сказать тебе боится — говорю тебе об этом я. Уходит на совсем... Всё!

ПЕТЯ. Как!?

НИНА. *(Ане.)* О, курва! Ну, я не зря пришла, будет чё рассказать...

АНЯ. Да, сериал...

НИНА. Что говоришь — лучше! Живое исполнение...

КАТЯ. Петя! Извини. Петя, я не могу так. Выше моих сил. Слышишь! Не могу... Прости... Прости... Мне надо уйти...

Петя потупился, как-то отстранился, попятился...

КАТЯ. Ну, что ты молчишь! Ну, скажи...

ПЕТЯ. Катя, мы же столько лет вместе! Мне нужна ты. Я люблю тебя.

ВИКА. Так, дружок! Всё, любовь кончилась ещё в десятом классе — начались будни... Всё! Давайте пошустрее... *(Обращаясь к Кате.)* Катя, вещи берём или потом!?

КАТЯ. Петя, Петя! Я устала... Я ждала, надеялась... Я старалась... Петя! Не могу! Да, я злая, плохая, черствая, жуткая... Да... но, я не могу...

ВИКА. Не может она! Достал ты её! Всё! *(К Пете.)*

ПЕТЯ. Вика, не лезь! Всё ты! Встреваешь!

ВИКА. Таак! Слушай, дружок-пастушок! Отстань от неё..

ПЕТЯ. Катя, что ты её слушаешь! Зачем? Катя! Ну, зачем ты предаешь так?! Всё устроится, всё еще будет!

КАТЯ. Что будет! Ну, скажи! Ты напишешь сценарий к сериалу?! Мы получим деньги за него и разбогатеем!? Что-то в нашей жизни изменится!? Нашу жизнь не поменяют твои деньги! Они нас с тобой не спасут, Петя! Оглянись!

ВИКА. Да ничего у него не будет. Не слушай его. Все собрала! Пора уже... Что с вещами будешь делать?

ПЕТЯ. Катя!

КАТЯ. Что, Катя! Ну, что...

ВИКА. Отстань.

ПЕТЯ. Ну, Катя... Мы же не в таких передрыгах были...

КАТЯ. Слушай, я не хочу об этом говорить. Хватит! Я тя-

ну всё! Я одна! Я ищу, я бегаю! Я тебя щажу, я тебя жалею... Ты только ждёшь, ты только надеешься, на то, что твой талант услышат... А я работаю... Ты хоть что-то ко мне испытываешь!? Ты хотя бы спросил, как мне здесь!? Ты в себе... Ты в своих мыслях... Всегда...

ПЕТЯ. Катя! Не так всё...

ВИКА. Да, всё так. Ну, что ты на него силы и время тра-тишь. Пошли уже... Один чемодан взяла — и хорошо, остальное я потом заберу... Заеду и заберу...

КАТЯ. Я всё сказала, я всё решила... Я устала... Я не могу так... Ну, пожалей меня то! Отпусти! *(Пете.)*

ПЕТЯ. Катя... Ну нельзя же так...

КАТЯ. Как так!

НИНА. Ой, беда-беда... *(Обращаясь к Ане.)*

АНЯ. Ага. Типа того...

НИНА. И опять она — «с меня хватит, я одна всё тяну... я ищу... я бегаю...»! *(Обращаясь к Ане.)*

АНЯ. Ага... Это мы уже видели в прошлый раз — повто-ряется...

НИНА. Актрисы — они все такие, одно и то же как зала-дят...

КАТЯ. Понимаешь, десять лет я с тобой скитаюсь... Ну, ладно, я верю, знаю я что ты талантливый, что ты способ-ный, что ты умный... но, я не могу... не могу так... с меня хватит... *(Плачет, кидает какую-то тряпку в чемодан.)*

ВИКА. Пошли, Катя... Не трать ты себя так...

ПЕТЯ. Катя!?

КАТЯ. Ты не понимаешь... Тебе всё равно... Ты витаешь где-то там... *(Разводит руками.)* тебе всё равно, что мы жи-вём тут.. тебе всё всё равно...

ПЕТЯ. Послушай, мой сценарий сейчас читают. Он им понравится. Это точно! Боря этим занимается.

КАТЯ. Слышу это каждый раз... От твоего приятеля тол-ку чуть... С меня хватит... *(Собирает вещи в чемодан.)*

ВИКА. Пошли, Катя!

ПЕТЯ. Катя, на днях сценарий примут. Обещаю!

ВИКА. Что я слышу!

КАТЯ. Ну, как ты не можешь понять... Ну, что даст тебе этот сценарий?! У нас изменится жизнь? Знаешь, мне кажется, что ты меня не любишь! Ты не любишь меня! Тебе просто удобно так... Я тоже человек... Я устала... Я с тобой уже десять лет... общежития, комнаты, квартиры друзей... Я хочу нормальной жизни! А у тебя одно — скоро примут сценарий, скоро мы будем богатыми... скоро то, скоро это... Не хочу! *(Плачет.)*

Нина и Аня стоят у входной двери. Пока Катя и Петя выясняют отношения они стоят и смотрят на это всё. Нина — с явным интересом. Аня — все явно скучно. Вика всё время дёргает Катю и торопит её.

КАТЯ. Я устала... *(Со слезами.)* Ну как можно вот здесь жить... с ними! С этой полоумной девицей... с этой тупой соседкой...

НИНА. Тупой!? Я не такая!

АНЯ. *(Нине.)* Да ладно тебе... Она сейчас всех приложит.

КАТЯ. Так, Аня! Закрой свой ротик и чеши к себе. Имеем право жить и говорить здесь, что хотим!

ВИКА. Я вообще не понимаю, как ты столько времени здесь прожила, среди этих...

НИНА. Каких таких этих!?

ПЕТЯ. Катя, ну что ты её слушаешь!?

КАТЯ. Я не знаю! Петя, если тебе нравится — оставайся тут... Эта вечная соседка, после которой всё пропадает, эта Аня, в своих облаках...

НИНА. Чё пропадает-то? Вы гражданка какая-то совсем не любезная... болтаешь, сама не знаешь чё...

Катя машет рукой на Нину в жесте «Да ладно».

КАТЯ. Маникюрные ножницы, зеркальце, пудреница... И чего я понять не могу — зачем тебе провод от айфона...

У тебя же нет айфона?!

НИНА. *(Обращаясь к Ане.)* Ну, даёт Курва. Там и лежит все... Сама, небось, и положила не туда... Не брала я. Как так меня обвиняет!

КАТЯ. Да ладно, всё итак ясно...

ВИКА. Слушай, а зажигалка! Так они тут воруют...
Во как! Зажигалка, помнишь? Оставила — и всё...

КАТЯ. Да всё тут ясно...

АНЯ. *(Нине.)* Нина, ну ладно, ну сказали тут всякие — не бери в голову, я же знаю, что ты ничего не берёшь...
А ты бы, Катя, помолчала бы...

КАТЯ. Петя! Скажи своей любимой протезе, чтобы она закрыла свой рот! *(Обращается к Ане.)* Аня, ну не надо лезть к нам в жизнь... Иди к себе в комнату и дай нам поговорить! Скоро уеду, и можешь делать всё что хочешь... Хотя ты и так делаешь всё, что хочешь... *(К Нине.)* А вы бы шли к себе...

АНЯ. Нина, ко мне пришла. Отстань от неё.. Злая ты...

ПЕТЯ. Аня!

КАТЯ. Да ладно. Спелись тут, не любите меня... Ну и живите сколько влезет... Пошли, Вика!

ВИКА. Катя, я тебя провожу — заеду всё заберу. Не волнуйся!

ПЕТЯ. Катя, останься!

КАТЯ. Не могу так больше жить! Хочу нормального дома, нормальной семьи! Детей хочу! А у нас ни кола, ни двора — одни сценарии, одна надежда на что-то... Устала! Давай, я уйду. Ну, прости меня. Не могу... Нет сил больше... Так лучше будет!

ВИКА. Катя, ну что-то с ним... Ты же решила... Пошли...

ПЕТЯ. Катя, зачем ты ее слушаешь!? У меня всё будет, всё получится!

КАТЯ. Что будет!? Что?! На что ты надеешься?! Займись каким-нибудь делом! Пойми, ты не писатель! Не писатель... Ты... Ты... Ты — посредственность... Ты — неудачник... Десять лет я слышу про то, что тебя никто не понимает... Ну

не может быть так... Десять лет я что-то жду... десять лет, я как вол работаю... десять лет! (*Слёзы, собирает чемодан, берёт какие-то вещи с полок.*) Я устала... Я хочу нормальной, простой жизни... своей квартиры! Своей...

Нина и Аня продолжают наблюдать за сборами.

ВИКА. Катя, я тебе сто раз говорила, что он неудачник. Да найдет тебе мой Гера кого-нибудь — будешь у нас звездой... Всё из-за него...

НИНА. (*К Ане.*) Аня, а семечки есть? Самое оно под такой сериал пощёлкать-то...

АНЯ. (*Нине.*) Не-а...

ПЕТЯ. Да, будет у нас всё!

КАТЯ. У нас! Квартира! Что я слышу!

ВИКА. Катя... Ну... не связывайся...

ПЕТЯ. Катя...

КАТЯ. Уговоры... Квартира! Где? Не верю! Ты хоть понимаешь, сколько надо, чтобы заработать на квартиру в Москве! Деньги я зарабатываю! Я одна! Я десять лет тебя жалела! Я верила... в гения, в писателя... в то, что наконец все увидят... что-то там поймут... Возвращайся в Ангарск! Не для тебя Москва...

ВИКА. Да, что ты связываешься... Всё и так ясно...

ПЕТЯ. Куда ты...

КАТЯ. Разберусь... сама разберусь...

ВИКА. Катя, пошли... Ехать ещё...

КАТЯ. (*Мягче.*) Петя, пойми... так не может быть дальше... так не может... это не жизнь... это кошмар... сумасшедшая семья с этой девчонкой... с этой вечной соседкой...

Не могу уже терпеть это... Не хочу... Я хочу просто жить! Всё, Петя! Я сама... сиди тут... не надо... комнату я оплатила...

НИНА. Я-то причём!

ВИКА. Катя! Хватит! Пошли! Всё, всем до свидания, то есть пока...

АНЯ. Я страшная и такая ужасная! (*Строит рожицу.*) Та-

кая сумасшедшая...

ПЕТЯ. Катя! Возвращайся! Не слушай Вику!

Катя стоит в дверях...

АНЯ. Картина в красках... Часть пятая... Петя, не надо перед ней унижаться... Бросила и бросила... Живи у нас так... а то заплатила она...

НИНА. Ну да, Петя. Я тебе такую красавицу отыщу, и кормить тебя будет, и с квартирой... Пусть катится куда надо... Надо нам её...

Петя срывается с места, пробегает мимо Кати, стоящей в дверях, и с злым лицом подбегает к Нине, и хочет ее явно ударить... мгновения... злость проходит, и он останавливается и оседает. Петя садится на пол и закрывает руками голову, отстраняясь от всех и понимая, что Катю не вернуть. В дверях своей комнаты появляется дед.

ДЕД. (Обращаясь ко всем.) Опять!?

АНЯ. Дед! Я же говорила... Они опять... Типа расстались...

ВИКА. (Про себя.) И старый тут нарисовался.

НИНА. Пусть идут отсюда, Федор Иванович, я вам таких бравых жильцов отыщу. А Петю женю! Есть у меня одна... Ой, чё бравая девка — через улицу живёт... и стряпает и вяжет...

ДЕД. Катя?

КАТЯ. Федор Иванович, не могу... извините меня... понимаю... Не могу, устала... И, ваша внучка, и ваша соседка... Нет сил...

ВИКА. Катя! Время!

ДЕД. Да...

АНЯ. Дед, пусть...

ДЕД. Аня, зачем так...

НИНА. Да, не надо... свежее воздух будет...

ДЕД. Нина!

АНЯ. Дед, а что они... Нину чуть не прибил... А она обзывается... И эта ещё пришла...

ВИКА. Семейка!

НИНА. Да, прям бросился... Я аж... чуть...

Дед смотрит на всех с какой-то усталостью. Катя торопится уйти.

КАТЯ. Всем до свидания... *(Смотрит на деда.)* Спасибо Вам. Простите... *(Берет чемодан, Петя сидит, прижав лицо к рукам, и не смотрит ни на кого. Катя подходит к двери и, посмотрев на Аню)* Пока, Анька! *(Одной рукой гладит её.)* Хорошая ты... *(Нине.)* Пока, соседка!

Нина не отвечает.

АНЯ. Пока...

ДЕД. Катя, приходите...

Катя смотрит на деда, но молчит.

ВИКА. Я сама. Я за вещами заеду... А у неё съёмки.

Катя и Вика уходят.

ДЕД. У вас тут — страсти...

НИНА. Да уж... Главное, зажигалку ей жалко... Вот на-приедут тут такие...

Дед собирается уходить.

ДЕД. Мне пора в больницу. Не натворите тут...

НИНА. Да что Вы, Федр Иванович... я присмотрю...

ДЕД. Да этого-то я и боюсь. *(С улыбкой.)*

Дед уходит. Аня подходит к Пете, и садится рядом с ним и гладит его по голове...

НИНА. *(Расчувствовавшись.)* Я тут пирог собралась сырный делать — вам принесу обязательно: худые вы... бледные...

АНЯ. Петя, слышишь... ты талантливый... ты умный... я вчера читала то, что ты оставил в коридоре... это... это здо-

рово... а она вернётся... она любит тебя... слышишь... ну, ушла... придёт, Петя... А эта подруга — дура она пустоголовая...

ПЕТЯ. *(Смотря на Аню и качая головой.)* Нет...

Нина собираясь уходить, в дверях...

НИНА. *(Ане.)* Про майонез-то я забыла... Майонез нужен — есть, поди, у Вас...

Свет гаснет.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

Вечер. Аня сидит за синтезатором и играет громкую музыку. Петя периодически выходит из комнаты и ходит по коридору... Видно, что он не может успокоиться...

Аня закончила играть... включила музыку на магнитофоне... Делает её громче... и начинает под неё постепенно танцевать — выделявая всякие штуки, такие, какие обычно выделяют люди, когда считают, что их никто не видит.

Петя подходит к ней. Стоит и слушает... Уходит... Берет сотовый телефон — звонит...

ПЕТЯ. Катя, ответь же!

В ответ тишина... Он снова набирает номер, но никто не берет трубку... Он кладёт телефон на стол...

Аня танцует, звучит громко музыка.

Петя ходит из стороны в сторону... Затем решительно направляется к Ане. Думает. Пытается закрыть уши руками. Садится и сидит какое-то время...

Ане надоедает танцевать. Она опять садится за синтезатор и что-то громко на нём играет.

Петя встает и опять направляется к Ане. Какое-то время стоит рядом с ней. Решается и говорит...

ПЕТЯ. Аня, поздно уже!

АНЯ. И что...

ПЕТЯ. У меня голова болит!

АНЯ. А я при чём... *(Продолжая играть.)*

ПЕТЯ. Ты громко играешь.

АНЯ. Хочу и играю. Моя квартира!

ПЕТЯ. Аня, прекрати...

АНЯ. Нет...

ПЕТЯ. У меня голова раскалывается. Я хочу спать... Ты понимаешь!

Аня срывается с места... подсказывает к нему...

АНЯ. Спать хочешь!? Спать... *(Смеётся.)* А я не хочу... Я хочу радоваться... Мне грустно, слышишь... Давай танцевать... *(Подбегает к проигрывателю и врубает музыку, а потом к Пете, хватая его руки и пытается его вовлечь в какой-то непонятный танец, а он сопротивляется.)*

ПЕТЯ. Аня, поздно уже. Остановись! *(Петя пытается вырваться.)*

АНЯ. Танцевать, танцевать... веселиться... Ну давай же... Мне же тоже грустно... Давай веселиться, давай... Петя! ... Ну...

Аня пытается ещё как-то его расшевелить, но Петя явно не готов к таким танцам...

Аня отбегает от него, останавливает музыку, садится на диван и смотрит в стену...

Петя стоит не зная, что делать. Аня поворачивается к нему и с какой-то усмешкой говорит...

АНЯ. Ты спать хочешь!? Да!? Хочешь?!

ПЕТЯ. Да...

АНЯ. Пойдём...

Аня берет за руку Петю и тащит его за собой... Петя не понимает ничего — куда его тащат...

АНЯ. Пойдём, пойдём... Будешь спать!

ПЕТЯ. Куда?!

АНЯ. Я знаю...

Аня силком тащит Петю к шкафу и начинает в нем рыться — открывать то один ящик, то другой, то третий — и из одного из ящи-

ков достаёт пузырёк. Держит его в руке, смотрит на него, потом на Петю.

АНЯ. На! Держи! Это дедовские. Уснёшь!

Аня даёт пузырёк Пете и убегает к себе...

Петя, не понимая, держит пузырёк, крутит его, подходит к тумбочке с его рукописями, держа пузырёк в руках. Открывает пузырёк, высыпает таблетки на руку, смотрит на них, потом резко кладет таблетки обратно в пузырёк, отодвигает ящик стола и кладёт их туда. Уходит к себе.

Появляется Аня с наушниками — садится на диван и слушает музыку, потом снимает наушники, садится к синтезатору и начинает тихо что-то наигрывать.

Аня начинает напевать песню, сначала чуть слышно, затем громче.

Зачем ты снишься мне, красивый?
Зачем ты снишься мне, хороший?
Вчера подружка говорила,
И снова ты, любимый, брошен.

А я б не бросила такого,
Не променяла б на другого.

Она опять к тебе вернётся,
Потом опять уйдёт, я знаю.
Всегда где тонко, там и рвётся,
И я упрямо повторяю...

А я б не бросила такого,
Не променяла б на другого.

Каким же зельем опоила,
Что лишь она — твой свет в окошке?
Зачем ты снишься мне, красивый?
Зачем ты снишься мне, хороший?

Нет, я б не бросила такого,
Не променяла б на другого.

Свет гаснет.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ

Утро. Светает.

Из комнаты выходит Аня, полуодетая. Идёт на кухню, копается там, что-то делает, готовит. Ходит из кухни в комнату, попутно одеваясь.

Стучит в дверь к Пете.

АНЯ. *(Через дверь.)* Петь, просыпайся! Давай завтракать!
(Отходя от двери.) Опаздываю уже... В школу пора...

Аня приносит на стол чайник, чашки. Что-то режет, перекладывает. В руках какие-то продукты. Напевает песенку, гримасничает, делает какие-то непонятные жесты, пританцовывает.

Раздаётся звонок в дверь. Аня вытирает руки о полотенце и бежит открывать дверь. Появляется дед. Аня чуть обнимает его и собирается уйти на кухню.

ДЕД. Привет. Ты еще не ушла... Я торопился. Вчера ключи забыл. Думаю, уйдете — придётся опять в больницу возвращаться.

АНЯ. Я сейчас уже... ухожу... Петька-то тут... куда он уйдёт... Сидит. Дед, я готовлю...

Дед раздевается, всё делает аккуратно, садится на стул, тяжело дышит, из пиджака достаёт банковскую карточку, сам себе говорит.

ДЕД. Третий день ношу, всё забываю деньги снять. Аню надо попросить. Напридумали же... банкоматы эти... Раньше было удобнее — касса — деньги... А сейчас...

Машет рукой. Кладет банковскую карточку. Видно, что он устал. Уходит к себе в комнату.

Аня готовит. У неё хорошее настроение. Она продолжает что-то напевать и пританцовывать.

Петя выходит в коридор. Он очень мрачный.

Аня, видя его и всматриваясь, морщится...

АНЯ. Брр...

Петя пытается ей что-то ответить в том же духе, но не может сообразить как, и просто показывает ей язык.

АНЯ. Фу... Где вас только учили... Стыдитесь! Мойте руки и садитесь есть.

Петя отходит от неё, где сталкивается с уже переодевшимся Дедом.

ДЕД. Петя, выглядите отвратительно... Вы доведёте себя...

Петя молчит и только пожимает плечами. Дед хлопает его по плечу, как-то подбадривает его. Петя уходит в ванную, слышится звук льющейся воды.

АНЯ. *(Кричит.)* Всё готово... Где Вы?! Идите завтракать!

Аня продолжает что-то делать. К столу подходит дед.

АНЯ. *(Деду.)* Устал!?

ДЕД. Ночка сегодня, конечно, была... Ну, куда деваться... Переживём...

АНЯ. Ты пил лекарства?

ДЕД. Пил. Только их и пью.

АНЯ. Дед, ну что ты.

ДЕД. Да уж.

АНЯ. Ешь давай.

ДЕД. Аня, всё время забываю. Не привык я с этими карточками. Зарплату уже третий день не могу снять.

АНЯ. Дед, ну зачем ее снимать. Идешь в магазин и покупаешь, чего хочешь. Я же тебя учила уже...

ДЕД. Аня! Я так привык, мне так удобнее. Что там в этой карточке, я не знаю. Завтра придёт новое правительство, отменит эти карточки — и всё. Деньги есть деньги — вот они есть в руках, я их держу — значит, они есть. А циферки — не верю я им.

АНЯ. Капризничаешь! *(Удручающе.)*

ДЕД. Не переучусь уже, Аня. Сними их по дороге — сколько там есть. Все сними.

АНЯ. Хорошо — сниму. Давай завтракать.

Начинают завтракать и пить чай.

ДЕД. Аня, тебе надо беречь себя.. Лекарства с собой не носишь, график не соблюдаешь.. Что скажет Виктор Васильевич! Он же мне всё выскажет!

АНЯ. Дед, ну... выскажет и выскажет... Я же живой человек... надоело: ингалятор, таблетки... ну, да... иногда забуду — мир не перевернется...

ДЕД. Аня, я врач... да ты, и сама все знаешь. Пропускать нельзя. И одевайся теплее — там холодно. Тебе нельзя простужаться. И главное — диета. Я же вижу, что ты ешь всё подряд. Ну... кому я говорю...

АНЯ. Ну, дед! Я же не маленькая. Не обижайся.

ДЕД. Аня, я сказал тебе. Надо быть умнее.

АНЯ. А сам-то... то таблетки позабудет, то шарф не наденет... ещё учит...

ДЕД. Аня, Аня... я одно — ты другое. Тебе беречь надо себя — ты же знаешь прекрасно свой диагноз. Одна оплошность...

АНЯ. Дед, не порть мне настроение. Один мне тут вчера весь вечер своей кислой физиономией всё портил.

ДЕД. Тебе сложно с ним быть поласковой!? Он переживает... из-за Кати переживает...

АНЯ. Катя! А что Катя!? У него этих Кать... Чего он к ней привязался!?

ДЕД. Аня, ты всегда любишь влезать в чужую жизнь... И тише. Услышит ещё...

АНЯ. Дед, может, у меня своей жизни нет, вот я и лезу ко всем... А!?

ДЕД. Аня!

АНЯ. И пусть слышит... Мне пора, я побежала собирать-

ся. Ещё на всяких брошенных свои нервы тратить...

Дед остаётся, Аня уходит к себе в комнату.

В это время из своей комнаты появляется Петя и подходит к столу.

ДЕД. (Пете.) Надо поесть... В еде сила... (Пытаясь шу-
тить.)

Петя молча садится. Но ему не хочется обижать деда и, несмотря на то, что ему не хочется говорить, он произносит.

ПЕТЯ. Знаете, бывает так, что весь мир против тебя...

ДЕД. Неужели?

ПЕТЯ. Я живу в какой-то паутине, из которой не могу
выбраться...

ДЕД. В паутине?

ПЕТЯ. Вот люди работают, трудятся, живут ради какой-
то цели — купить телефон, холодильник, выплатить ипоте-
ку, отправить ребенка в институт... понимаете...

ДЕД. Ну да...

ПЕТЯ. Простые такие цели, понимаете... А у меня... Я
живу в каких-то фантазиях, выдумках... и цели непростые...
и зачем они вообще... Я иногда думаю о себе, и мне страшно...
страшно... А что дальше? Для чего, зачем? Кто я... что
создал, зачем живу?

ДЕД. Даже так...

ПЕТЯ. Да! Я думал, что выучиться, получить образова-
ние... Я думал, что какого-то таланта уже достаточно... Тебя
заметят... Вот, посмотрят на тебя, приметят — ты станешь
известным... Твои книги будут читать, по ним будут сним-
ать фильмы...

ДЕД. Живите простыми вещами. Миллионы людей жи-
вут и не мучаются так.

ПЕТЯ. Я не миллионы!

ДЕД. Неужели!?

ПЕТЯ. Я знаю, что могу что-то сделать... Я знаю, что
способен... Я знаю, что талантлив... Но как сделать,

не знаю... И не знаю, зачем зачем дальше это все? Мне скучно... Всё как-то скучно... Всё вокруг... неинтересно... Ничего не достиг... и не достигну...

ДЕД. А мне не скучно...

Появляется Аня — она уже одета и собирается уходить.

АНЯ. Дед, тебе не скучно — развлекаешь нашего философа!

ДЕД. Аня! Ну!

АНЯ. Да ладно, он всегда такой скучный...

Петя что-то ковыряет в столе и голову наклонил вниз.

ДЕД. Всё!? Уходишь? Снимешь деньги?

АНЯ. Да... если банкомат будет нужный...

ДЕД. Нужный... Сними... Ладно...

АНЯ. Не волнуйся... Пока всем! Петька! *(показывает ему язык)*

ДЕД. Аня!

Петя на неё смотрит каким-то потухшим взглядом и не отвечает.

АНЯ. Да ну...

Аня уходит. Петя и дед остаются одни.

Молчание.

ПЕТЯ. Им не нужно... не нужно это... *(Говорит в задумчивости про себя.)*

ДЕД. Что не нужно?

Петя поднимает голову и смотрит пристально на деда.

ПЕТЯ. Им не нужно то, что я пишу. Я не нужен им. То, что я делаю, никому не нужно.

ДЕД. Кому не нужно?

ПЕТЯ. Я придумываю, я пишу. Я сочиняю, я работаю... А как-то всё впустую. Я столько порогов обил, я столько встречался с разными людьми, столько оговаривал, мне

столько обещали... и ничего... То я для них слишком сложно пишу, то слишком просто... Шишки... Да если бы они ещё понимали что-то... Для телевидения я слишком сложен... или... не понимаю я что-то... ничего не понимаю... может, и не так пишу... может, и прост я для них... или они...

ДЕД. А что они? Может, не всё так... *(Петя перебивает.)*

ПЕТЯ. А режиссеры, эти старые жабы в своём театральном болоте! Им не нужно что-то современное... Я написал три пьесы. И... и, я Вам говорю — стоящие пьесы о нас, о простых людях, о нашей жизни... Но этим старым жабам это не интересно... не нужно... Я для них слишком мелок и прост... Мне говорят, что так не пишут, так не делают, что это не формат... что это неинтересно, что это старо или невостребованное... Мне говорят: убери то, убери это... Я пишу тексты, но на выходе — это уже не мои тексты... там уже нет меня... Я слушаю, я правлю, я делают так, как они хотят, и теряю себя... Мои тексты — это моя душа, мои мысли... Я живу своими героями, они выходят из меня, рождаются во мне — они неразлучны со мной... а получается, что для одних они просты, для других сложны... А на самом деле никому то, что я делаю, то, что хочу делать, не нужно... нужно просто вписаться в систему, стать этой системой и жить, и делать так, как тебе говорят, как предписано... Но у меня это вряд ли получится... не привык... не могу...

Петя опускает голову и опять что-то монотонно вертит рукой на столе.

ДЕД. Знаете, Петя... как это знакомо... Когда-то я был таким, как Вы...

Петя чуть приподнимает голову и смотрит на деда.

ДЕД. Я чего-то ждал, чего-то хотел, к чему-то стремился... хотел что-то изменить, сделать что-то лучше... придумать что-то хорошее и полезное... предлагал работать иначе, делать что-то иначе... статьи писал... И всегда мне всё

это выходило боком, всегда был руган... Вот Вы говорите про признание, про то, что какие-то люди, занимающие какие-то посты, или эти режиссеры не хотят в Вас что-то там видеть, что Вы для них то сложны, то просты... Вот, послушайте меня. Когда я только начинал работать, я стремился быть ближе к руководству, к каким-то авторитетным докторам. Мне казалось, что если какой-то признанный авторитет обратил на меня, молодого врача, внимание, если даже поздоровался со мной, то это что-то значит, я к чему-то там приблизился... Я пытался быть, как Вы сказали, в системе... быть с ними... А оказалось, ведь какая штука, что я оказался несистемным каким-то... Но вот сейчас, когда я разменял восьмой десяток, меня тянет не к ним, не к светилам. А уж про систему я молчу... Сейчас мне проще с тётей Любой на вахте поговорить или с медсестрой Маргаритой, которая одна воспитывает двух детей, или с молодым врачом Димой... От них больше получаю я — у них глаза другие, в другую сторону смотрят...

ПЕТЯ. Но тётя Люба не снимает кино... а Маргарита не режиссер...

ДЕД. Ну и пусть... Вы не смотрите на этих оболтусов — режиссеров, продюсеров. Сегодня, да, они что-то там снимают и считают, что их слово что-то значит. Сегодня — они всё... Но завтра всё поменяется... Не идите тем путем, которым идут они... Идите своим путём, идите своей дорогой... А тётя Люба, знаете ли, понимает в медицине больше, чем профессор Чмарёв в нашей больнице... Вот, вот...

ПЕТЯ. Тётя Люба... *(Задумчиво.)*

ДЕД. И знаете, почему она понимает больше эта самая тётя Люба... Да потому, что она естественная, искренняя, ей не надо пыжиться и ёжиться... Она просто делает добросовестно своё дело, на своём месте и если что-то не понимает — так и говорит ясно и четко, что не понимает... А ведь у нас как заведено. Не знаешь чего-то, не понимаешь — никогда не признаешься... Врачебную ошибку совершишь —

пустяк... самое главное — не дать повода остальным думать, что ты чего-то не знаешь... И строят из себя кого-то — людей только губят... И что это в людях? Эгоизм... или что? Вам лучше знать — Вы писатель...

ПЕТЯ. А на верх всплывает дерьмо...

ДЕД. Ну и пусть всплывает... Как всплыло, так и смоем... Надо быть тем, кто ты есть. Тем, кем ты хочешь быть... Стремиться к этому... Правильно! То, что на виду, то, что на поверхности, — не всегда то, что мы ищем, к чему стремимся... Не смотрите на это... не слушайте их... Иногда главное мы находим там, где и не думали найти... Я прихожу в больницу и спрашиваю кого? Тётю Любу спрашиваю: как там больные? А глаз у неё верный — она скажет, по-своему скажет: кто и что... и скажет лучше, чем некоторые врачи — метко, ясно... Ей не надо быть кем-то, не надо делать карьеру, как и мне её не надо делать... Мы лечим людей — и для нас главное это... Так и для Вас главное — донести Ваши мысли до людей. А как Вы их донесете, если будете слушать то, что плавает там где-то...

ПЕТЯ. Но если меня не хотят слушать. Что тогда?

ДЕД. Знаете, страна у нас бедная... но на людей богатая... Смотришь — вроде грязная медная монета, а потрёшь — золото... Так и люди наши многие — то, что блестит на свету — присмотришься — блекнет... А то, что в тени — золото... Ищите настоящее — оно не на виду... Оно, может быть, и грубое, неказистое... но настоящее...

ПЕТЯ. *(Перебивая.)* А время!? Оно ведь уходит... Мне уже далеко за тридцать... С каждым годом у меня всё больше разочарований и всё меньше надежды... Я уже не верю во многое, а быть кем-то другим научиться не могу...

ДЕД. Время!?

ПЕТЯ. Сколько людей моего возраста уже чего-то добились... кем-то стали... получили какие-то премии... мелькают по телевизору...

ДЕД. А знаете, всему своё время... Может, ваше время,

Петя, ещё не пришло... Может, Вам надо ещё что-то понять для себя...

ПЕТЯ. Понять, что же понять? Ведь я...

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ

Дверь рывком открывается и на пороге оказывается Аня. Петя прерывается на полуслове. Аня тяжело дышит и не может отдышаться. Дед и Петя с удивлением смотрят на неё. Дед, чувствуя недоброе, хочет что спросить, но видно, что не может подобрать слов.

АНЯ. *(Задыхаясь, кашляя.)* Дед! Они! Дед! Они хотели... понимаешь... *(Не может отдышаться.)* Я их... Твари! Пони-маешь... Я за ними...

ДЕД. *(Смотря на Аню и обращаясь к Пете.)* Петя, дайте мне чемоданчик — за Вами в шкафу.

АНЯ. Я побежала за ними, дед! Я их! Твари! Как можно! *(Пытается отдышаться и явно испытывая нехватку воздуха, непрерывно кашляя.)* Они вырвали деньги... Пони-маешь... вырвали...

Петя, достав чемоданчик, подает его деду. Дед открывает его и достаёт маску.

ДЕД. Аня! Сейчас, сейчас... все расскажешь... успокойся... бери...

Дед встаёт и отдаёт ей маску. Аня судорожно начинает дышать. Её давит кашель. Шланг от маски уходит в чемоданчик. Дед держит его. Но деду явно нехорошо. Он оседает на глазах на стул.

ДЕД. Что-то... не знаю... Аня!

Аня продолжает кашлять, но уже дыхание приходит в норму, и, видя оседающего деда, Аня вскрикивает...

АНЯ. Дед!

ДЕД. Таблетки — там... *(Ане пытается указать на ящики в шкафу.)*

АНЯ. Дед, сейчас! Принеси аппарат... ну, давление померить... *(Пете.)*

Аня открывает ящики стола и начинает быстро перебирать коробки. Находит нужную. Достает таблетку и даёт деду.

ДЕД. Аня! Как можно... Тебе нельзя же бегать... никаких нагрузок... Что случилось?!

АНЯ. Дед! Я не буду! Клянусь, не буду! Тебе лучше!? Что случилось? Что с тобой?

ДЕД. Да, что-то сжало меня... так сильно сжало... не передать...

АНЯ. Дед! Давай померим!

Петя приносит аппарат, и Аня начинает мерить давление. Дед смиренно сидит, чуть улыбается.

ДЕД. Какое?!

АНЯ. Дед, высокое. Верхнее — 200! И пульс — 120.

ДЕД. Сейчас пройдёт. Что произошло, Аня?

АНЯ. Дед, я пошла снимать деньги... *(Прерывается и пристально смотрит на деда.)* Дед, тебе лучше?!

Дед закрывает глаза. Видно, что у него что-то сильно болит, но он сдерживает себя. Ему плохо.

АНЯ. Дед, я вызову скорую.

Дед берёт её руку и сжимает.

ДЕД. Не надо...

АНЯ. Дед, я боюсь. Дед, слышишь меня... Дед... Дед...

ДЕД. Аня, сейчас...

АНЯ. Дед, что с тобой. Дед, сильно колит!? Дед, давай скорую...

ДЕД. Не надо, Аня.

АНЯ. Дед...

Аня плачет. Попутно кашляет.

АНЯ. Петя, вызови скорую...

Петя хлопает по карманам — ищет телефон...

АНЯ. Вызывай. Видишь ему плохо! Сердце...
Как же так...

Дед держит руку Ани.

ПЕТЯ. А что им сказать?

АНЯ. Скажи, что деду плохо. Сердечный приступ.

ДЕД. Петя! Не звони...

АНЯ. Дед!

ДЕД. Аня, сейчас будет лучше...

АНЯ. Дед, я боюсь. Дед, слышишь... не оставляй меня,
дед... Я же не смогу без тебя... Я не буду жить без тебя.

Всклипывает. Дед держит ее за руку. Петя стоит в дверях и с какой-то грустью смотрит на них.

АНЯ. Я люблю тебя. Знаешь, как я тебя сильно люблю.
Никого в этом мире так не люблю! Долго-долго — всегда жи-
ви! Не оставляй меня... никогда-никогда...

ДЕД. Аня... успокойся...

АНЯ. Не оставишь!? Тебе лучше?

ДЕД. Лучше... сейчас... Не оставлю... Куда мне без тебя...

АНЯ. Не врешь!?

ДЕД. Нет, не вру... Будешь ты — буду я.

АНЯ. А если меня не будет?

ДЕД. Будешь!

АНЯ. Да!?

ДЕД. Будешь!

АНЯ. Всегда?!?

ДЕД. Всегда.

АНЯ. Точно!?

ДЕД. Ещё как...

АНЯ. Врешь, дед...

ДЕД. Не вру...

АНЯ. Нет, врѣшь!

Деду становится лучше. Он улыбается... Аня вскакивает и, сияя, убегает к себе.

ДЕД. *(Дед смотрит на неё и про себя говорит.)* А тебя не будет и меня не будет.

Аня как будто ожила и ей хочется что-то делать. Но она не понимает, что и каким-то чудным взглядом осматривает комнату... Дед смотрит на неё с большой теплотой. Петя смотрит на них и прерывает идиллию.

ПЕТЯ. Так, что же случилось там... с банкоматом?

Дед и Аня смотрят и как будто не понимают, о чём речь.

ПЕТЯ. С банкоматом... Деньги украли?!

ДЕД. Деньги!?! *(Смотря на Аню.)*

АНЯ. Деньги! *(Встревоженно.)*

ПЕТЯ. Что там случилось?

АНЯ. Я стала снимать деньги с карточки... Понимаете... Все сняла... Держу в руках деньги и пересчитываю. А они сзади встали. Двое... Один выхватил их у меня и смеётся... тварь... А мне так противно стало... А они побежали... А я думаю — догоню их. И побежала. Бегу и думаю: умру, а догоню... Прибью их... Задушу... Да как они смеют наши деньги трогать! Да кто они такие! А один остановился и так говорит: «отнять хочешь» и тянет мне деньги, и приговаривает: «ну, отними»... А я подбегаю к нему, а он подножку, тварь... И смеются... А мне так противно стало... Живут же такие! Я села и реву, кашель бьёт, задыхаюсь...

ДЕД. Аня... Зачем! Что ты делаешь! *(В ужасе.)* Ты как маленькая...

АНЯ. А смотрю, что сижу рядом с домом... И сюда побежала.

ПЕТЯ. Может, полицию вызвать... Заявление напишешь...

АНЯ. Заявление?! Найдут их!? Я не помню их! Лица

злые — а больше не помню...

ДЕД. Не знаю... Может, Петя прав...

АНЯ. Наивные... Найдут их!? Ага! Денег у нас мало — будем есть на ужин, обед и завтрак — сухари... Весело!?

ДЕД. Выкрутимся, Аня... Как-нибудь...

АНЯ. Придумаем, сообразим!?

ДЕД. И придумаем и, сообразим...

АНЯ. *(Вспоминая.)* Дед, Петя... а у меня же уроки уже идут... меня ждут...

ДЕД. Только не беги, слышишь!

АНЯ. Я полечу. *(Целует деда, Петю в какой-то эйфории, Аня выбегает из двери.)*

ДЕД. Что с ней поделаешь...

Дверь открывается и опять появляется Аня.

АНЯ. Я поздно приду — сегодня концерт. Дед, береги себя! Ладно!?

Аня исчезает.

ДЕД. Вот такая... Как же скучно без неё было бы. И, не обидишься на неё... *(Обращаясь к Пете.)* У меня дежурство ночью. Надо мне поспать. Не терзайте себя, Петя... Всё проще... Ладно!? Всё поправится.

Петя кивает ему. Дед выходит.

Затемнение.

СЕДЬМАЯ ЧАСТЬ

Видно, что наступил вечер. Из комнаты выходит дед. Он готовится, чтобы уйти на работу. Кладёт в портфель какие-то вещи. Ходит пару раз то на кухню, то к себе, достает телефон, набирает номер.

ДЕД. Вот! Ну, кто это придумал!? Так, нажать еще раз сюда и сбросить. Девятьсот шестнадцать семьсот сорок

семь...

Дед набрал номер и ждёт.

ДЕД. Аня! Это я. Я на дежурство. Ты где?

Аня что-то отвечает.

ДЕД. Аня, не задерживайся. Я буду переживать. Слышишь! Как придёшь — позвони. И позвони с городского. Слышишь...

Дед кладёт телефон в сумку. Одевается. Подходит к комнате Пети. Раздумывает. Заносит руку, чтобы постучать, но не решается. Махает рукой, как бы в знак: «А ладно» и идёт к двери, выходит из квартиры и закрывает дверь.

Из своей комнаты выходит Петя. Его вид ужасный — расстрёпанный. В руках какие-то бумаги, какие-то из них сброшюрованы. Он садится на пол. Что-то из бумаг падает.

ПЕТЯ. Зачем всё это!?

Петя звонит по сотовому.

ПЕТЯ. Боря, ты?! И что!

Из телефона слышится голос друга Пети.

ПЕТЯ. Они так и сказали?! Они идиоты! Они не берут сценарий!?

Опять в трубке слышится голос.

ПЕТЯ. Я знаю лучше тебя! Не учи меня!

В трубке слышится голос.

ПЕТЯ. Ты советуешь мне уехать — всё бросить?! Да иди ты...

Петя бросает телефон в угол.

ПЕТЯ. Зачем всё это? Какая же пустота... Для кого писал? Для чего жил? Любви нет, работы нет... Одна большая

пустота вокруг... Всё — пустота... Кому нужны мои мысли? Мысли!? Мысли идиота... Да никому... никому...

Петя перебирает папки, файлы, бумаги. Что-то бормочет себе под нос. Раздаётся звонок в дверь. Петя идёт открывать. На пороге Вика.

ВИКА. Я за вещами!

Петя хочет ей что-то сказать, но его прерывает Вика.

ВИКА. Катя на съёмках, и не звони ей! Где её вещи?

Петя приносит чемоданы, какие-то книги, коробки.

ВИКА. Всё её?

ПЕТЯ. Да, её.

Вика что-то перекладывает. Какие-то вещи просто кидает на пол.

ВИКА. Это ей незачем. Всё старьё... Слушай, Петя... ну, что ты за мужик! Ну... посмотри... даже бабу свою и то одеть не можешь...

ПЕТЯ. Что не так?

ВИКА. Ну... каменный век... Ну, эти тряпки я даже брать не буду. Отдай там на бедность... А! Этим хозяевам — пусть носят...

ПЕТЯ. Ты думаешь... Я не понимаю...

ВИКА. Да что ты понимаешь... Я вот не понимаю. Катя — такая талантливая актриса, красивая женщина! Вот, что она с тобой... вот не понимаю...

ПЕТЯ. Может, не надо... Забирай вещи и иди.

ВИКА. Не надо! Это тебе не надо за неё цепляться. Ты! Ты портишь ей жизнь. Столько вокруг неё талантливых, успешных людей! А она привязалась к тебе. Ну, что она в тебе нашла? Я не понимаю... Любовь! Любовь у вас! Ха! Утрите мне нос своей любовью. Школьники фиговы... Вот у меня Гера — да. Это мужик! Хочу шубу — есть шуба! Хочу Мальдивы — есть Мальдивы! Хочу Большой театр — есть Большой

театр! А ты... ты что сделал для своей Кати!? Ноль! Такие вот даже трахнуть бабу нормально не могут. Пустое место. Мой Гера — семью обеспечивает, детей одевает, обувает... по три раза за границу ездим — везде побывали... А ты!?

ПЕТЯ. Не начинай... А...

ВИКА. Любовь... Катя всё триндычит... Да какая у вас любовь, блин... Сюси-пуси... Любовь — это страсть! Любовь — это когда я вижу своего Геру и так и хочу, чтобы он меня прямо здесь, прямо при всех повалил. Слышишь, ты! У тебя страстью-то и не пахнет... Так — сопли. Десять лет сопли и жуёшь.

Вика отбирает вещи. На полу куча того, что она отбраковала.

ВИКА. Нечего тебе сказать... *(Пете.)* Вот ты, как эта куча — что-то старое и ненужное, что надо выбросить. А мне тебя не жалко! Вот ничуть!

ПЕТЯ. Уйди, а... Бери вещи и уходи.

ВИКА. Не жалко! Вот чего тебя жалеть! Не понимаю! Чего Катя с тобой всё носитя!? Ну, кто ты такой есть!? Неудачник ты! Заморыш ты сибирский. Ну, чо тебе делать в Москве?! Чо ты сюда приперся!? Знаешь, здесь сколько таких! Припрутся и сопли жуют. Москва — это борьба, победа. Здесь не жить надо, а кусаться, лаять, когтями в глотки впиаться. Да... А Вы... Вы все тут стонете, плачете, жалуетесь... Вы — лузеры.

ПЕТЯ. Ты и лаешь.

ВИКА. Ага... Это вы умеете... Мы тут плохие. Вы — тут чистенькие такие, благородненькие. Грязи боитесь. А я не боюсь. Если надо, на панель бы пошла, но своего добьюсь. У меня цель есть, и всё тут... Чего вас таких жалеть — вы балласт.

Вика закончила собирать вещи.

ВИКА. Бери вот это и неси вниз. Это вместе отнесем. Что это?

ПЕТЯ. Наши фотографии.

ВИКА. Не нужно. Оставь себе. Это всё прошлое.

Петя послушно несёт пару чемоданов. Вика остаётся одна. Достает телефон и звонит.

ВИКА. Катя, да. Я здесь. Всё отобрала. Петя?! Всё с ним нормально! Катя, не беспокойся. У тебя новая жизнь. Поживёшь у нас с Герой. Не надо этих соплей. Обратного хода нет. Ты — звезда, тебе нечего делать с ним — он прошлое, прошедший этап... Такое надо отбрасывать и не думать... Смотри вперёд... Всё. Давай.

Вика ходит из угла в угол.

ВИКА. Вот живут столько лет — а нажили пару чемоданов. Дивлюсь я на таких... Ни квартиры, ни машины, ни дачи, ни денег — всё лишь высокие отношения. Только и слышишь: «Я люблю его, понимаешь». (*Передразнивает Катю.*) Лузер к лузеру, как говорится... Целое логово лузеров — прошлый век какой-то. Видно, они притягиваются друг к другу — плакса к плаксе, сопляк к соплячке и жуют годами свои сопли. Ах, какие мы талантливые, но какие мы несчастные... Говнюки Вы.

В дверях появляется Петя.

ВИКА. Отнёс?

ПЕТЯ. Да, поставил в багажник. Брать это?

ВИКА. Пошли.

Вика и Петя берут оставшиеся вещи и собираются выйти из квартиры. Вика замечает папки на полу.

ВИКА. Всё пишешь?

ПЕТЯ. Пишу.

ВИКА. И много написал?

ПЕТЯ. Написал.

ВИКА. Бабу свою просрал ты, вот, что ты написал. Писа-

тель, блин. Делом займись, а не сопли жуй. Реальности в глаза смотри. Любовь у них... Тоска...

ПЕТЯ. Пошли.

ВИКА. И Катю не трогай! *(Ставит вещи и чуть ли не берёт за грудки Петю.)* Слышишь! Другая она! Звезда она. А ты — балласт... Тянешь её в болото... Пошли!

Затемнение.

Петя ходит из угла в угол. Что-то бормочет. Иногда как будто всхлипывает, то вскрикивает.

ПЕТЯ. Зачем всё это? Зачем мучиться, зачем жить? Всё ведь не нужно, ни к чему... Как же всё это глупо! Люди вокруг бегают, что-то хотят. Зачем? Что это!? Для чего!? Балласт! Лузер! Страсть! А ведь бегаешь, делаешь и все равно ты остаешься лузером...

Он продолжает ходить по комнате. Нагибается берёт папку.

ПЕТЯ. Я писал пьесу несколько лет. Никто её не взял. Никто! Им не нужно что-то настоящее. Фальшивые чувства, фальшивая любовь, абстракция, абсурд им нужен. Как глупо всё! Надо всё это выкинуть! Надо всё начать с чистого листа!

Он кидает папку на пол и быстро идёт в комнату к себе. Видно, что он собирает какие-то бумаги, что-то складывает. Подходит к тумбочке со своими бумагами и открывает ящик, что-то достаёт из него. В руках у него появляется флакон с таблетками, которые ему дала Аня.

ПЕТЯ. Таблетки?! Снотворное... Как банально... Как просто... Выпить и не жить. Выпить и не жить... Ту би ор нот ту би... Патетика... Моё брэнное, никому не нужное тело будет сожжено, и будет один прах... Грустно...

Он отходит от тумбочки. У Пети в руках флакон с таблетками. Он в задумчивости стоит посреди сцены...

ПЕТЯ. Мучиться, жить, страдать, терпеть... и в конце

концов будет одна пустота... пустота до смерти и пустота после неё. И в чём разница? Что потеряет этот мир без меня и что потеряю я? Ничто не изменится... никто не заметит... даже хоронить особо некому. Пустота... Ещё лет сорок терпеть по этой жизни... еще лет сорок терпеть, мучиться и надеяться... и зачем? Чтобы тебя все называли балластом, лузером, неудачником!? Таблетки... как просто... как просто...

Он рывком срывается на кухню, наливает воды в стакан, высыпает горсть таблеток в руку и быстро по несколько штук кладёт в рот, запивая водой. Пустой флакон и стакан ставит на стол.

ПЕТЯ. Вот так! Фенита ля комедия. Прощай, неудачник.

Петя берет сложенные папки и листы бумаги. Садится.

ПЕТЯ. Глупая жизнь... Глупая смерть... Как же ничтожно я жил... Как же ничтожно... Боже мой! И зачем!?

Он сгребает листы и раскидывает их вокруг. Листы падают на него. Он поднимает их и снова кидает. В каком-то изнеможении он ложится.

Свет гаснет.

ВОСЬМАЯ ЧАСТЬ

Петя лежит в прихожей. Вокруг разбросаны листы бумаги, папки... Лежит куча вещей Кати, которые оставила Вика. Петя не двигается.

Открывается входная дверь. Входит Аня. Она не сразу видит, что творится в прихожей. Поднимает голову и у неё невольно падают из рук ключи.

АНЯ. Офигеть! Ну те на...

Аня видит Петю, но не понимает, что случилось.

АНЯ. Ты что сделал!? Тебе своей комнаты мало! Поднимайся давай!

Аня ногой отшвыривает пару попавшихся папок и листов. Подходит к Пете. Он лежит и не двигается.

АНЯ. Ты чего спишь?! Натворил и спишь... Офигеть! Ну те на... Вот бестия!

Аня тормозит Петю. Он как-то отстраненно делает какие-то жесты ей.

АНЯ. Ерунда какая-то... Повыкидывал тут всё, устроил бардак и улёгся...

Аня ещё раз пытается его растормозить. Петя ворочается, что-то бессвязно говорит. Понять нельзя.

ПЕТЯ. Я... выши... выпи... *(Он пытается подняться.)* Я... ши ты жи пони..ашь... Я выши... выпи...

АНЯ. Стоп. Ты выпил! *(Аня наклоняется, явно нюхая.)*

ПЕТЯ. Я же ши...

АНЯ. Нет, нет... не пил... *(Сама себе.)* Ты пить хочешь?! *(Пете.)*

Аня видит на столе стакан с водой, и тут замечает флакон без таблеток. Она берёт его в руки. Он пустой. Она его встряхивает, и догадка её прошибает. Она вскрикивает.

АНЯ. Петя!

Аня подбегает к Пете с флаконом.

АНЯ. Ты выпил это!? *(Показывает ему на флакон.)*

ПЕТЯ. Не жи ши ты же... вы... *(Петя бормочет что-то бессвязно, видно, что он еле-еле говорит и сейчас отрубится.)*

Аня начинает его сильно тормозить, бить по щекам. Пытается его поднять. Теревит его волосы. Всё это время, она говорит что-то.

АНЯ. Дура я! Петя! Петя! Вот дурак. Дурак! Петя! Ну... просыпайся, Петя! Очнись! Давай! Ну же... Давай... Прошу тебя!

Аня пытается его растормошить.

АНЯ. Дед! Надо звонить деду.

Аня достает из сумки сотовый телефон и нажимает с уверенностью на кнопки. Ждёт ответа.

АНЯ. Дед, это я. Дед, нет — подожди. Дед, я дома! Подожди! Некогда с городского звонить, дед. ЧП! Петька таблеток наглотался. Я не знаю, что делать.

Ей что-то отвечает дед.

АНЯ. Сейчас вызову скорую. Дед, приезжай! Дед, ну, ты же можешь. Что мне делать?

Ей что-то отвечает дед.

АНЯ. Дед, да, это есть. Он тёплый. Дышит. Только что выпил... Дед, да, я сделаю. Дед, да. Воды... Поняла... Ты приедешь? Скоро? Дверь будет открытой.

Аня бросает трубку и бежит на кухню, потом к шкафу. Она открывает ящики и что-то ищет.

АНЯ. Растяпа я. Ну куда дела... Где же...

Аня, не найдя, что надо, подбегает к Пете и начинает его хлестать по щекам.

АНЯ. Не спи... Не спи... Слышишь, не спи... Умоляю, не спи...

Аня берёт его за руки и пытается тащить Петю на кухню. В это время в приоткрытую входную дверь заглядывает Нина и непонимающим взглядом смотрит на происходящее. В руке у неё пульт от телевизора. Аня, схватив Петю за ворот, пытается тащить его на кухню.

НИНА. Ну, кто так делает-то...

АНЯ. Нина! (Аня не ожидала ее увидеть.)

НИНА. Я тут батарейки искала... Для пульта... Думала,

у вас точно найду. Возьми под мышки и волоки его, волоки...

АНЯ. Я не могу.

НИНА. Прибить парня смогла, а волочь не можешь?!

АНЯ. Я не прибила, Нина...

НИНА. Неужели сам ёкнулся? От любви что ли? К тебе что ли?

АНЯ. Нина! Брось! Помогите!

Нина кладёт пульт и подходит к Ане. Вместе они берут Петю под мышки и начинают оттаскивать. Потом Нина останавливается и спрашивает Аню.

НИНА. Куда мы его прём-то?

АНЯ. На кухню.

НИНА. Зачем? Чё там делать с ним?

АНЯ. Нина, таблеток он наглотался. Умирает. Понимаешь?!

НИНА. Во даёт! Влюбился что ли. В тебя? Ну ты, женщина, даёшь! Размах у тебя...

АНЯ. Да, Нина. Да... Отстань ты со своими глупостями. Дурак он...

НИНА. Надо скорую вызывать.

АНЯ. А если опоздает?

НИНА. Это ж Москва. Куда ж опоздает...

АНЯ. Нина, позвони ты.

НИНА. Где телефон? Давай сотовый.

Аня пытается найти телефон в куче в прихожей, так как после звонка деду она его там оставила. Она поднимает пустой флакон из-под таблеток. Нина всматривается в него. На её лице появляется явная тревога.

НИНА. Это Тарэн?

Аня вздрагивает.

АНЯ. Тарэн.

НИНА. Зачем он тебе?! Это же наркотик! У нас в военча-

сти, в Забайкалье, такие были на случай атомной войны. Выпил — и балдеешь — ничего вокруг не видишь... От него и помереть можно — если упаковку выпить.

АНЯ. Нина! Он выпил весь! Всё выпил!

НИНА. Всё!? Почему?! Он же помрёт...

АНЯ. Нина, надо в скорую звонить!

Аня находит телефон, и нажимает на кнопки.

АНЯ. Нина, номер какой? Я не помню...

Нина молчит, как каменная. Взгляд отрешенный.

АНЯ. Нина! Нина! Очнись! Ты что!?

Нина не реагирует, как будто в своих мыслях. Потом, опомнясь говорит.

НИНА. Не надо скорой.

АНЯ. Нина, ты что. Он умрёт! Понимаешь!

НИНА. Не умрет. Не таких в части спасали. Спасём!

АНЯ. Нина, давай скорую. Нельзя же так! Нина! Ну что ты. Ты не понимаешь, что он наглотался этой дрянью и умрёт.

НИНА. Слушай, девочка. Это я тебе скажу, чего он наглотался. Это Тарэн. Это у нас в части были такие таблетки... от радиации... от ядерной войны... Понимаешь... Их изъяли сейчас везде. Давно изъяли. Ты вызовешь скорую. Спросят тебя, что он выпил? Скажешь шоколадкой отравился. Вас с дедом посадят. Вас обоих за наркоту эту, за таблетки эти.

АНЯ. Как посадят!?

НИНА. Приедут и посадят. Нельзя скорую! Поташили шустро. Пока теплый...

Они берут его и тащат на кухню.

НИНА. А сюда почто тащим?

АНЯ. Не знаю. Я подумала...

НИНА. В ванную. Сейчас устроим ему промывание ду-

ши. Век будет помнить, влюбленный. (*Нина неоднозначно смотрит на Аню.*)

Они тащат его в ванную. Их не видно. Видны только ноги Пети, потом, по ходу действия, Нина и Аня переворачивают его к тазу или унитазу и видна его половина, его зад. Аня бежит на кухню. Несёт таз. Что-то кричит по дороге.

АНЯ. Нина, марганцовка пойдет?

НИНА. Тащи всё!

Аня бежит туда-сюда. В это время слышатся звуки рвоты.

НИНА. Давай, паршивый, изрыгай свою дурость, раз наглотался.

Слышатся звуки рвоты и какое-то мычание Пети.

НИНА. Аня, кофе давай готовь или чай самый крепкий.

АНЯ. Сколько сыпать?

НИНА. Всё сыпь. Его вздрябнуть надо от этой наркоты. И откуда у Вас это...

АНЯ. Не знаю. (*Аня идет в ванную.*) Не знаю, Нина, не помню...

НИНА. Давай, ещё раз. Аня, помоги. Вливай. Голову запрокидывай. Ну, ну... пошел... Повезло ему. Четыре штуки точно уплыли в трубу. Две ещё... но это не смертельно...

АНЯ. Не смертельно...

НИНА. Не смертельно... Давай, паршивый, работай, работай. Ну... побывал в стране чудес и давай — обратно, к нам...

Аня бежит на кухню и что-то там копошится.

НИНА. Аня, полотенца нужны, твоего красавца вытереть.

АНЯ. Он не мой!

НИНА. Твой, твой... чей же... Вижу... Неси...

Аня бежит в ванную с кухни с несколькими полотенцами. Через

некоторое время Нина и Аня вытаскивают, как могут, из ванной Петю. Он мокрый, взлохмаченный, страшный...

НИНА. Ташим его на диван... давай... жить будет!

АНЯ. Будет!?

НИНА. Увидишь! Сволочь он такая...

АНЯ. Почему?

НИНА. Там сериал... пропушу же...

АНЯ. Сериал!?

НИНА. Сериал кажут... А я тут с ним обнимаюсь... Ну, тяжёлый же, гад...

АНЯ. Подожди... Устала я... Сейчас...

Аня отворачивается от Нины, сильно кашляет... Из кармана достаёт какие-то таблетки и пьёт их. Кашляет.

НИНА. Ты что?

АНЯ. Устала... Сил нет... Подожди...

Аня пытается отдышаться.

НИНА. Потасили?

АНЯ. Да...

Они дотаскивают и кладут его на диван. Стоя рядом, смотрят на него и переводят дух.

НИНА. Красавец!

АНЯ. Думаешь?!

НИНА. Откачивай его и бери себе. Ну, эту Катьку... Прочка от неё нет.

АНЯ. Я не люблю его. Ты что. Мне всё равно...

НИНА. Аааа... Говори ещё... Иди, готовь... Надо влить в него побольше. Во! Уголь! Активированный. Засунуть надо.

АНЯ. Куда!? Сколько?

НИНА. Ну, как куда. Туды — в рот. Взболтай и суй. Чем больше — тем лучше.

АНЯ. Сколько? А где взболтать?

НИНА. В стакане. Ты что!? Да, пачку всю...

АНЯ. Так, ты не говорила... Пачку?

НИНА. Ну, всё тебе скажи... Вот народ, ничего не умеют. Вам бы к нам в Забайкалье — сразу бы всему научились. А здесь что — Москва — ничего делать не умеют. А я тут с этим всем сериал пропускаю... Я побежала... Мене бы до убийства успеть.

АНЯ. Убийства?!

НИНА. В сериале... Всё... Давай, вливай ему. Всё. Я ушла... Сама справишься... *(Нина собирается уходить и сталкивается с входящим дедом.)*

НИНА. А, вот и Федр Иванович...

Дед весь испуганный, явно бежал.

ДЕД. Аня, что здесь? Что случилось?! Ты вызвала скорую?!

АНЯ. Дед, нет..

ДЕД. Почему!? Где Петя?

АНЯ. Лежит там.

Дед скидывает верхнюю одежду и идёт к Пете... Смотрит ему в зрачки, мерит пульс. Делает какие-то чисто врачебные движения.

ДЕД. Живой!

АНЯ. Да.

ДЕД. Аня, что это было? Что это за бумаги? Зачем это? Как это? Он что?!

АНЯ. Дед, я пришла, а он лежит... И бумаги везде.

ДЕД. Он выпил что-то?

АНЯ. Мы с Ниной откачали его, живот промыли... Она сказала кофе надо готовить.

ДЕД. Да, да... кофе... Правильно, правильно... Ты знаешь что он выпил?

АНЯ. Тарэн.

ДЕД. Тарэн?! Откуда он его взял?

АНЯ. Я дала.

ДЕД. Ты?! *(Молчание.)* Зачем? *(В изумлении.)*

Аня явно смущена, не знает, что сказать.

АНЯ. Я. Ты. Ты понимаешь...

ДЕД. Что!?

АНЯ. Я дала ему...

ДЕД. Зачем!?

АНЯ. Дед... я... Я не знаю... Дед... Схватила флакон и дала ему... и не помню... Я не думала, что он пить будет.

ДЕД. Аня... Аня... Детский сад! Когда ты поумнеешь... Кто же так делает... А скорую почему не вызвала!?

АНЯ. Дед, Нина знает таблетки эти. Она сказала, что посадят нас...

ДЕД. Посадят?! За это?! *(В раздумии.)* И вправду, не объяснишь ведь... Аня, давай кофе. И надо его расхавживать... Поможешь мне? Я пока вколю ему лекарство.

Аня уходит на кухню готовить кофе. Дед лезет в свой чемодан, достаёт шприц, какие-то ампулы.

ДЕД. *(Про себя.)* Тарэн... Тарэн... Вроде всё выбросил... И зачем я его привёз из Афганистана... эту аптечку?

Дед делает нужные движения, мажет вену спиртом.

ДЕД. Молодой был я... Зачем вести эту гадость сюда? Что я хотел с ней сделать? Вот напасть, ведь и вправду мог помереть... Шесть таблеток — это летальный исход... Я — дурак. Надо почистить свои запасы.

Дед вкалывает Пете лекарство. Он уставший и не реагирует. Приходит Аня с кофе. Они вместе начинают поить Петю кофе, практически насильно.

ДЕД. Он не горячий?

АНЯ. Я разбавила его.

ДЕД. Хорошо. Аккуратней. Я держу голову.

АНЯ. Петя... Петя... Открой рот. Ну, давай.

Петя медленно пьёт. Кофе попадает ему на одежду.

ДЕД. Аня! Ещё кофе! Крепче!

Аня уходит.

ДЕД. Петя, ну как так! Зачем?!

ПЕТЯ. Не знаю... *(Говорит еле-еле.)* Не знаю...

ДЕД. Мы никогда ничего не знаем... Почему... почему мы что-то совершаем, *(Говорит сам себе.)* а когда совершаем: то думаем, зачем... и для чего это сделали?!

Приходит Аня.

АНЯ. Вот ещё.

Они заставляют выпить его ещё чашку кофе.

АНЯ. Петя, пей. Давай...

ДЕД. Надо не дать ему заснуть. Аня, вместе берём его и будем ходить.

Аня и Дед начинают ходить по комнате с Петей. Ходят некоторое время. Дед всё смотрит на часы. Петя обессиленный. Они ходят кругами. Дед повторяет раз за разом: «Раз, два, три... Раз, два, три... Шагай, шагай»...

ДЕД. Мне надо уже уходить. Ты справишься с ним одна?

АНЯ. Попробую. Он не умрёт? Всё будет хорошо?

Аня тяжело. Она закашливается.

ДЕД. Как ты, Аня?

АНЯ. Ничего. Сейчас. Всё хорошо.

ДЕД. Надо, чтобы он не заснул! Надо ещё сделать кофе. Пусть дурь эта выйдет из него. Давай, ещё немного.

Они водят его раз за разом. Им тяжело. Они не замечают, что в дверях появляется Нина и явно что-то ищет, а потом что-то видит и восклицает.

НИНА. Да вот же он... А я его уже полчаса ищу всюду, думаю, куда подевался?

Дед и Аня вздрагивают от неожиданности.

ДЕД. Нина, что такое?

НИНА. Да я же пульт от своего телевизора потеряла. А он у вас... Я и позабыла, что давеча к вам с ним приходила.

ДЕД. Нина, ты как старшая — на кухне найдёшь упаковку активированного угля, дашь Пете сразу 20 таблеток... и кофе... И ходите... ходите с ним... Поможешь!?

НИНА. Ой, да как же не помочь... Помогу. А батарейки где взять?

ДЕД. Батарейки?!

НИНА. Ну, для пульта... Я переключить не могу. Обыскалась уже вся.

Дед не замечает её последних слов и, быстро одеваясь, говорит Ане.

ДЕД. Аня, с Ниной тогда разберитесь. Я вколлот ему хорошее средство. Дальше сами. Мне надо бежать на работу. Будет плохо, если обнаружат, что меня нет там.

АНЯ. Дед!

ДЕД. Вы справитесь... востормошите его... Кризис миновал — можно уже не опасаться... Всё позади.

НИНА. Ну, а батарейки? Они там, где обычно? У вас наверняка же есть?

ДЕД. Нина, я убегаю. С Аней, с Аней...

Дед быстро уходит.

НИНА. Аня, мне батарейки вставить. Переключить не могу...

Аня отрешённо смотрит на неё, потом вдруг взрывается...

АНЯ. Батарейки! Нина, ты не видишь, что он чуть не умер... Не умер... Какие батарейки?! Что ты пристала со своими батарейками! То соль, то сахар, то банки, то газеты, то хлеб... Ну, что ты пристала! Он же мог умереть! Он мог умереть... И надо его спасать, спасать... Как же ты...

НИНА. Ну, давай батарейки вставим и спасём его.

Аня смотрит на Нину как на маленькое животное.

АНЯ. Они там, где обычно. *(Умиротворенно.)*

НИНА. Я позабуду — а куда же я вечером побегу-то за ними... Я верну...

АНЯ. Ладно.

Нина идет уверенно к шкафу, достает пачку батареек и уверенно вставляет их в пульт.

В это время Петя полусидит на диване. Аня идёт на кухню.

НИНА. *(Себе.)* Вот и хорошо. В карман положу пульт, а то общусь потом. Так, что Федр Иванович говорил? Активированный уголь... А где он? *(Кричит.)*

АНЯ. Уголь, какой уголь?

НИНА. Ну, активированный... Федр Иванович сказал...

АНЯ. Посмотри в ящиках — может, там.

Нина роется в тумбочке. Что-то находит.

НИНА. Аня, а я заколку возьму? Посмотри... *(Она её цепляет к волосам.)* Какая бравая... И как раз. Дай мне....

АНЯ. Бери...

Нина продолжает рыться.

НИНА. А коробочка эта тебе нужна? *(Нина вертит коробочку.)* Мне бы для специй подошла и красивая. *(Сама себе.)*

АНЯ. Бери, если надо.

Нина кладет коробочку в карман, продолжает что-то доставать и перебирать.

НИНА. Какая пуговка! *(Сама себе.)* Вряд ли кому нужна.

Нина кладёт пуговку в карман. Находит таблетки.

НИНА. А, вот таблетки — активированный уголь...

Нина наливает в стакан воды.

НИНА. Я их так ем. Когда я в части работала, отравилась грибами... Так, я взяла три пачки и разгрызла их, прямо так...

АНЯ. Нина, возьми ложку — разболтай их.

НИНА. Ложку... Ну, да...

Нина берёт ложку... Она ей явно нравится. Она смотрит на неё с разных сторон, наконец разбалтывает активированный уголь, ложку кладет на стол.

НИНА. А у вас же ложек тут много, да? *(Обращаясь к Ане.)*

АНЯ. Я не считала.

НИНА. А, ну хорошо... Я так и знала. *(Про себя.)*

Нина незаметно ложку кладёт себе в карман и с довольным видом идёт к Пете со стаканом.

НИНА. *(Пете.)* Петя, давай, пей.

Нина сжимает Петю и буквально вливает в него жидкость.

НИНА. Так... Аня, а растормошить, это как?

АНЯ. Встряхни его, чтобы он не спал.

НИНА. Это я умею...

Нина с чувством начинает болтать Петю. Он явно не понимает, что с ним происходит.

НИНА. Давай, давай... ну, не спи...

Петя пытается что-то сказать, получают какие-то стоны. Нина с силой его дёргает туда-сюда.

НИНА. Не спи... не спи...

Петя явно хочет дать ей отпор, но не может.

НИНА. Ну, чё ты, как маленький! Ему говорят, объясняют, а он никого не понимает... Тебе же на пользу...

Нина начинает его щипать за щёки. От неожиданности Петя

вскрикивает.

ПЕТЯ. Аня! *(Звучит как мольба.)*

НИНА. Это надо так, Петя.

Вбегает Аня с чашкой и видит экзекуцию.

АНЯ. Нина, Нина! Хватит...

Нина перестаёт налегать всей силой.

Аня подбегает к Пете с чашкой.

АНЯ. Петя, давай пить. Тебе надо пить это...

Петя пьёт.

АНЯ. Нина, надо ещё походить. Ты видишь, он засыпает.

НИНА. Ну, надо пощипать его — он не будет спать...

ПЕТЯ. Неет...

Они берут его под руки и начинают ходить по комнате.

НИНА. А у вас ложки часто теряются, да? *(Обращаясь к Ане.)*

АНЯ. Ложки?!

НИНА. Ну, да, ложки, вилки... Ведь они раз, падают, а потом не найдёшь...

АНЯ. Не знаю.

НИНА. Вообще, в доме всё может потеряться... Ты, моя, не думай, что это кто-то стырил. А про домовых ты слыхала?

АНЯ. Не знаю. *(Аня в своих мыслях.)*

НИНА. Домовой, если заведётся, всё значит, будут вещи исчезать. А домовой, так это хорошо... Это значит — хорошая атмосфера. Это как лягушки... квакают — значит хорошо...

АНЯ. Квакают?

НИНА. Да, если домовой, то хорошо... И не переживай, что что-то пропадает.

АНЯ. *(Вспоминая.)* Да. Слоники... Слушай, да... От бабушки слоники такие были... Стоят и стоят... А тут смотрю,

не семь их, а пять, а потом три, и ни одного... Я сразу не обратила внимания, а потом заметила... Думаю, куда они делись... *(В это время Нина явно краснеет и опускает глаза.)*

НИНА. Домовой, точно... дом-то старый у нас. Это домовой. Это хорошо.

Они продолжают водить Петю. Он в полубморочном состоянии.

АНЯ. А у тебя тоже что-то пропадает?

НИНА. Ну да... так, по мелочи... В основном, знаешь, вдруг, смотришь, что-то странное такое — не было какой-то вещи, а раз — на полке стоит. Я думала, это приведение притаскивает, а потом поняла: домовой всё тащит по мелочи, по мелочи... так, безделушки...

Нина вдруг спохватывается.

НИНА. Ну, ты справишься же? Сериал идёт! Я побежала... Давай, всё. Я забегу.

Они кладут Петю на диван. По ходу у Нины вываливается ложка и бряцает у дивана. Аня не замечает, так как уходит за подушкой и одеялом. Нина потихоньку берёт ложку и прячет её к себе в карман.

НИНА. Ну, я пошла. Приду ещё. Потом. *(Кричит Ане.)*

Приходит Аня, приносит подушку, одеяло. Укладывает Петю.

Затемнение.

ДЕВЯТАЯ ЧАСТЬ

Ночь. Свет приглушённый. Петя спит. Из кухни выходит Аня. Она выглядит уставшей. Посреди комнаты разбросанны листы бумаг и вещи Кати. Аня присаживается на пол и берёт один лист, другой лист. Читает их. Складывает в стопку рядом с собой. Берёт один лист, вчитывается в него...

АНЯ. Как странно устроена жизнь...

Аня продолжает, держа лист перед собой.

АНЯ. Он пишет о любви, а сам не любит... Как можно писать о любви, никого не любя!? Катя!? Он её не любит... Они просто были долгое время рядом. Как смешно!

Аня читает по листу, изображая артистку.

АНЯ. «Света, не надо. Не надо слов. Давай просто жить, просто любить, просто смотреть на это небо, на эти цветы... Что ещё надо нам, людям?» А дальше текста нет... Что ещё надо нам людям!? Дурак...

Аня продолжает собирать разбросанную бумагу и складывать в стопку, периодически что-то читая про себя. Сильно кашляет.

АНЯ. Как глупо, вот так выпить таблетки... Как глупо... Как бессмысленно! Хотя я и сама хороша — зачем ему было их давать? Почему я такая? Ладно.. А вот, подожди, что он тут пишет.

Аня берёт лист и начинает читать.

АНЯ. Это сценарий или пьеса. Не пойму. Сцена в кафе. Два друга. Женя говорит Ване: «Ваня, моя жизнь не имеет будущего, в ней нет цели, смысла, достижений... Вот, зачем мы живём, коптим это небо? Зачем нужно наше существование... карьера, семья, дети? Мы все равно уйдём...»

Аня кладёт лист в стопку и собирает остальные листы.

АНЯ. Как легко писать о том, чего ты не знаешь: «Мы всё равно уйдём...» Он пишет и не знает, что я уйду. Год, два — и я уйду... Как же больно осознавать то, что ты смертен и перед тобой нет той длинной и большой обычной жизни... И как же он глуп... А я ведь люблю его... Как глупо, но я люблю его... Я бы умерла, если бы он не выжил. Я не могу без него.

Аня плачет. Собирает оставшиеся листки. Берёт ещё один листок и читает.

АНЯ. Какие-то наброски к пьесе. Квартира. Персонажи: дед, молодая девушка — его внучка Аня... Аня!!! Он пишет обо мне... «Аня... Она красивая и грустная девушка... У неё глаза, смотрящие на этот мир с тоской, и в эти глаза влюбляешься, только увидев их. Ты смотришь в них и погружаешься в неведомый мир её души, таинственной души.. У неё есть какая-то тайна. Она необычная. Я таких не встречал. Она притягивает меня чем-то необъяснимым, и мне хочется быть рядом с ней.» Или это не сценарий... Не понимаю... Так... Что тут ещё? «Мне хочется ей всё рассказать. Мне хочется слушать её, слышать её голос, её интонации... Может быть, я в неё влюбился? Но я старше её. Она такая хрупкая, такая маленькая. Я слишком взрослый для неё — у неё ещё всё впереди...» Что это он написал? «Я так хочу счастья этой семье... Хочу, чтобы Аня...»

Аня задумчиво кладет лист в стопку. Кашляет. Думает, смотрит по углам комнаты. Поднимается. Поднимает и складывает оставшиеся листы и папки.

АНЯ. А как хочется, как хочется быть, жить! И быть простой-простой девчонкой и не думать ни о чем... и любить, любить, любить... жить, жить, жить...

Она собирает практически всё, что валялось на полу. Относит что-то в комнату Пети. Бумаги кладёт в шкаф и на тумбочку.

АНЯ. А Катя? Ведь она его любит... Мы такие... мы готовы любить, страдать, понимая, что ничего не в силах изменить... Она уйдёт от него и будет всю жизнь несчастна, с кем бы она ни была... Она выйдет замуж за другого, а любить будет Петю.

Аня собирает вещи, которые раскидала Вика. Относит их, наводит порядок.

АНЯ. Будет любить его всю свою жизнь... А почему? Да просто за его глаза, за то, что не найдёшь ни у кого другого... Как жаль её. Она ни в чём не виновата, она просто лю-

бит. И жить бы им вместе — сильным и здоровым да добра наживать... А вот он её не любит. А может, мне так кажется... Нет! Если бы любил, не отпустил бы её. Если бы любил, жил бы ради неё. Если бы любил, у него бы всё получилось... Нет... не любит. Просто привычка. Сложно всё...

Аня садится рядом с Петей и смотрит на него.

АНЯ. Я бы всё отдала... Но разве в силах... Не поменять... Нет... Я бы всё отдала, чтобы жить, чтобы любить тебя. Чтобы не расставаться с тобой. А ты, глупый, не понимаешь... Почему так несправедливо? Почему я не могу любить, не могу жить долго-долго? А так хочется всё сказать, хочется закричать, как я тебя люблю... Но зачем? Что я тебе дам? Мне так мало осталось. Ухаживать за больной женой... через несколько лет остаться вдовцом... Как жаль... Но я...

Аня смотрит на Петю. Звучит музыка, и Аня начинает петь. Сначала полусёпотом.

Люблю тебя, люблю тебя —
Но что тебе любовь моя.
Не знаешь ты моей беды,
Не знаешь ты, как одинока я.
Люблю тебя, люблю тебя —
Поверь навек моим словам.
Люблю тебя, но не судьба,
С тобой вдвоём не по дороге нам.

Аня отворачивается от Пети. По её щекам бегут слёзы. Видно, что у Пети открыты глаза, и он проснулся, но Аня не видит этого.

Уж так случилось всё — я невиновна.
И вот теперь я от себя бегу.
Оставь, любовь, меня, оставь навек —
Сама с тобою я расстаться не смогу.

Люблю тебя, люблю тебя —
Вся боль моя в слезах моих.
Любовь потом придёт в твой дом.
Будь счастлив, милый, ты за нас двоих.
Люблю тебя, люблю тебя —
Пройдут года, уйдёт беда.
Но ту любовь я вспомню вновь
И вновь ей грустно улыбнусь тогда.

Уж так случилось всё — я невиновна.
И вот теперь я от себя бегу.
Оставь, любовь, меня, оставь навек —
Сама с тобою я расстаться не смогу.

*Аня поднимается и, не смотря на Петю и не видя, что он проснулся, берёт листы бумаги, поднимает оставшиеся пару листов и уходит. Петя в изумлении смотрит ей вслед.
Свет гаснет.*

ДЕСЯТАЯ ЧАСТЬ

Утро. В комнате светло. Петя спит. Аня хлопочет на кухне. Работает телевизор. Звонит сотовый Ани. Аня берёт трубку.

АНЯ. Да, дед! Всё хорошо! Ну, толком не спала. А так хорошо. Он!? Он, нормально. Петя нормально себя чувствует. Ты скоро приедешь? Приезжай. Нину позвать? Хорошо. Я попрошу её, чтобы она побыла с ним. У меня второй урок, мне в школу. Да. Да, я сейчас всё выпью, я не забыла.

*Аня кладет трубку. Что-то делает на кухне. Возвращается. Петя спит на диване. Она смотрит на него. Прислушивается к его дыханию. Видит, что дышит. Уходит.
Петя просыпается. Потягивается. Смотрит по сторонам. Никого нет. Он снимает с себя одеяло. Видно, что он в одежде. Он поднимается на ноги и неуверенно идёт к себе в комнату, потом возвращается. Входит Аня и, видя Петю, говорит ему.*

АНЯ. Как ты?

ПЕТЯ. Аня, я сделал что-то... что-то плохое?

АНЯ. А... ну, да... Мы тут маршировали всю ночь — ать-два-три, шагом марш...

ПЕТЯ. Прости...

АНЯ. Ладно... Будешь завтракать?

Петя качает головой.

ПЕТЯ. Нет, не лезет ничего. И голова так страшно болит. Пить хочу.

АНЯ. А, ну да... тебя же мы так прочистили.

Аня приносит стакан и кувшин с водой.

ПЕТЯ. Аня, я дурак.

АНЯ. Ещё какой... поискать надо...

ПЕТЯ. Да.

АНЯ. Не да, а дурак...

ПЕТЯ. Я не спорю.

Аня дает ему стакан воды. Он пьет залпом. Аня наливает ещё.

АНЯ. Вот скажи, зачем!?! Зачем ты это делал!?! Что тебе не жилось?! Ой. Нет, чего тебе не живётся!?

ПЕТЯ. Не знаю...

АНЯ. Ну-ну... Герой! Зачем я тебе их дала... Какая же я дура! А ты зачем их брал!?

Он пьёт ещё. Аня наливает себе чай, ест печенье.

АНЯ. Мужчины — слабаки!

ПЕТЯ. Дурак.

АНЯ. Ну вот, так и есть... Не знаю... *(Протяжно.)* Да что ты знаешь то...

Аня что-то ищет.

ПЕТЯ. Что ты ищешь?

АНЯ. Да ложка была, красивая, мне однокурсник привёз из Пскова, да пропала...

ПЕТЯ. Пропала?!

АНЯ. Да не пропала, а Нина взяла.

ПЕТЯ. Нина!?

АНЯ. Ты не знал!? Ей что нравится — всё берёт.

ПЕТЯ. А чего не скажешь ей.

АНЯ. А зачем. Она же не со зла. Берёт и берёт. Может, нужно ей это.

ПЕТЯ. Не понимаю...

АНЯ. А что ты понимаешь!? Одна она... Муж умер... А сына на полигоне разорвало — ребёнком был. Лет десять было ему... Она прибежала, а там одни куски... Не знал!? Тяжело ей. Голова у неё поехала после этого. Потом они из Забайкалья сюда переехали. Муж её, дядя Серёжа, тут уже умер. А она чудная. Сначала я не понимала, а потом поняла — и не мудрено... Голова у всякого от такого... А так она добрая. Знаешь, помогает всем. Даже представить себе не могу — кому она не помогает. Добрая она... Ну а что... Стырит ложку и радуется. Слонов стырила и радуется. Пусть! А мне что, жалко человеку приятно сделать...

ПЕТЯ. Но она же ворует!

АНЯ. Нет. Ложки с собой не унесёшь...

ПЕТЯ. Не унесёшь...

АНЯ. Да! (*Резко.*) Привези мне много-много ложек отовсюду. Отовсюду привези!

ПЕТЯ. Привезу. Обязательно, привезу.

АНЯ. И из Дубровника привези. Слышишь! Что бы ни было, привези мне оттуда что-то. Я бы всё отдала, чтобы там быть. Хоть день один! Пройти по Страдуну, выйти на площадь, на рынок, зайти в маленькие узенькие улочки и поднять голову — а там синее-синее небо...

Аня поворачивается к Пете и пристально смотрит на него.

АНЯ. За меня там будь. Обязательно туда съезди. И будешь там, вспомни обо мне и купи ложку, тарелку... Слышишь...

В это время входит Нина. Дверь открыта. Слыша последние слова, она говорит.

НИНА. И мне... Я так люблю тарелки всякие... У меня вся стена в тарелочках — из Праги, из Анталии, из Киева есть... Нигде там я не была — пусть хоть тарелочки повисят — посмотреть... Вот пыль с них замучаешься вытирать. Это просто ужас... Вот эти щёточки на палочках — это всё ерунда... приходится лезть наверх — вытирать там-то всё...

Петя и Аня устали на Нину.

НИНА. Петя! Как ты! О... ради любви.. Как я тебя понимаю.

ПЕТЯ. Я...

НИНА. Ладно, ладно... Аня, а чай горячий?

АНЯ. Садись, наливай. Дед скоро придёт... А мне пора. Посидишь с ним?

НИНА. Да. А ты детишек учить?

АНЯ. Да, ждут меня.

НИНА. Давай, стрекоза, давай... а я пока с Петей поговорю о жизни его, такой-сякой... Петя! Наливай кофе, ну...

Аня уходит к себе в комнату одеваться.

ПЕТЯ. Нет, Нина, нет... ничего не лезет в рот...

НИНА. Ой, а я в гостях только так, и ем... и пью... Наливай, наливай...

ПЕТЯ. В горло ничего не идёт...

НИНА. Это как... Ну-ка давай... *(Берёт чашку и наливает чай.)* И бери печенье... Не, лучше конфетку... И я возьму. Я тебе днём пирожки настряпаю. У меня они знаешь какие получаются — объеденье!

Петя крутит свою чашку...

НИНА. Какой же ты нытик. Смотрю я на тебя и не пойму — мужик ты или не мужик...

ПЕТЯ. Не поймёте?!

НИНА. Нет...

Аня выходит из комнаты и начинает собираться на виду уже у Пети и Нины. Нина меняет тему.

НИНА. Бери конфетку. (*Пете.*) Я тут купила белорусских конфет — объеденье, и дешёво. Вот, обязательно принесу попробовать пару штук тебе. Вообще, я люблю сладкое. Помню, в части посылки солдатам придут — а я к ним сразу...

ПЕТЯ. К кому?

НИНА. Так в казарму. А я женщина видна, меня все любили... Ну, и один чего даст, другой... Я притащу к себе и за тырю подальше...

АНЯ. Зачем?

НИНА. Как зачем? Сережа, муж мой покойный, пришёл бы и спросил бы меня, откуда это всё...

АНЯ. Сказала бы из магазина...

НИНА. Глупая ты, Аня, ну где там в части магазин... Ясное дело, что солдатики дали...

АНЯ. Да уж...

НИНА. Вот приходилось прятать. А куда там спрячешь — квартирка-то маленькая — всё видать... Ну, я-то мастерица была... И в наволочку, и в цветок, и в землю. Вот умора. Муж, Серёжа, как-то по тревоге надел брюки старые, а не в каких ходит. А я только с вечера туда конфет полные карманы наложила. Утро было... Не видит, выбегает — а из него конфеты сыпятся. Не поймёт — матерится... Ну, я думаю, придёт — будет мне разбор отношений... и давай перепрягивать, чё есть... весело было...

АНЯ. Нина, дождись деда. Всё пока.

ПЕТЯ. Пока.

НИНА. Аня, я его уберегу...

АНЯ. Верю.

Аня уходит. Нина делает серьёзное лицо.

НИНА. Вот я думаю, что же ты за мужик такой... Вот за чем это ты делал? Ну, понятно, что она девушка со странно-стями, но сказал бы ей на яву, что любишь ты её, что с Катей так — временно...

ПЕТЯ. Да, Нина, Вы...

НИНА. Ой, не отговаривайся. Знаю я Вас, мужиков... Столько солдатиков утешала! Придёт письмо — девушка бросила — и тут же на ремне вешаться... Глупые...

ПЕТЯ. Нина, Вы не поняли...

НИНА. Вот слушай, зачем тебе еще кто-то. Аня — девушка серьёзная... Ну, с придурью небольшой — ну и что... зато квартира своя есть, снимать не надо... Трехкомнатная! Во как! А дед — так он помрёт скоро. Так и бери её — женись. Зачем тебе Катя...

ПЕТЯ. Нина, не говорите ерунды... Вот слушаю Вас...

НИНА. Петя, жизнь такая — будет у тебя свой угол и занимайся чем хочешь... Аня — девушка приветливая — будешь с ней жить нормально, обижать тебя не будет и ты её... А ей тебе признаться надо. Ну, не ответила она тебе взаимностью, ну и что — чего сразу травиться... А Катю правильно выгнал.

ПЕТЯ. Нина, да с чего Вы взяли... Всё не так...

НИНА. О... Я уже опыт имею.. Не учи меня. Итак всё знаю... Не так, видишь ли, всё... А как тогда!?

ПЕТЯ. Я не выгонял Катю, я не люблю Аню...

НИНА. Рассказывай... Не выгонял, не любишь... Я чувствую...

ПЕТЯ. Что Вы чувствуете, Нина! Всё не так...

НИНА. Знаю, знаю... не отговаривайся... Придёт Аня, мирись с ней, признавайся... Мы женщины — такие... Откажем ради престижа, ради авторитета своего, а потом не знаем, как на попятную... Ты не будь дураком...

ПЕТЯ. Нина, но я...

НИНА. Ты невыносимый... Всё, тема закрыта.

ПЕТЯ. Нина!

НИНА. Петя, а ты турецкий сериал про Гарем глядел?

ПЕТЯ. Нет.

НИНА. Какая там красота... Какие костюмы... Сегодня будут две серии. Я и вчера глядела и сегодня буду. Я уж полгода его смотрю... Вот глядишь и думаешь — жили, как мы сейчас, только без телефонов и телевизоров, а проблемы такие же... Прямо, вот бери с третьего этажа семью — у них та же история...

ПЕТЯ. Гарем на третьем этаже?

Петя смирился со своей участью и стал пить чай, слушая Нину.

НИНА. Какой Гарем, хуже! Она с Вовиком с соседнего подъезда шашни водит. А у неё девка с Яшей гуляет. А Яша, то что-то повздорил с Вовиком. А муж то её, тот с Шуркой связался. Она-то его как увидела! Сама свидетелем была. Такой скандал был!

ПЕТЯ. И в Турции тоже? В сериале тоже Вовик?

НИНА. Да какой Вовик! Там Сулейман Великолепный. Вовик это так. Вот Сулейман — мужчина. Я-то понимаю. Там такое коварство... А к детям как там у этих турок... Вот я до сих пор поверить не могу, зачем султану столько детей, если их всех потом поубивают...

ПЕТЯ. Поубивают!?

НИНА. Ну, да... К власти приходит новый султан и всех своих братьев убивает. А эти отравления — одну отравили, другую резали. Я столько плакала... Так там всё сложно! Ой... Не говори... Молчи и всё тут. Вот снимут же... Не то, что у нас. Вот ты так не напишешь...

ПЕТЯ. Не напишу...

НИНА. Вот именно. Я вообще не люблю эти детективы.. Убийства, ругань, погони... Хочется чего-то такого, что бы за душу брало. О! Тут смотрела сериал, наш... ну, хороший... Там она уехала в Москву и родила тут... А он её не искал...

ПЕТЯ. Кто он?

НИНА. Как кто!? Отец.

ПЕТЯ. Чей?

НИНА. Ребёнка её.

ПЕТЯ. Ясно.

НИНА. Она бедная, устроилась в магазин сюда, в Москве. А её там обманули... Вот бывает же...

ПЕТЯ. Бывает...

Дверь открывается и появляется дед, уставший. Нина не замечает его и продолжает.

НИНА. Она пошла работать в школу. А там такой красивый-красивый директор... Ты бы видел... Картинка... И он в неё влюбился. Не сразу... Нет. Время прошло... Я так переживала... Но авария...

Тут Нина замечает деда и обращается к нему.

НИНА. Федр Иванович, в целости и сохранности передаю Петю Вам. У меня там бельё замочено, всё-всё... пора... зовите, если что...

ДЕД. Нина, спасибо.

НИНА. Федр Иванович, я Ваша должница... помните!?

ДЕД. Нина, хорошо. Петя, как Вы?

НИНА. Петя, помни, что я тебе говорила!

Нина уходит.

ПЕТЯ. Хорошо, Нина.

Молчание. Петя собирается с мыслями.

ПЕТЯ. Федор Иванович, простите... я не хотел... я как подумаю, сколько Вам причинил...

ДЕД. Петя, отдыхай пока. Я так устал. Да и ты устал.

ПЕТЯ. Извините...

ДЕД. Поговорим с тобой обязательно. Я должен с тобой поговорить. Вот пару часиков посплю и поговорим... серьёзно поговорим...

Дед достаёт из ящичка какие-то таблетки...

ДЕД. Я подумал, что тебе это не помешает. Выпей. Это нужно.

Дед уходит к себе. Петя выпивает таблетки. И говорит тихо.

ПЕТЯ. Нина считает, что я люблю Аню!... А Аня любит меня... Она любит! Как же я не замечал этого. Не хотел замечать, не хотел любить. Как же так...

*Он обхватывает голову руками и теребит волосы.
Свет гаснет.*

ОДИННАДЦАТАЯ ЧАСТЬ

День. Светло. За столом сидит Петя. Он утомлён. Явно, что всё это время он не вставал из-за стола.

ПЕТЯ. Аня... Аня... А эта песня... Зачем она пела? Неужели... неужели я так был озабочен собой, своей жизнью, что я ничего не замечал. Улыбка, глаза... такая маленькая и хрупкая она... Аня...

Он крутит что-то на столе и повторяет несколько раз.

ПЕТЯ. Аня... Аня...

Качает головой, теребит волосы. В это время из своей комнаты выходит дед.

ДЕД. Петя, Петя... А бывает так, что просто хочется есть и всё... и больше ничего... *(Дед явно в хорошем настроении.)* А бывает, что хочется спать... Но, я выспался и хочу есть. Что Вы там бормотали всё это время?

Петя вздрагивает от слов про бормотание.

ПЕТЯ. Думал...

ДЕД. О, это отлично... Вам надо крепко подумать... *(Дед, приносит какой-то колбасы, хлеб, чайник, наливает себе чай и заварки и перекусывает, и всё это время идет раз-*

говор.) подумать о том, что так вот, как Вы сделали вчера, нельзя, нельзя делать... Я вот сегодня ночью и утром всё думал о Вас, и думал, как же Вам сказать помягче и что сказать... и, знаете, много чего вспомнил, много о чём подумал... Вот послушайте, лет тридцать назад мне было около сорока лет, и я и потому, что врач, и из-за денег поехал в Афганистан, и там столько... столько всего я увидел! Ведь наше поколение не видело войны, а там она была настоящая, повседневная... И из спокойной Москвы оказаться сразу там было испытанием. А кто служил!? Мальчишки... Реально мальчишки. Им было по двадцать или около того, и знаете... как мне было больно, когда я видел там... видел наших, наших мальчиков... неживых... убитых басмачами, исподтишка... Та наша великая война была уже давно — там и пострашнее было... Но эта война была рядом, и она забирала свои жертвы. И знаете... тогда я не понимал, зачем она нужна! Я радовался, когда мы уходили оттуда... Но мы тогда были такими наивными, советская власть нас разбаловала... Мы не думали, что будет так, как сейчас... что мы уйдём оттуда, потом с других мест, и в результате эти басмачи будут уже здесь... Но, тогда я видел смерть в лицо... и видел лица ребят, погибших ребят... И я думал, что где-то в городках российских их ждут матери, девушки, ребята, друзья... где-то течёт речка, где они купались... где-то есть чердаки, где они лазили... где-то... где-то... всё то, что не увидит уже их, таких юных, таких красивых... наших ребят... не создадут они семьи... не будет у них детей... а матери — мои ровесницы будут ещё долго и долго жить в своих городках без них и будут помнить их детство, их юность... будут перечитывать их письма... и вспоминать своих невернувшихся ребят...

Дед молчит, ложкой мешает чай, Петя смотрит на него.

ДЕД. А смерть... если она пришла — уже ничего не исправишь, и остаётся только и только вспоминать... и ду-

мать, какими бы они были сейчас, кем бы они стали. А с возрастом я все чаще вспоминаю, и снятся, как наяву, лица этих ребят. По именам не помню многих, но снятся... И как мне хочется, чтобы они жили, чтобы растили детей... чтобы жили такой простой и обыденной со своими трудностями жизнью...

Дед молчит.

ДЕД. А где Ваши родители? Я никогда не слышал о них от Вас.

Дед внимательно смотрит на Петю. Молчание.

ПЕТЯ. Вам это интересно?

ДЕД. Вы о них подумали, когда пили эти таблетки?

ПЕТЯ. У них своя жизнь, свои правила. Я езжу туда раз в год... Мне кажется из года в год мы всё дальше и дальше...

ДЕД. Почему? Почему дальше? Разве они не любят Вас!?

ПЕТЯ. Любят!? Любят. Я их люблю, но не понимаю... а мне кажется, что они не понимают меня...

ДЕД. Где они!?

ПЕТЯ. Знаете, это небольшое село на Байкале. Отец рыбачит, мать раньше работала учителем. А сейчас просто живут.

ДЕД. А Вы думали, что бы было, если бы Вас не стало? Как бы они жили!? Вы им помогаете?

ПЕТЯ. Нет... не помогаю... не с чего... Я не подумал о них, конечно, но мне кажется, что они просто бы жили, без меня... и дальше... Я же уехал... я далеко... я успешен здесь, в Москве... Если в Москве — то уже успешен... жалко... всё жалко...

ДЕД. Эгоист!

ПЕТЯ. Да.

ДЕД. А в 90-х я работал в госпитале, и к нам привозили таких молоденьких ребят... Война в Чечне, помните? И тогда я уже думал о другом... А кому они нужны, раненые,

инвалиды? Страна перевернулась. Как встретят их родственники? Будут обузой... Грешные мысли... Конечно, это радость, что остались живы и не были сожжены в бронетранспортере... Но! Жить инвалидом — это большое испытание... И я думал тогда, да и сейчас: ведь это же, знаете, счастье, когда у тебя все руки целы. Это счастье, когда ты можешь дышать, ходить, смотреть... даже просто мочиться... а многие из них этого не могли. У Вас же всё есть: и руки, и ноги...

ПЕТЯ. Есть... Правы Вы...

ДЕД. Прав! Да. А сколько детей рождается больных. Знаете!? Какая это боль — иметь больного ребёнка! Какая это невыносимая рана! Но надо жить. Это я Вам говорю. Я не думаю, что Вам нужен психолог. Вы просто идёте не тем путем... не той дорогой... Меняйтесь!

ПЕТЯ. Куда?

ДЕД. Живите просто... просто живите... любите, страдайте, пишите свои рассказы и не ждите чего-то большого — успеха, признания... Всё, что Вы делаете, Вы делаете для себя. Вот и пишите — для себя.

ПЕТЯ. Вы так думаете?

ДЕД. Я думаю с высоты прожитого, что жизнь — бесценный дар, жизнь — это очень много... и она не просто так нам дана... Надо просто жить, делая немного, делая по своим силам, но это немного сотворит большее.

ПЕТЯ. Мне кажется, что вряд ли я уже что-то напишу стоящее, что-то поменяю... Проще говорить... Мир изменится только против нас... богатые становятся богаче, а бедные беднее... как-то так...

ДЕД. Пусть так, но стоит ли отчаиваться.

ПЕТЯ. Я Вас понял, не буду пить таблетки... буду исправляться. Устроит?

ДЕД. Послушайте, Вы неисправимы, Вы в своей какой-то оболочке, непошибаемы.

ПЕТЯ. Я мир хотел поменять лет десять назад, а теперь

понял, что он неизменен. Понятно!

ДЕД. Послушайте!

ПЕТЯ. Что?

ДЕД. Я часто думаю о жизни... Нелегкая она у меня была...

ПЕТЯ. Верю. *(Видно, что Петя потерял интерес к увещаниям деда.)*

ДЕД. Много я видел, и мне хотелось перевернуть мир в свое время... Но мир не перевернулся...

ПЕТЯ. Конечно.

ДЕД. Но послушайте, я вот думаю, можно ли этот мир вокруг как-то изменить? Можно ли как-то сделать жизнь вокруг лучше, насыщеннее, в бытовом плане проще? Чтобы люди не страдали, не нищенствовали ни в прямом, ни в духовном плане... Один человек воин ли в поле? Может ли один человек что-то сделать? Можно ли как-то сдвинуть всё вокруг, чтобы люди открыли свои закрытые глаза и увидели, как и где они живут. Понимаете?!

ПЕТЯ. Не знаю...

ДЕД. *(Не обращая внимания и всё больше углубляясь в свои мысли.)* А получается, что мы замкнулись в своих мирах. Закрывали двери своих квартир и не хотим видеть и слышать то, что творится вокруг, то, как живут и мучаются люди вокруг. Как просто пройти мимо... как просто не увидеть чужого горя... как просто себя оправдать... Не надо лезть на амбразуру и закрывать ее своим телом, понимаете. Не надо... Нужны самые простые, самые что ни на есть простые дела, самое что ни на есть простое участие в жизни других людей. Вы не измените этот мир — это не удавалось никому. Вы можете сделать этот мир хуже, жизнь людей вокруг можете испортить, но Вы можете сделать что-то небольшое, что изменит жизнь людей, пусть не намного, пусть всего лишь что-то переменится... Но кто знает, может, кто-то другой сделает то же, что и Вы, и жизнь, и всё вокруг станет лучше. Всего лишь немного надо сделать.

ПЕТЯ. Да, наверное...

ДЕД. Вы посчитали себя ненужным, и, наверное, Вам неинтересно жить, работать и видеть всё вокруг... Вы устали идти к цели.

Петя с вниманием слушает деда.

ДЕД. Но ведь жизнь она на то и жизнь, что её ни одна математика не посчитает и ни одна логика её не проймёт. Слышите! Жизнь — это великая штука. Мне ли не знать. Бывает так, что живёт человек, терпит, мучается, но сохраняет что-то в себе, борется, может, внутренне, может, это никому не видно, но борется. И придёт время, и он добьётся своего, если это что-то хорошее.

ПЕТЯ. А если нет, если не добьётся?

ДЕД. А бывают те, кто не добивается, но неужели стоит просто сложить руки и просто уйти из жизни, неужели так надо!

ПЕТЯ. Вы правы...

ДЕД. Я материалист. Я атеист. Там... там нету ничего! Там пустота. Там тьма. Ни ада, нирая там нету. Это страшно... И мне хотелось бы верить в иное, легче верить, чем не верить. Знаете, это страшно осознавать, что вот мы с Аней есть, а завтра она уйдёт, и я уйду, и нас больше не будет на этом свете, останется пустота, тьма...

ПЕТЯ. Тьма?!

ДЕД. Она меня донимает. Аня спрашивает меня, встретится ли она со своей мамой? Вы же знаете — её мама, моя дочка погибла много лет назад... молодая была ещё... Авария... И каждый раз Аня говорит мне одно и то же, что как бы хорошо ей встретиться с ней после смерти. Для Ани смерть — что-то повседневное, будничное. А мне как по сердцу ножом. Я как подумаю, что увижу ее неживой, мне страшно. А зачем мне жить? Дальше зачем быть? Пустота будет уже здесь, а не там. *(Показывает на сердце.)*

ПЕТЯ. Стойте... Я догадываюсь, но что с Аней? Почему

смерть рядом?

ДЕД. Петя, мы хорошо научились всё скрывать и жить, казалось бы, простой жизнью. Здесь, у нас в квартире, есть наш мирок, где есть я и она, а вокруг все остальные. Так трудно сохранить этот наш мирок, когда вокруг вся эта жизнь. Как бы просто было запереться в каком-то одном счастливом мгновении... счастливом дне и чтобы не было ничего потом. Но будет это «потом»... Она — сильная... Она борется... Она не хочет, чтобы её жалели... Она не хочет жалости, сострадания. Она хочет жить...

ПЕТЯ. Но что с ней?

ДЕД. Она хочет жить, потому что жить ей осталось недолго. Я как врач знаю... Увы...

ПЕТЯ. Она умирает? Рак?

ДЕД. Нет... буднично, просто... Всё просто. Гены. Есть такая болезнь Муковасцидоз, поражение легких... Долго объяснять... но у людей плохо работают легкие, они подвержены заболеваниям... И живут такие люди недолго — всё зависит от того, насколько сильный организм. Максимум — лет тридцать. Максимум!

ПЕТЯ. Максимум!

ДЕД. Увы!

ПЕТЯ. Как мало! Не верю!

ДЕД. Никто не знает... У нас есть наш добрый врач, который нас лечит. Я работаю, беру ночные смены — мы покупаем дорогие лекарства... Но одна оплошность может стоить жизни. Она борется, она старается... Знаете, я молюсь Богу дать ей пожить. Хотя я и не верю в него... И знаете ли, я не понимаю зачем он отнимает её... А с другой стороны, знаете, когда много лет назад мы узнали об этой страшной болезни, ещё была жива моя жена, моя дочь, её мама, все испугались, всем стало страшно... И мне страшно стало, но у меня случился какой-то переворот сознания. Я понял, что я должен сделать всё, чтобы Аня жила... чтобы дольше жила. Но одна оплошность... какая-то простуда... какой-то

вирус... всё могут осложнить... Но как с ней бороться?
Она же — такая...

ПЕТЯ. Подождите... То есть в любой момент может что-то случиться и...

ДЕД. И она просто уйдёт... уйдёт во тьму... в пустоту... в никуда...

ПЕТЯ. И, ничего нельзя сделать!?

ДЕД. Мы делаем... Я делаю... Врачи делают... На днях появилась информация о новом лекарстве. Я ей сказал об этом. Ей нужна надежда. Но, знаете, увы... Когда оно появится у нас — это лекарство, когда его начнут делать, пройдут годы... годы...

ПЕТЯ. Я не верю, что ничего нельзя сделать.

ДЕД. Пересаживают... знаете, уже несколько лет, как пересаживают лёгкие... Вот таким людям пересаживают легкое от умершего человека, и он начинает жить новой жизнью. И уже много сделали операций. И мы стоим в очереди. Она надеется. Я надеюсь. Но...

ПЕТЯ. Но!?

ДЕД. Но всего несколько операций в год! Лёгкие пересаживать тяжелее, чем остальные органы. Это сложнейшая операция. Её надо пережить. Надо чтобы лёгкое подошло, надо чтобы... Как много всего надо! Это ужас! Я креплюсь, я верю... но веры, надежды мало. А если она не вынесет операции? А доживём ли мы до нее? Я бы отдал всего себя для неё. Пусть что угодно делают со мной, но можно ли так?

ПЕТЯ. Подождите. Значит, можно что-то сделать! Значит, можно её спасти! Значит, она может жить и долго жить...

ДЕД. Можно, но... это несбыточное. Я верю в то, что будет лекарство, что пересадят лёгкие... но год за годом уходит...

ПЕТЯ. Но, ведь пересаживают...

ДЕД. Надо ждать... надо ждать... А Вам скажу — будьте умнее. Жить стоит. Я Вам говорю... Живите. Быть может, Вы

кому-то нужны, и именно в Ваших силах что-то поменять.

ПЕТЯ. Постараюсь...

ДЕД. Ну да ладно... Мне пора. Надо в больницу.

ПЕТЯ. Может, мне чем помочь? Приготовить?

ДЕД. Набирайтесь лучше сил.

ПЕТЯ. Всё-таки...

ДЕД. Набирайтесь сил. Мне пора.

Дед уходит в комнату. Петя в задумчивости сидит на кухне и о чём-то думает. Через некоторое время появляется дед и в задумчивости говорит.

ДЕД. Петя, знаете — пишите правду, пишите, несмотря ни на кого, для себя пишите, пишите то, что на душе, напишите о нас, об Ане... сценарий, пьесу... не знаю, как у Вас это называется... И так напишите, чтобы люди встрепенулись от своих обычных мелочных дел, чтобы задумались, чтобы жили — полно жили.

ПЕТЯ. Я не хочу писать! Я хочу чтобы она жила... Если бы я умер, мои лёгкие помогли?!

ДЕД. *(В растерянности.)* Петя!

ПЕТЯ. Если бы я умер, она могла бы жить! Вы же доктор... Вы бы использовали мои лёгкие. Их можно было бы пересадить!? Так!?

ДЕД. Петя! Так! Но не всё так просто. Вы неправильно говорите. Так нельзя!

ПЕТЯ. Почему Вы это сделали? Я бы спас её. Слышите!

ДЕД. Петя, очнитесь!

ПЕТЯ. Я живу в забытьи, гоняюсь за чем-то, что-то пишу. Ведь ничего, ничего путного не было и не будет. Моя ничтожная и мелкая жизнь! Зачем Вы меня откачали!? Ведь можно было сделать чудо, можно было спасти её! Пересадить мои лёгкие!

ДЕД. Мне надоело это слушать! Перестаньте молоть чепуху!

ПЕТЯ. Не чепуха! Нет... Где здесь чепуха? Какая чепуха?!

Я мог бы спасти её. Понимаете! Она — чистая. Она — настоящая. Она... Она... Она — светлая. Я такой не знаю. Нет такой другой! Она не должна умирать! Это невозможно!

Дед в это время подходит к Пете и пристально смотрит ему в глаза. Берёт за плечи и стискивает его.

ДЕД. Надо жить! Слышите... Надо! Если Вы не понимаете, то оглянитесь, подумайте... Без Вас она бы не жила, Вы поняли?! Я хочу не ошибиться в Вас! Слышите...

ПЕТЯ. Она... она... Вы... разве...

ДЕД. Она приготовила вкусный обед. Я на работу... А придёт Аня — не говорите ей чепухи... Договорились!?

Дед уходит.

Затемнение.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ

День. В комнате Нина и Петя. Нина с большим кульком — там пирожки. Петя безучастно сидит за столом.

НИНА. Ну, почему ты такой-то!? Гляди, я для тебя пекла. Я вот — мастер. Знаешь? какие пирожки стряпаю! Тебе сил надо набираться. Гляди, Аня как за тобой ухаживала. Я вот на неё всё смотрю — болезная она, синюшная какая-то... А тебя, прям, как ухватила. Ты ей спасибо скажи.

ПЕТЯ. Вы знали?

НИНА. Что знала?

ПЕТЯ. Что Аня больна...

НИНА. Так и так видно... Ты посмотри — дохает, да синюшная вся... худущая... ест там что-то своё... Сколько пирогов ей не носила — ничего не ест. Диета говорит... Я ей говорю: куда тебе худеть — ты и так худая. А она — мне надо. Ну, надо, так надо.

ПЕТЯ. Как коротка жизнь...

НИНА. Эй, ну, ты чего... Ну-ка ешь.

Нина силком засовывает пирожок в рот Пете.

НИНА. Жуй, жуй... разговорился... Больна... А кто сейчас не болен? Все больны... Я больна, ты болен. Ты её приглубь, посмотри ласково — такая будет... Глупый ты...

ПЕТЯ. Глупый... *(Прожёвывая.)*

НИНА. Ну и молчи, раз глупый.

ПЕТЯ. А я всё и молчу. *(Жуя.)*

НИНА. Ну и глупый же ты, хлопец. Молчать будешь — чего толку от тебя. Ты же не статуя...

ПЕТЯ. Не статуя. *(Дожёвывая.)*

НИНА. А я смотрю иногда на тебя и думаю, что ты прямо истукан какой.

Раздается звонок в дверь.

НИНА. Пойду открою.

Нина подходит к двери, смотрит в глазок. Потом тихо отходит от двери и говорит Пете.

НИНА. Катя там. Открывать?

ПЕТЯ. Катя!?

НИНА. Ну!

ПЕТЯ. Нет!

НИНА. Нет, так нет. Не ори — услышит.

Раздаётся ещё звонок.

КАТЯ. Петя, Аня, откройте! Я слышу Вас. *(Кричит Катя из-за двери.)*

НИНА. Я тебе говорила, не ори!

ПЕТЯ. Откройте...

Нина подходит к двери. Ещё раз смотрит в глазок и открывает дверь. Врывается Катя.

КАТЯ. Петя! Все хорошо? Как ты? *(Подходя к Пете.)*

НИНА. А мы тут пирожками почиваем. Хочешь?

КАТЯ. Пирожки!?

НИНА. Да.

КАТЯ. Мне Федор Иванович позвонил утром. Он всё рассказал. Я прямо на поезд. Зачем, Петя?! Зачем?! Ты не понимаешь ничего, ты не должен был так делать. Слышишь!

НИНА. Ну, я пошла. Потом тарелочку заберу.

КАТЯ. Да.

Нина уходит.

КАТЯ. Как ты? Как ты себя чувствуешь? Петя, ну как же ты меня испугал! Как же я испугалась за тебя!

ПЕТЯ. Катя, зачем ты приехала?

КАТЯ. Зачем!? Ты же не чужой мне!

ПЕТЯ. Не чужой. А зачем уехала?

КАТЯ. Какой же ты...

ПЕТЯ. У тебя кто-то есть?

КАТЯ. Петя!

ПЕТЯ. Ты бросила меня! В этот момент... когда мне было так плохо... Зачем?

Катя смотрит на него с раздражением.

КАТЯ. Какой же ты эгоист!

ПЕТЯ. Я... я... эгоист!?

Катя смотрит на Петю. Смотрит пристально. Ей хочется чтобы он её обнял, приглубил, поцеловал. Ей хочется нежности и теплоты, но в лице Пети она видит совсем иное, и Катя что-то для себя решает.

КАТЯ. Да... ты не думаешь обо мне. Ты не думал никогда обо мне. Мы жили и жили... и хорошо...

ПЕТЯ. Я не понимаю...

КАТЯ. Приехали сюда вместе, жили вместе... и всё. Я каждый раз смотрела на тебя и верила... Знаешь, верила в то, что, наверное, я себе сама придумала... Помнишь, в школе, давно, мы сидели на подоконнике, и я тебя спросила: «Когда мы будем взрослыми, у нас же будет, будет сва-

дьба... настоящая свадьба!?» А что ты ответил? Не помнишь!? Ты сказал: «Будет!» А её ведь не было. Ты не хотел... Всегда что-то находилось или случалось, что мешало.

ПЕТЯ. Так получалось, Катя! Это же не специально было.

КАТЯ. Да! Получалось... У других всё получалось, а не у нас. Ты списывал у меня в школе, я тебе помогала делать уроки, потом, мы учились здесь, я читала твои сценарии, я ночами их печатала, редактировала... Может, тебе было просто удобно быть со мной рядом? Может, так... Привычка, удобство... Молчишь!?

ПЕТЯ. Ты не права, Катя! Хотя... Знаешь... я всегда не понимал, почему так всё сложно... Прости меня... Но я не виноват... Как-то было всё не так...

КАТЯ. Я столько раз уходила от тебя, и каждый раз, когда я возвращалась к тебе, мне казалось, что ты меня любишь больше... что ты меня любишь... Я искала этой любви, нежности в тебе, но её не было. Мы были, может быть, только друзьями. Ты искал любовь, писал свои сценарии, а я просто была рядом. Вот так!

ПЕТЯ. *(Качает головой.)* Я не хотел тебя обидеть! Ты — славная...

КАТЯ. И ты каждый раз говорил о любви, и я хотела верить... Ну, как же — столько лет... столько лет вместе... Приехали, добивались, работали... но ты просто жил рядом, как друг, как товарищ... а любовь твоя была из твоих пьес. Может, ты просто пересказывал мне любовь из твоих пьес.

ПЕТЯ. Я не пересказывал, поверь...

КАТЯ. Я искала в тебе любовь, а ведь её никогда не было. Тебе было удобно, не одиноко... Так?!

ПЕТЯ. Поверь, я хотел как лучше.

КАТЯ. Мы ищем любовь... или придумываем её... Всю жизнь живём и говорим себе, убеждаем себя: он любит, он любит, а он и не любит... Ведь ты не из-за меня таблетки пил... жалко себя стало... жалко... жалко! Пожалел...

ПЕТЯ. Да... Пожалел...

КАТЯ. Вот именно. Жалко! А знаешь... я тебя люблю... Да, знай... знай это. Такого какой ты есть... такого... я любила тебя а ты нет. Может быть, ты и не виноват... Слышишь... Может, это я всё придумала и тебя заставила верить. Может, это я не хотела тебя отпускать... Слышишь! Может, это мне с тобой было хорошо. *(Плачет.)* Может, это я сделала что-то не так. Может быть, это я такая...

ПЕТЯ. *(Качает головой.)* Не надо так...

КАТЯ. Я люблю тебя! Не губи себя... Слышишь!

ПЕТЯ. Прости меня... но выслушай... Знаешь, я многое понял...

Входит Нина.

НИНА. А, вы тут отношения выясняете... Я тут кое что нашла.

КАТЯ. *(Быстро направляется к выходу.)* Прости... Прости... Так лучше... Мне надо на вокзал... Съёмки... Увидимся ещё... Возможно... *(Пете.)*

Катя убегает.

ПЕТЯ. Нина!

НИНА. Ой, ну что ты... нашёл себе гоголь-моголь. Ешь пирожки.

Нина подходит к шкафчику и достает из карманов слоники и ставит их на шкаф.

ПЕТЯ. Что это за уродство!?

НИНА. Да я тут... ну, нашла... пусть стоят...

Затемнение.

ТРИНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ

Сумерки. Темно. Аня готовит. Петя перебирает стопку своих записей и раскладывает их. Что-то читает про себя, что-то рвёт и кидает в корзину. Петя берёт лист и читает его вслух.

ПЕТЯ. Может, и вправду написать об Ане... Мои наброски. Ведь я хотел написать. (*Читает листок.*) Аня... Она красивая и грустная девушка. У неё глаза, смотрящие на этот мир с тоской, и в эти глаза влюбляешься, только увидев их. Ты смотришь в них и погружаешься в неведомый мир её души...

Задумывается.

ПЕТЯ. Катя права... я эгоист, мне было так удобнее. Я не любил Катю. Как это ни горько... Она понимала — я не понимал. Я жил мечтами о своём успехе... а она просто была рядом. Она любила, а я позволял...

Петя раскладывает бумаги, что-то рвёт, что-то про себя перечитывает.

АНЯ. Петя, ты мне? Ты что-то сказал?

ПЕТЯ. Я!? Нет. Так...

АНЯ. Петя, я с тебя глаз не спущу, все таблетки выброшу...

ПЕТЯ. Выбрасывай...

АНЯ. Выброшу, обязательно выброшу.

ПЕТЯ. Только свои не выбрасывай.

АНЯ. И свои выброшу. Всё выброшу.

Петя подходит к Ане.

ПЕТЯ. Береги себя, Аня. Ты...

АНЯ. Слушай, а слоники откуда?

ПЕТЯ. Нина принесла, сказала, что нашла.

АНЯ. Нина!

ПЕТЯ. Да.

АНЯ. Чудачка!

ПЕТЯ. Да, чудачка! Странная!

АНЯ. Не странная!

ПЕТЯ. Почему?

АНЯ. Хорошая она, добрая.

ПЕТЯ. Хорошая.

АНЯ. Катя приходила?

ПЕТЯ. Да.

АНЯ. Она вернётся?

ПЕТЯ. Нет.

АНЯ. Почему?

ПЕТЯ. Мы расстались.

АНЯ. Думаешь?

ПЕТЯ. Я не люблю её.

АНЯ. Раньше любил, а сейчас разлюбил?

ПЕТЯ. Не любил.

АНЯ. Вот как!

ПЕТЯ. Да. Я эгоист, Аня. Мне было удобно так... Я так и жил.

АНЯ. О как!

ПЕТЯ. Я не жил ярко, я не жил смело.

АНЯ. Надо же...

ПЕТЯ. Мне уже за тридцать... и я думаю, что будет только хуже...

АНЯ. А вот ты странный.

ПЕТЯ. Аня, мне дед всё рассказал.

АНЯ. Что рассказал.

ПЕТЯ. О твоей болезни.

АНЯ. И что!?

ПЕТЯ. Я помогу тебе, я буду работать, я заработаю много денег.

АНЯ. Слушай, писатель! Да, ты талантливый, да умный... Но дурак ты! Ты меня пожалел! Что я больная! Что я умру!

ПЕТЯ. Аня!

АНЯ. Пожалел! А нужна мне твоя жалость? Нужна? Не нужна она мне! Заткни её себе куда подальше... Да кто ты такой?! Да откуда ты взялся, писатель?! Хмырь ты бродячий!

ПЕТЯ. Я как лучше хочу!

АНЯ. Все вы хотите как лучше! А что ты знаешь о жизни?! Что ты в ней видел?! Отравиться он решил! С жизнью покончить! Другие Бога благодарят за прожитый день! Каждое утро люди как благодать встречают. А его де не признают, не печатают... Что ты знаешь, о нас с дедом?! Ты настоящую жизнь знаешь?! Знаешь, когда думаешь, как бы хуже не было! Прожили день — и хорошо! Дурак! Дурак! Ты живёшь в придуманном мире... А наш мир прост — от ночи до утра дожить... до лета дожить, ромашки с одуванчиками увидеть...

ПЕТЯ. Но Аня!

АНЯ. А знаешь, что я хочу! Семью я хочу, детей я хочу... Обычной, простой девчонкой я хочу быть. Родить хочу и ребенка нянчить хочу. Жить я просто хочу. А не могу — не будет этого у меня никогда... Не будет! Дубровник! Не увижу я его никогда! Никогда не увижу! Другие летают на края света и счастья своего не знают! Дышат другие, и солнце им светит так сильно и ярко! А я живу между светом и тьмой, слышишь! Вот они наступают — сумерки! И я вот в них живу... не день и не ночь, а они тебя окружают сумерки, сгущаются, день за днем... и скоро будет тьма, ночь будет... не будет меня... тьма наступает, тьма сгущается. Я ещё живу, я ещё живу... но протяни руку, и я её не увижу. И съест она меня эта тьма, растворюсь я в ней... Вот так! А ты здоровый, сильный... у тебя вся жизнь впереди... всё вокруг твоё... А ты — травиться... Не знаешь ты, что такое тьма! Жизнь у него не удалась... Да что ты знаешь! Слабый ты... Слабый... Видеть тебя не хочу! Слышишь! Уйди!

Петя стоит в растерянности. Аня отворачивается от Пети и садится за синтезатор. Проходят мгновения.

ПЕТЯ. Аня! Знаешь, Аня. Не будет тьмы, не будет её. Ночи не будет. Слушай, не дам... Я все-все лампочки зажгу, слышишь, всё что только можно, зажгу — у нас так светло будет, что не будет ночи! Я... я... я люблю тебя! Слышишь! Я

жил как дурак. Не так я жил... Понимаешь... А теперь... Слышишь! Знаю, для чего жить... Слышишь, для тебя. Я люблю тебя! Всё сделаю... не отдам никому... Ты мне нужна. Слышишь... Очень нужна. Не отпущу я тебя, никогда не отпущу... Живи! Не могу без тебя! Пела ты тогда у дивана а я не спал, слышал всё... И как стукнуло что-то... и как будто наверх куда-то вознесся... смотрю на всё свысока, на жизнь свою, на тебя... И что со мной тогда было, понять не могу. Только потерять тебя не могу теперь. Всё сделаю, слышишь... Будут дети у нас, Дубровник будет... Все вместе туда поедем! Понимаешь! Мы будем жить! Жить! Детей растить будем... Слышишь... Не будет болезни! Будет так, как мы хотим! Ты будешь жить... Слышишь! Будешь! Мы будем жить, долго будем жить... долго — долго и нам не надоест... Слышишь...

*Тишина... Петя опускается на пол и закрывает лицо руками.
Звучит музыка, и Аня начинает петь.*

Сходятся синие сумерки,
Полные тихими думами.
Так, почему-то, особенно
В сумерки хочется счастья.
Хочется счастья тревожного,
Звонкого, неосторожного.
Что ж ты его теряешь?
Может быть, ты не знаешь —
В сумерки хочется счастья.

Петя подходит к Ане и садится рядом с ней.

Тихо качается деревце,
С ветром секретами делится.
В сумерки сердце надеется —
Может, ты всё угадаешь?
Тают минуты бесценные,

Аня гладит Петю по голове.

Тают, необыкновенные...
Что же ты их теряешь?
Может быть, ты не знаешь —
В сумерки хочется счастья.

В синем свеченье изменчивом
Ты улыбнулся застенчиво.
Ты улыбнулся доверчиво,
Ты наконец улыбнулся.
Ах, эти милые сумерки —
Как они славно придумали!
Видишь — почти невидно,
Слышишь — почти неслышно
Входит на цыпочках счастье...

Слышится звук открываемой двери. Входит дед и видит Петю и Аню. Он останавливается и смотрит на них. Продолжает звучать музыка затихая...

Занавес.

*осень 2015 г. — лето 2017 г.
Москва.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Муковисцидоз — это не столь распространённая генетическая болезнь, но она есть... и эта болезнь — страшная — от неё нельзя излечиться. В России тысячи семей ежедневно борются — чтобы жить, чтобы их дети жили. Эта пьеса посвящена молодой девушке, которой было лет 15—16. Её звали Кристина Резник. Её уже нет с нами, и очень много лет. Именно её глаза, её взгляд заставили меня задуматься и написать эту пьесу. Так хочется, чтобы была Надежда, чтобы дети не страдали от такой болезни, что бы они жили, любили, создавали семьи и радовали своих родителей.

Неотъемлемой частью этой пьесы являются музыка и песни, прежде всего песни Анны Герман. Анна Герман, как

никто другой, помогла написать эту пьесу. Она многое пережила, прочувствовала. И, наверное, она бы говорила именно то, что говорит героиня этой пьесы Анна. Ведь Анне Герман хотелось как раз того, чего хочет героиня пьесы — жить, рожать детей, простых радостей. Болезнь помешала увидеть Анне Герман своего повзрослевшего сына. Страшная автокатастрофа заставила её пережить мучительные месяцы и годы без движения, и простой радостью для неё было при выздоровлении просто помыть полы. Мы так часто не задумываемся о самых простых вещах.

Ещё в пьесе использованы две песни: одна из репертуара Вероники Кругловой, другая из репертуара Майи Кристалинской. Майя Кристалинская — одна из тех, кто также мне помог написать эту пьесу. Её голос, её лирические ноты — это то, что так нам нужно сейчас в мире денег, суеты. Майя Кристалинская также подписалась бы, наверное, под многими словами, которые говорят герои пьесы. Я хочу, чтобы мы помнили о славных людях, как Анна Герман, Майя Кристалинская. Я хочу, чтобы помнили о чужой беде, чтобы не закрывали двери, чтобы помогали друг другу.

В пьесе использована песня замечательного поэта Льва Ошанина. Без его песни не было бы этой пьесы. И то, что эта пьеса называется «Сумерки» — это дань памяти и уважения замечательному поэту.

Ещё хочу сказать спасибо любимому Московскому Новому драматическому театру, его Художественному руководителю В. В. Долгачеву и нескольким артистам, не называя их имен, так как общение с ними помогло мне написать пьесу и создать образы героев этой пьесы.

Жизнь — простая вещь, но как же сложно жить! Быть может, надо просто идти своим путем и не отклоняться от него, не предавать прежде всего самого себя.

Большая благодарность всем, кто мне помог и поддержал!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
НОЯБРЬ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	9
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	16
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	24
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	27
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	32
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	42
КРУГИ НА ВОДЕ	46
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	46
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	49
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	52
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	55
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	62
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	64
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	69
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ	72
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ	74
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ	76
СУМЕРКИ	81
ПРЕДИСЛОВИЕ	82
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	82
ВТОРАЯ ЧАСТЬ	89
ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ	95
ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ	104
ПЯТАЯ ЧАСТЬ	107
ШЕСТАЯ ЧАСТЬ	115
СЕДЬМАЯ ЧАСТЬ	119
ВОСЬМАЯ ЧАСТЬ	125
ДЕВЯТАЯ ЧАСТЬ	139
ДЕСЯТАЯ ЧАСТЬ	143
ОДИННАДЦАТАЯ ЧАСТЬ	151

ДВЕНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ	160
ТРИНАДЦАТАЯ ЧАСТЬ	164
ПОСЛЕСЛОВИЕ	169

Дмитрий Ластов

**СУМЕРКИ
ПЬЕСЫ**

«Здесь, у нас в квартире, есть наш мирок, где есть я и она, а вокруг все остальные. Так трудно сохранить этот наш мирок, когда вокруг вся эта жизнь. Как бы просто было запереться в каком-то одном счастливом мгновении... счастливом дне и чтобы не было ничего потом. Но будет это „потом“... Она — сильная... Она борется... Она не хочет, чтобы её жалели... Она не хочет жалости, сострадания. Она хочет жить...» (Из пьесы «Сумерки»)

ISBN 978-5-4493-7397-7

9 785449 373977 >